

Песни о Тбилиси *в прозе*

ГОРОДСКИЕ РАССКАЗЫ

Песни о Тбилиси
в прозе

ГОРОДСКИЕ РАССКАЗЫ

«Калмосани»
Тбилиси
2010

Тифлисская новелла.

УДК (UDC) 821 161 1 - 3

Во всем многообразии русского литературного Тбилиси, в котором регулярно возникают новые литературные эксперименты и имена, незаслуженно обойдённым вниманием критики можно назвать жанр так называемой «тифлисской новеллы», которая охватывает широкий спектр бытовых перипетий жизни города как живого организма. Интересен так же лингвистический ряд подобных новелл, выраженный разговорными и фразеологически установившимися формами речи. Многонациональный Тбилиси не только говорит на многих языках; за свою долгую историю он приобрёл свой собственный «диалект» - квинтэссенцию многих кавказских наречий.

Рассказы ряда авторов, представленные в данном сборнике, являются своего рода калькой, с графической точностью, предающей эту самобытную, голосистую и в лучшем смысле слова «интернациональную» жизнь Тбилиси. У каждого из них - своё видение города, однако из всех маркеров их литературных опытов выделяется обобщённый, суммарный образ Тифлиса. Именно Тифлиса, так как данные новеллы переполнены ностальгией о Грузии начала XX столетия, с её наивным искусством уличных музыкантов и шарманщиков – уже и Тбилиси, в котором ещё не было асфальтированных улиц, множества автомобилей, и ничто не заглушало мелодий народных песен.

В новелле Карена Абгаров «Заутреня» перед читателем предстаёт именно такой город и столь знакомая русскоязычному читателю проблема «маленького человека», неотрывно связанного с городом, сросшимся с ним душой и телом. Дам-Сурен, старый тифлисский музыкант, размышляет на свой лад о вечных ценностях, жизни и смерти, собственных воспоминаниях. Примечательно, что финал рассказа – рассвет над Курой, озвучен у автора в возвышенных тонах: его герой наполнен величием искусства, которое было жизнью и любовью, и готовится уйти из этого мира в состоянии этой экзистенциальной благодати.

«В Вердикте эскулапа» и «По дороге через Кабарду» Артэма Григоренца обращает на себя внимание живой слог в вышеназванном разговорном ключе. В первом рассказе – о совершенно курьёзном розыгрыше с укусом бешеной собаки, и во втором – о тяжёлых временах политического «межсезонья» обращает на себя внимание обилие героев и второстепенных персонажей в повествовании. Это создаёт всё то же «многоголосье» наррации, разнообразное мировидение, позволяющее взглянуть на пространство литературного продвижения глазами его участников.

В книге использованы фотографии Александра Верещагина, Алексея Лыскина, Азата Манукяна, Юрия Мечитова, Рубена Рухкяна, Юрия Тертеряна. Рисунок Владимира Липунова.

На обложке – репродукция картины Джованни Вепхвадзе «Старый Тифлис». Дизайн – Бруно Вепхвадзе. На четвертой странице обложки – репродукция картины Сейрана Микоянца «Старый Тбилиси».

ISBN 978-9941-0-2665-2

© Песни о Тбилиси в прозе.
Сборник рассказов. 2010 г.

Примечательно. Что в триптихе «Война» Баадур Чхатарашвили обращается к философскому осмыслению новейшей истории Грузии на примере переживших её людей. Иллюстрация, в которой виртуально присутствует Ангел смерти наполнена её символикой.

В почти биографическом рассказе «Скрипач на крыше» Тамаз Чумбуридзе чуточку гротескно, но со знанием «предмета» представил «издержки производства городского хозяйства» - одну из тбилисских реалий, с оттенком ухарско-бесшабашного подхода «энергичного поколения» к собственной жизни.

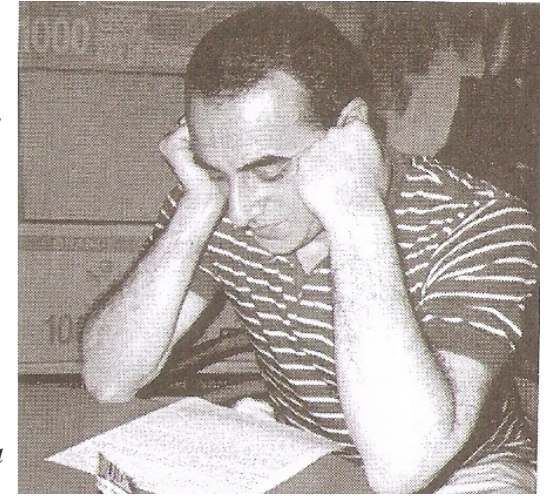
В новеллах Корины Цертели, Джованни Вепхвадзе, Эмиля Матевосяна, Григория Аруцтуняна прослеживается та же парадигма истории Тифлиса – на примере множества имён, дат воспоминаний и аналогий – перед нами возникает всё тот же Город с его подлинно тифлисскими, а не как некоторые говорят, «итальянскими» двориками, возгласами молочника и первой любовью. Важнейшую роль во всём этом многообразии играют воспоминания – они не только хромотопное значение, но и творит настоящее. Этот Город залит солнцем, полон голосами и красками и вечно жив.

Жанр тифлисской новеллы, самобытно и спонтанно возникший является установившейся и интересной формой; он имеет и несомненно будет обретать собственную читательскую аудиторию.

Ирена Кескулъ.

КАРЕН АБГАРОВ (1958-2004)

Родился в Тбилиси, в семье госслужащего. Зарекомендовал себя одним из лучших русскоязычных прозаиков своего времени. После окончания тбилисской 116-й школы поступил в Ереванский зооветеринарный институт. Недолго проработав зоотехником в высокогорных сёлах Армении, поступил в Ростовский госуниверситет на факультет журналистики. Работал редактором сельской газеты в Ставропольском крае. Вернувшись в родной Тбилиси, опубликовал в периодике и отдельными книгами свои произведения. Высокую оценку читателей получил его роман «Евангелие от Лукавого», посвящённый своему заключению в московский каземат, куда попал по ложному обвинению, рассказы «Реквием по горожанину», «Святой бабы Шуры».

ЗАУТРЕНЯ

Зачастую к старости у людей появляются свои странности. Странности же Дам-Сурена давно уже переросли в привычку и заключались в том, что каждое предрассветное утро он грузно шествовал по винному подъёму, с достоинством неся своё объёмистое, крепкое тело к Метехскому храму. Здесь он раскрывал принесённый с собой складной стульчик, усаживался по-домашнему и дожидался рассвета, разглядывая и угадывая в темноте смутные, но знакомые до малейших подробностей очертания старого Города...

Нынешнее утро, как всегда, в начале весны, было тёплым. Дам¹-Сурен блаженно расслабился, подставив широкое задубелое лицо лёгкому ветерку, потом несколько раз глубоко вздохнул, с силой выталкивая воздух, при этом издавая пухлыми губами звуки, похожие на пыхтенье паровоза.

«Видел бы кто со стороны, точно решил бы, спятил старый! – хмыкнул про себя Дам-Сурен, делая вращательные движения губами. При этом в такт губам комично пошевеливался и кончик широкого носа.

– Да-а, наверняка мои коллеги, собирающиеся на авлабарской бирже промывают мои старые кости. У них всегда так – начинают с кого-нибудь попроще, вроде меня, потом переходят на сильных мира сего. При этом байки о президентах и министрах, на людей меньшего ранга и не опускаются, травят так убедительно, будто только что расстались с ними, после дружеской попойки. Оказывается, у русского президента мама – грузинка. Не веришь? Спроси у Пинчика! Зять его двоюродной сестры держит в Москве ресторан «Авлабар». Говорят вся Госдума и даже сам президент любят после работы проводить там время. А как же! Ведь в том ресторане на знаменитый Сурик поёт.

Так вот, оказывается, как-то раз, в подпитии, растрогавшись от слад-

¹Дам - бас, басовая партия

кого Сурикиного голоса, президент сам признался Пинчику о своей родословной, что и объясняет его тягу к различным видам спортивной борьбы.

– Ва-а!.. Ну и что? У министра иностранных дел мама армянка из Дагет-Хачена. Либник вместе с ним в армии служил, и поэтому он помог Либнику открыть в Подмоскowie большой асфальтовый завод. Когда Либник приехал на свадьбу своего сына, который живёт на Элиа, по соседству с троюродным братом моей жены, он сказал. Что визовый режим всё-таки отменят, потому как очень неудобно такому занятому человеку, министру иностранных лет, хлопотать за визу для приезда сюда, на могилу своей мамы... Потом, обычно, эти шалопаи из Бины переходят к небылицам о ворах в законе и разных именитых преступниках, ссылаясь на все те же авторитетные мнения авторитетных выскочек типа полутораметрового Пинчика (это вместе с каблуками), или Либника, которого в своё время, из-за катастрофической неуправляемости, выперли из пятого класса аж даже Люсикиной школы, а не то, что Мадояновской... Да!.. Несведущие точно подумают, что я спятил на старости лет. А вот любой, кто знает, что такое дудук, сразу поймут, что я упражняю губы и щёки.

Закончив свои упражнения, Дам-Сурен перешёл к упражнениям для пальцев, помассировал подушечки и фаланги и, выдохнув напоследок, расслабленно взгляделся в предрассветную мглу, будто укрывающую тайну рождения нового дня родного Города. Здесь он появился на свет, видел радость и горе, предал земле многих родных и близких, ожидая только Богу известного дня, когда упокоят его рядом с ними... Хотя, какие ещё мои годы, всего-то восемьдесят семь, - подумал Дам-Сурен. – Но, с другой стороны, я чувствую, будто мне и двадцать лет, и двести. А жить ещё, ох как хочется!.. Всё интересно, всё ново, и будто не было всех этих прожитых лет, и я всё тот же молоденький Сурен, сын сапожника Габо, только что обученный извлечению звука на дудуке. Благо, Бина¹ была располагалась возле его дома. Она досталась в наследство городским музыкантам от одного бессемейного кьяманчиста. Там собирались, репетировали, учились друг у друга секретам своего ремесла, там же и проводили досуг.

Издавна музыканты сами выбирали себе устабаши. Когда Бину переименовали в Артель, им назначили председателя. Ясное дело – если артель, то нужен председатель! Притом, непременно пролетарского происхождения. А кто был из таких? Медоле Какули – сын оборотистого десятника-строителя Шакро. Гармонист Пачико – незаконный плод от греховной связи гадалки Нано и гастролирующего циркового борца. Ну, какая из гадалки пролетарка?.. Несерьёзно!

Второй дудукист – сын фазтонщика... Впрочем, выбрали меня, сына чувячника. К тому времени я уже более или менее умел играть на дудуке, дволе, гармонии, кьяманче. Но лучше всего мне удавалось продолжительно держать дам-нижний звук на дудуке.

Какофициально признанный председатель трудовой артели восточных пролетарских музыкантов, имени Карла Либнехта, я был обязан не только исполнять музыкальный фон, но и обеспечивать фон жизни своим музыкантам. То есть делать то, чем и раньше занимались устабаши. Принимать выгодные заказы, быть объективным и честным в дележе общего заработка, продвигать талантливых, отмеченных Богом, поддерживать состарившихся и за-

¹Бина - квартира, дом (арабск., груз.) «биржа» восточных музыкантов

болевших музыкантов, главное, помогать семьям ушедших в мир иной, и малоли что ещё!..

В то время нас знали и любили все горожане. Во время праздничных демонстраций мы шли с колонной по Головинскому проспекту до Эриванской площади, и нас приветствовали с правительственной трибуны. Хай-гиди-ха!¹.. Сколько воды утекло с тех пор!.. Странное было время – полное надежд и одновременно страшное. Люди верили как в Бога, в партию, в вождей, в то же время, одурманенные ими, боялись и доносили друг на друга. Сколько всякой мерзости, подлости, предательства, разврата пришлось пережить!.. Сколько раз за нами, на ночь глядя, присылали машину!.. Каждый раз мысленно мы прощались с семьями, с жизнью, а возвращались под утро, чувствовали себя словно окунутыми в дерьмо. Где только не заставляли нас играть! И в серных банях, и в конспиративных домах, в гостиницах, на чьих-то дачах за высоченным заборами. А каких только красавиц не привозили на потеху. Да, муторное было время!

Мне тогда по должности полагалось быть членом компартии. Когда пригласили в райком для собеседования и спросили, кого люблю больше всех в жизни, я, потянув и нервничая, никак не сумел ответить так, как у них положено. Всего-то нужно было сказать – «Сталина!» Я им – «Саят-Нова». Тогда один из членов комиссии снисходительно хмыкнул, мол, что с него взять и попытался помочь мне наводящим вопросом:

– А вот скажи-ка, кого больше любишь, Саят-Нова или нашего великого вождя?

Я подумал и честно ответил:

– Клянусь всеми, Саят-Нова люблю больше!

– Как же наш великий вождь? Наш отец всех народов! – не отставал тот член комиссии.

Тут чёрт меня дёрнул, и я воскликнул:

– Товарищ Сталин – лучший друг дудукистов!

И поперли меня из райкома в три шеи. Э-хе-хе! Потом началась война... – вздохнул Сурен и окинул взглядом первые лучи солнца над городом.

– Да-а... Потом меня взяли на фронт, из призывного пункта в Навтлуги. Тогда же у меня уже сын родился. До меня доходили слухи, что семья живёт впроголодь, но в победу верили все...

Вернулся домой, а пацану моему уже шесть лет. Спрашивает меня тутуц²:

– Папа-джан, ты на войне тоже на дудуке играл?

– Не, говорю, бала-джан³. На войне я играл сначала на трёхлинейке, потом на ППШ. Эх-х, не люблю вспоминать... Это молодыфм и зелёным кажется, что на войне как в кино: «Авоэ! В атаку!»⁴. Но те, что уже вкусили здешние недавние «конфликты», наверняка всё поняли что к чему. Хм, кон-флик-ты... конфликт – это когда я даю подзатыльник своему внуку Гево, когда он фальшивит на верхних нотах... А испытывавший войну на собственной шкуре знает, что война – это грязь, окопы, голод и холод, потеря близких и болезни, это обезумевшие лица, люди, убивающие друг друга, подлость, власть иму-

¹Восклицание, нечто вроде: «да, были времена» (арм.)

²Глупыш (груз.)

³Детка (ласкательное, арм.)

⁴Подзадоривающий и одобряющий возглас

щих, грязные, кровавые деньги, нажитые на нашем горе и на нас, превращаемых в стадо и пушечное мясо. Что я вынес из той войны, кроме ран, медалей и трофейного кларнета фирмы «Циммерман». О ещё чувство пустоты в душе. «И это всё?» - спросила тогда жена.

– Остальные три эшелона трофейным добром послал к себе домой генерал Мехлис, – ответила, обнимая её и наслаждаясь возвращением; ни тогда, ни сейчас мне не нужно такого трофейного богатства. Чем его больше – тем не насытней искупей становится его обладатель.

Да, вообще-то играть по-заказу мне не по душе. Просто зарабатываешь на хлеб насущный. Вроде делаешь благое дело. Доставляешь людям радость, льешь бальзам на сердце родных на панихидах и похоронах, но всё же!.. В таких ситуациях люди больше заняты событием и своим участием в нём. Место же каждого настоящего артиста – на сцене. Мы, например, даже засамоу мизерную оплату с радостью выступали в клубах, в армянском театре, в филармонии. Ведь на концерты люди ходят послушать тебя, не отвлекаясь не на что иное.

Сурен поёжился под ветерком, любуясь белым туманом, уже различимым над рекой от Чугурети до Авлабара.

«Где же этот сукин сын?!» – сердито подумал он о внуке Гево, – уже с полчаса, как должен был принести мою порцию хаши!..

Забыли, небось, что его едят спозаранку! Гево наверно и не слышал о том, что в прежние времена эта еда была для бедняков, а не как теперь стала деликатесом. Да ещё новость придумали в богатых ресторанах: «хаши для лентяев», оправдание для тех, кому неохота прийти вовремя. Зато мой внук умеет прекрасно пользоваться компьютером, знает английский, а русский уж само собой. И даже меня научил делать дыхательную гимнастику, как её там... по системе йогов. Да, но кушать траву, как они там, я не могу. Потому, что мой организм требует и хаши, и водку, и чакапули, и каурму, и долму, и шашлык-чалагаджи, и многое чего ещё, и, наконец, я люблю красное вино! А эти сукины дети уже больше получаса меня голодом морят; послушать их, так по системе этих самих йогов пить спиртное вредно. Мясо тоже вредно. Острое – вредно, а соль и сахар – вообще яд... Э-э-э Гево-джан! В Индии может и вредно, а здесь, у нас очень даже полезно! Это как в музыке, к примеру, наши старые городские мотивы подтянуты, выдержаны как дорогое вино, и, если угодно, мудры. Да, да, мудры! Ведь здесь всегда знали, кто автор песни, ибо город был выкован как булат. Ашугов почитали как самых мудрых и уважаемых людей, выражающих мысли и чувства горожан. И тот, кто несёт в душе это зерно, всегда сумеет разглядеть и выделить в толпе того, кто живёт нашей культурой.

Хотя это вовсе не означает, что мы закрылись в себе, или недоступны другим. Наоборот, виртуоза дудукиста Дживана Гаспаряна понимают и чтят, считая за честь музицировать вместе с ним многие выдающиеся музыканты в мире. Он даже джазовую музыку озвучил на дудуке. В том и вся наша сила, что отторгнув то, что народом не усваивается, мы, наоборот, впитываем всё ценное из других культур. В музыку нашего города слились армянская ритмика и мелодичность, грузинские изящные полутона, гармония и многоголосие, витиеватая связь персидского «баяты» с глубинной чувствительностью городского романса и даже с элементами из европейской классики.

Я помню, как с лёгкой руки Арама Ильича Хачатуряна начал изучать теорию музыки. Тогда из Армении к нам приехали снимать фильм «Пепо». Музыку для него сочинил Хачатурян. Он долго слушал нашу игру, попивая вино и делая пометки в нотной

тетрадке. Мы должны были озвучивать его музыку, и он нередко просил нас по много раз повторить тот или иной отрывок из понравившейся ему мелодии. Смущаясь, я поинтересовался пометками в его тетрадке, тогда Арам Ильич популярно ознакомил нас, слушателей, нотной грамотой. Мы, отдавшие музыке годы жизни, вдруг почувствовали себя тёмными и отсталыми «дубами» и с радостью принялись экспериментировать.

Мы оттачивали звучание и отработывали технику. Постепенно маме удалось добиться более красочного и выразительного исполнения. Особенно нас вдохновил момент, когда Арам Ильич принёс ноты для звукозаписи песни Пепо. Казалось, эта музыка звучала из самого сердца Города. И только он один, Арам Ильич, озарённый гением, сумел выразить её истинную глубинность и дать ей путёвку в жизнь. Не это ли есть классика?!.. Вот, что бесценным даром врезается в память Города, чтоб усладить наши сердца. И вот почему раздольные крестьянские песни, которые с удовольствием слушаются в провинциальной среде, на наших улицах представляются примитивными. Тут вбирается лишь то, что дано прочувствовать, выстрадать и воспеть, ибо каждый идёт к своему.

Лучше всего в своей жизни я играл тогда, когда по-настоящему влюбился. У каждого это происходит по-разному; Ко мне это пришло, представьте, в шестьдесят пять лет. И кто сказал, что влюбляются только молодые?! А-п-па-а! Меня спросить, та, настоящая любовь приходит к человеку, уже вдоволь пожившему, а в молодости это так... Я по молодости так и женился на Марго... Ходила, дурочка, взад-вперёд по нашей улице к своим родственникам, подрагивая высокой грудью, поигрывала тугим задом, вот и доигралась. А вообще, впервые мне казалось, что я влюбился в Лиллю Штромберг, девочку, жившую на Воронцове. Меня тогда так умиляли её муфточка и по-еврейские тонкие ножки, что я посвятил её стихи, к тому же на русском языке. Даже сегодня их помню... Дам Сурен рассмеялся и продекламировал их напраспев: «От любви снимаю шляпы, жду тебя как чуду, клянусь мамой, клянусь папой, бит тебя ни бу-у-ду»

Потом я решил пленить её своей музыкой возле её дома, но она высокомерно глянула на меня, бедно одетого, с балкона второго этажа их барской квартир и строго бросила: «Сурик, перестаньте дудеть, не мешайте папе принимать пациентов!» Доктора Штромберга расстреляли в 37-м году, а семью выслали куда-то в дальние края...

Помню, подъехала к Бине серая «Волга», вылезший из неё щеголеватый чиновник Министерства культуры, словно преподнося драгоценный подарок, представил появившуюся следом величайшую трагедийную актрису, которую знала вся страна. Пока мужчина пространно объяснял цели их визита – готовился концерт к юбилею Города, она разглядывала нас с нескрываемым интересом. Я встал как в ступоре, не понимая, что со мной происходит, и украдкой поглядывая на неё, впитывал её образ, с чуть навывкате медовыми глазами, мерцающими из-под тёмных век, способную вобрать и излить великую скорбь и великую любовь; царственный лик, облагороженный морщинами, орлино-гордый профиль: выразительные руки с нервно подрагивающими тонкими пальцами, отяжелёнными старинными кольцами и браслетами...

Как-то вдруг, разом, я понял, что погиб и родился одновременно...

Мы репетировали вместе всего два раза выбирали мотивы для сопровождения её мелодекламации, отсчитывали такты и определяли уровень громкости, обсуждали сценические костюмы... Всё это время я погибал и рождался – исходил болью за своё несо-

вершенство и полнился счастьем от чувства сопричастности к ней. Мне хотелось рыдать и смеяться, топить тоску в вине и петь, как потерявшему голову несмышлёному юнцу. Даже моя Марго как-то раз с недоумением заметила: «Что-то странный ты стал, и ... вроде помолодел...» И вот, настал долгожданный день. В актёрской уборной мы переоделись в чёрные чохи и ахалухи, перепоясались дедовскими серебряными ремнями. Потом кто-то повёл нас за кулисы. Услышав наши фамилии, объявленные конферансье, мы вышли на подмостки, залитые огнями рампы и слепящими солнцем прожекторами, и люстрой. Но всё померкло, когда под восторженный всплеск оваций на сцену вышла Она. Гордо вскинув голову, облачённая в княжеское белое платье, она легко и гибко несла себя навстречу восхищённым взглядам публики. Остановилась, потупив взор у края сцены и, отведя чуть обнажённую, как в танце, руку в нашу сторону, затем плавно опустила. Мы вступили тихо, как бы издалека, и чуть погодя затрепетал её божественный голос. Казалось, будто её слова здравницы овевают живительным ветром горячее солнце Города, признаваясь ему в любви. Голос набирал силу, и руки её, как бы притягивая и ведя за собой музыку, медленно поднимались в грациозном изломе кистей и плеч, сошлись у груди в молитвенном единении и, полнясь счастьем, вознеслись вверх. После этого мы должны были ещё пару тактов выдержать стихающий аккорд, но потрясённая публика обрушила на нас шквал аплодисментов. Ребята, смущённые и счастливые, опустили дудуки. Моя царица пронзительно прижала руку к груди, кланяясь публике, покорённой её искусством, а я не смог остановиться, нее сделав чего-то главного и, напрягши до боли губы и щёки, похожие на готовые разорваться полные бурдюки с бродящим вином, продолжал держать дам на одной ноте. Наконец, она услышала меня в общем шуме, удивлённо обернулась и приподняла руку, призывая зал у тишине. Ребята недоумённо переглянулись, а я продолжал выдувать дам со страшным напряжением щёк. И вдруг всё исчезло. Остались лишь она и чудесная сила благодарения самой Любви, возносящая волшебными звуками к немыслимой высоте и тающая на её пике прощальным отголоском...

Я приходил в себя, не слыша рукоплесканий и не видя ничего, кроме её прекрасного лица. Она, с глазами полными слёз, подошла ко мне, я почувствовал благодарное пожатие моей руки и её тонкими пальцами, после чего подняла вверх мою покорную руку.

Марго ушла с концерта, не дожидаясь меня, а потом целый месяц оскорблённо молчала. Конечно, она поняла тогда, что произошло, и только много позже, прочитав в газете о смерти ни в чём неповинной знаменитой соперницы, умиротворённо успокоенно: «Наверное, в такую женщину трудно было не влюбиться, хотя она была на десяток лет старше некоторых! – Марго искоса взглянула на меня и тут же добавила с обидой, а для меня ты никогда так не играл!..»

Да-а... Тогда я сыграл лучше всего в жизни! Но так играют только однажды.

Дам-Сурен посмотрел из-под ладони на Солнце, взошедшее на три четверти, перевёл взгляд на первые автомобили, засновавшие на набережной, и увидел подходившего к нему внука.

– Что, гости уже собрались? – спросил он, помогая внуку раскладывать на парпете судок с хаши, початую бутылку и весь остальной хашный комплект...

– Подходят потихоньку, – ответил тот, наливая водку, в то время как дед заправлял похлёбку чесноком, солью, крошил лаваш. – Дед-джан, пришёл бы и ты, посидел бы нормально со всеми за столом.

– Э-э! Пока вы все соберётесь, вечер наступит. С вами не хаши, а гогли-могли кушать! Да и чего я вас, молодых, стеснять буду!

Дам-Сурен вздохнул, посмотрел с каким-то тревожным чувством на уже полностью пробудившийся Город и, подняв стакан (внук знал его привычку и налил «по-гвардейски», до края), сказал бы самому себе: «Бог даст, всё. Что будет хорошо... За Город, за Любовь, за Жизнь!»

Сурен поел без аппетита, не обращая на возникшую в груди ноющую боль, вытер губы платком и помог внуку убрать с парпета.

– А теперь можно и поиграть, – сказал старик, вынимая дудук из внутреннего кармана. Каждое утро они начинали новым мотивом, новой музыкальной фразой, что также входило в ставший обязательным ритуал, способствовавший совершенствованию мастерства. Гево проворно достал свой дудук: у деда было ещё многому чего поручиться. Их утреннее уединение позволяло не отвлекаясь, сосредоточиться на занятиях.

Дам-Сурен бережно погладил свой видевший виды дудуки подумал: «абрикосового дерева, из которого его выточили, давно уже умерло, а эта частичка его ствола, хранящая тепло моей груди и рук, может и сейчас за считанные минуты, поведать и подарить миру столько, сколько иной человек не в состоянии сказать за всю свою жизнь».

- Давно мы что-то не играли «Дилис саари», - произнёс Сурен, вспомнив свой тот концерт, - слава Богу, его запись и даже часто транслировалась по радио и телевидению. «Но всё равно – подумал Дам-Сурен, - никому ещё не удалось сыграть так, как мне в тот вечер». Сняв колпачок с трости, не торопясь, увлажнил языком. Внук повторил его действия, по-мастерски, уже с привычным знанием дела. Тихонько, как бы настраиваясь, издал несколько разных звуков и замер, дожидаясь, когда дед подаст вступительный знак. Дам-Сурен, прикрыв веки, лёгким кивком пригласил вступить вместе с ним, и полились, как густой, душистый мёд, волшебные звуки – гимн утру и янтарному солнцу, пробудившемуся Городу – Вечности и Любви. Поддерживая дам, старик моментами переходил на второй голос, при этом не упускал всякий раз услышать всё новые нотки и мелизмы, украшавшие вариации внука.

«Пожалуй, этот сукин сын и меня обойдёт!» – с радостным одобрением подумал дед, продолжая играть, но нарастающая боль в груди стала отвлекать, путать мысли. Он опустил дудук, задрожавшими пальцами нацепил колпачок на трость. Гево продолжал играть, не обращая внимания на деда – так случалось часто, когда он останавливался, чтоб внимательнее вслушаться в игру внука и сделать какое-нибудь замечание. Однако сейчас старику было не до этого. Боль стала невыносимой, жгла грудь, потом вдруг сорвалась раскалённым комом, заполняя всё тело, и неожиданно стихла. Дам-Сурен с посиневшими губами и побледневшим лицом пригнулся под собственной тяжестью на стульчике. Теперь он мог вновь слушать спокойно, и музыка всецело заполняла его, вознося в блаженство.

«А-джан, Гево-джан!» – благодарно подумал Дам-Сурен, наполняясь радостью от того, что успел передать своё искусство внуку, и ещё тем, что была Жизнь и была Любовь, и всё это не исчезло, а осталось вечным в музыке, которую родил Город.

У старика уже не хватило сил, чтобы оглянуться в ту сторону, куда Кура уносила свои воды, вырываясь из шлюзов, под Ортачальским мостом, но он знал: всё, что было, отразится в этой музыке, и преломится радостным сиянием в облаке брызг; оседая искрящимся светом водяной пыли на лицах прохожих и на омытых улицах Города.

(Рассказ публикуется с небольшим сокращением)

ВЕРСИЯ

В последний путь проводили тариста Мукуча Казаряна, более чем полвека бесценно руководившего этнографическим народным ансамблем «Саят-Нова». На другой день мне понадобилось оказаться возле сапожных рядов в Навтлуги. Там встретил приятеля Артюшу и с ним пару его приятелей, здешних холодных сапожников. По ним было видно, что они чуть подшофе – винный прилавок тут же, под носом, да и закуска там на всякий вкус и бюджет...

– *Вонцес?!.. (Как ты?!..)* – на тбилисско-армянском диалекте завязал Артюша со мной разговор, вовлекая и своих корешей. Узнав о кончине Мукуча, все искренне посочувствовали и с жаром и наперебой стали вспоминать встречи с ним, его заслуги; неспроста же получил официальное звание заслуженного деятеля искусств Грузии. Один из прохожих, пожилой мужчина, заслушав наше упоминание о Мукуче, незамедлил заявить нам, что он тоже вчера был на его похоронах и даже на келехе. Затем он повернулся ко мне:

– Ты даже за моё и Серго Камалова здоровье выпил, когда подняли тост за близких друзей и коллег Мукуча, не помнишь?.. Эх, даже посчитать невозможно, сколько раз и где только не приходилось нам играть в ансамбле с Мукучем!

Тут я отчётливо вспомнил этого человека, пожал ему руку, после чего он назвал своё имя: Владимир Григорян, по прозвищу Похи. Пояснил, что это прозвище означает армянский глагол «смени», ибо нередко произносит его, когда коллеги дудукисты играют фальшиво, и он предлагает им сменить трость. Затем коротко рассказал о себе и своих двух «коронных» выступлениях: в московском Доме Актёра, в мероприятии, посвящённом грузинской культуре, организованном известным актёром Э. Виорганом. Второе, знаменательное, оказалось непосредственно связанным с «Заутреней» Карена Абгарова. Вова-Похи поведал такое, что только и осталось сделать вывод: он и есть прототип главного героя этого рассказа. Он точно описал картину своего участия в творческом вечере актриса с «орлино-гордым профилем» – знаменитой Верико Анджапаридзе!

Вова с гордостью добавил то, как на другой день после бенефиса он пришёл к ней в дом и попросил, чтоб она письменно подтвердила его участие в том историческом мероприятии. Тогда актриса позвала свою дочь, не менее блистательную актрису Софику Чиаурели, и они вместе составили соответствующий текст. Эта справка и поныне бережно хранится реликвией в архиве старого дудукиста.

Эти откровения Вовы заставили меня немедленно поинтересоваться, читал ли он рассказ Карена Абгарова. Но тот и понятия не имел об этом авторе и его произве-

дении. А когда я спросил, играл ли он когда-нибудь серенады в одном из дворов в Ваке, куда его пригласил некий молодой человек, – Карен Абгаров сам мне рассказывал об организованном им концерте, когда добивался руки своей будущей супруги, – старик не сумел ответить. Не вспомнил. Однако не приходится сомневаться, что он когда-то поведал Карену, как и сейчас мне, о своём выступлении с прославленной актрисой.

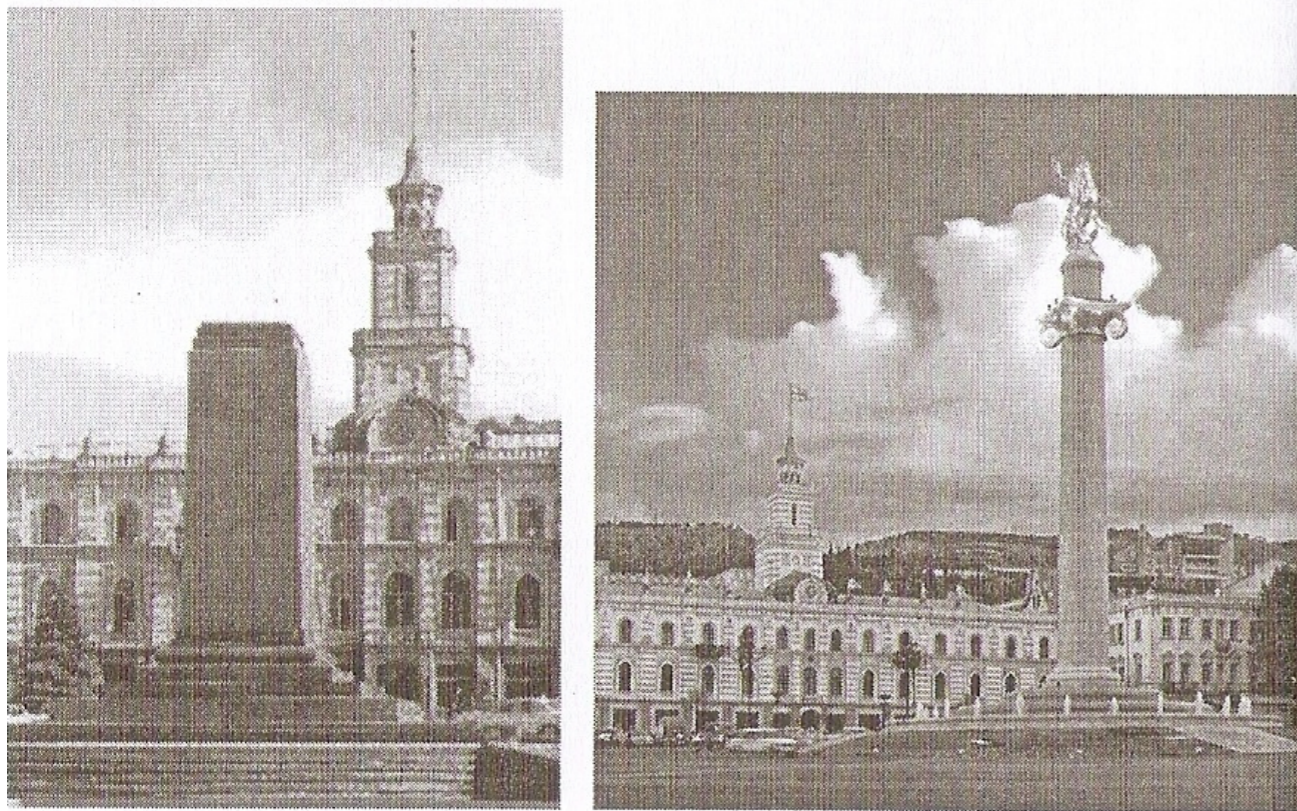
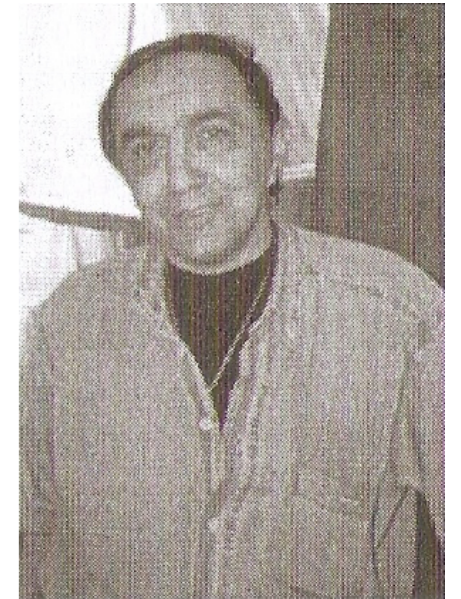
На снимке (слева направо): Ашот Давришев, Вова Григорян, Володя Петросян.

P.S. Когда версталась эта книга, я попросил у известного тбилисского фотомастера Рубена Рухкяна дать мне в качестве иллюстраций несколько жанровых снимков. И будто по чьему-то волшебному повелению на одно из предоставленных фотографий, в центре шествует сам Вова Григорян. Снимок сделан во время акции некой общественной организации в защиту старой архитектуры Тбилиси.

Артэм Григоренц.

ГРИГОРИЙ АРУТЮНЯН (1947-2018)

Родился в Тбилиси в 1947 году. Свою начальную биографию описал в нижеприведённом автобиографическом рассказе. Поступил в Горьковский (Ниже-Новгородский), окончил Ереванский медицинский институт. По распределению работал педиатром в Калининском и Апаранском районах. В 1993 году порвал с медицинской практикой и с головой окунулся в мир искусства, превратив своё хобби в основное занятие. Приступил к писательскому творчеству. Опубликованные им книги говорят сами за себя: «Русская икона в Армении», «Русский портрет в частном собрании», «Ереванский вернисаж», «Авое, Тифлис!», «Страсти бравого эмулапа». С 2002 в статусе искусствоведа года состоит членом Союза художников Армении, позже стал членом Союза писателей Армении. Автор десятков статей о художниках.

Там, где стоял вождь — нынче Св.Георгий Победоносец.

ВОКРУГ СТАРОГО УНАБИ НА ПУШКИНСКОЙ 119

*Дворикам нашего детства посвящается.
Недавно я узнал, что редко встречающееся
дерево - унаби внесено в красную книгу.*

ВЕЛОСИПЕД

— Ма-цо-ни! Мо-ло-ко! Я проснулся от этих привычных криков, часто будивших не только меня в нашем маленьком дворике в самом центре старого Тбилиси. Это крестьяне из ближайших сел, на своем незаменимом транспорте — ослике, с перекинутым через него хурджином, где лежало, аккуратно, в банках, вкусное, деревенское мацони и молоко, щедро предлагали заспанным горожанам свой товар, остроумно и колоритно его рекламируя, хоть и в никакой рекламе он не нуждался. Но это была естественная необходимость и для продавца и для покупателей. Южный темперамент — этим все сказано. Крестьян с осликом сразу окружала детвора, женщины всех возрастов, и шумный, многоязычный говор заполнял все вокруг. Мужчины, обычно, не вмешивались в дела своих домохозяек и, деловито, желая друг другу доброго утра, собирались на работу. Мужчины в нашем дворике все работали, а вот женщины, в большинстве, — нет. Они были домохозяйками. Считалось, что если женщина работает, значит, муж у нее никчемный — не может содержать даже жену. А это — позор. Вот и стали женщины домохозяйками, а мужчинам тем самым удалось сохранить свою незаменимость и авторитет.

Я проснулся, и необъяснимое чувство беспредельного счастья охватило меня. Был воскресный день. В школу идти не надо. На улице чудная весна. Но это еще не все. Главное, у меня теперь есть настоящий, большой велосипед. Это тебе не «Школьник!» И купил его я на свои заработанные деньги. Да, да, не удивляйтесь, хоть мне всего

Этого барельефа перед садом «Арто» уже нет.

Здание Института марксизма-ленинизма
станет гостиницей.

двенадцать лет. А сейчас, скорей во двор — ведь никто еще не видел моего велосипеда! Представляю, как будет реагировать на это Робик! Я подожду, когда выйдет во двор Нона и неожиданно, на виду у всех, лихо подкачу к ней на своем "железном коне" и предложу сесть на заднее сиденье. Она сядет, и мы станем кружиться по двору. Пусть лопнет от зависти Робик! А то только и кичится, что он старше меня на три месяца и выше ростом. Затем, предложу прокатиться Робику. Скажу, что мне уже надоело. Но главное — Нона! Неужели она опять не удостоит меня вниманием? Ну, ладно. Скорей во двор! Выскочив на балкон, я осмотрелся. Во дворе еще никого не было, кроме старушек Нане и Лусик, просыпавшихся раньше всех. Двор наш был небольшой, а сейчас, через много лет, кажется мне крохотным. Но тогда он вмещал для нас целый мир, где мы гоняли в футбол, в баскетбол и волейбол. Позже появились самодельные столы для настольного тенниса и бильярда. Играли в «жмурки», «ловитки», «два флага», «казаки-разбойники»... Для нас, мальчишек, на первом месте был, конечно, дворовый футбол. С каким азартом мы играли! Соседи становились судьями, болели, наблюдая со своих ажурных деревянных балкончиков. Мяч то и дело попадал в эти балкончики, бились оконные стекла. Особенно любил смотреть наши игры, уже очень старенький, дядя Костя Шаумян, близкий родственник знаменитого Степана Шаумяна. Он садился на стул и, опершись на перила балкона, греясь под солнышком, дремал. Но когда мяч, невзначай, попадал в его балкончик, тут же оживал и радостно вскрикивал: «Штрафной! Штрафной!». А по вечерам, почти регулярно, как действующее лицо последнего акта спектакля, певуче объявляя: — «Стэк-ло! Стэк-ло!» появлялся во дворе стекольщик, вставляя разбитые стекла. Сейчас удивляет, как могли мы чувствовать себя, в нашем дворике, так раздольно! Но так было.

УНАБИ

— В центре двора стоял водопроводный кран с каменным поддоном, — неодушевленный участник всех наших футбольных баталий, не только не мешавший нам, а наоборот, спарринг-партнёр в отношении техники обводки противника. Кран — ещё и место встреч и бесед соседей ранним летним утром. Вокруг росли две липы, два туттовых дерева — одна белая, другая черная тута, небольшая вишенка, виноград, разросшийся в виде купола над двором. Даже в самый знойный день мы не ощущали жары — деревья великодушно оберегали нас. И только одно, небольшое и сгорбленное дерево — старый унаби — не участвовало в этой благородной миссии. Как человек, согнувшийся от непосильной ноши, видно, само нуждалось в помощи. Он был всеобщим любимцем, с необычными на вид и вкус плодами. На него легко было взбираться, удобно сидеть и даже читать книгу.

НОНА И БИНОКЛЬ

Вытащив, из чулана свой красавец-велосипед, обтерев до блеска, я кружил по двору, то и дело поглядывая в сторону верхних балконов, где жила Нона. Но Ноны не было. Затем послышались знакомые звуки ее скрипки, и я понял, что это надолго. В

это время во двор вышел Робик и удивленно уставился на меня. Посвистывая, я продолжал наслаждаться своим приобретением. А Ноны всё ещё не было. Мне вскоре надоели эти виражи, да еще Робик пристал — дай покататься, дай покататься, и я уступил. Тут неожиданно появилась Нона и, увидев Робика, радостно сбежала во двор, по длинной и скрипучей деревянной лестнице. Не обратив на меня никакого внимания, попросила у Робика велосипед. Он тут же уступил ей и начал обучать, хоть и ездил она неплохо. Я даже пожалел, что купил велосипед. То же самое было с биноклем. Зачитываясь книжками о путешествиях, морских странствиях, мне очень хотелось иметь бинокль. Не маленький, театральный — какой был у тети в шкафу, а большой, армейский. И вот, когда я лежал в больнице, где мне удалили гланды, мой дед выкопал в какой-то комиссионке старый полевой бинокль. Радости моей не было предела! Я представлял, как, по утрам, выйдя на балкон и, напевая песенку про капитана, гордо, через бинокль буду разглядывать наш дворик, соседей и, конечно, Нону. Смогу видеть ее очень близко — что она делает, как играет на скрипке. Но, когда Нона увидела меня с биноклем, сразу обиделась, сказав, что подглядывать неприлично. И я перестал. Одним словом, ей больше нравился Робик. А меня она не замечала. Это мучило и угнетало меня еще много лет. Это была Первая Любовь... Любовь детская, искренняя, часто безответная. Как бы она не заканчивалась, всегда остается чистое, радостное, теплое и щемящее чувство.

КНИГИ

Я рано подружился с книгой. Читал без разбору, что попадет под руку. Дома у нас книг, в общем, никто не читал. На маленькой этажерке моей тети — Зарик их было мало — только технические справочники, несколько томиков Пушкина, Драйзера и пара дореволюционных изданий об известных художниках мира. Зарик была инженером. Чем занималась конкретно, я не знал. Знал, что работает научным сотрудником в институте, где её все уважали за знания и человеческие качества. Младшая тетя — Теда, работала бухгалтером в детской больнице. Во всяком случае, с книгой я её не замечал. Дед с отцом были большими любителями газет и журналов.

Каждый день почтальон Абрам приносил нам кипу разной прессы и вручал персонально деду, получая за это стаканчик хорошего вина. А дед начинал с удовольствием «колдовать» над периодикой. Для деда особенным днём был, когда Абрам приносил упакованную трубочкой армянскую газету из его родных краев «Воротан». В Тбилиси дед был единственным подписчиком газеты, а для редакции этой газеты, естественно, — очень уважаемым человеком. Оттуда регулярно присылали ему поздравительные открытки к Новому Году и к другим праздничным датам. У деда хранилось множество различных газетных и журнальных вырезок. Он их периодически приводил в порядок, пересказывая мне содержание особо, на его взгляд, интересных заметок. Еще у него были две большие старые иллюстрированные книги о русско-японской войне, и я обожал их листать. В доме у Робика было много книг, и я имел к ним открытый доступ. Как-то мы с Ноной пошли в библиотеку. По дороге я увлеченно рассказывал ей о деревне, где провел лето. Рассказывал об орешниках, птичьих гнездах, ежевичных

зарослях, где чуть не наступил ногой на спящую змею — тут я преувеличил — я их, змей, просто там видел. В библиотеке произошла небольшая задержка с оформлением книг, и я сказал Ноне, чтоб она не ждала и пошла домой без меня. Но она ответила, что подождет, так как ей без меня скучно. Что со мной было! Ведь это значило, что Ноне со мной, вдруг, стало интересно! Она сама в этом призналась!

ТАМАДА

В нашем дворике, как и самом городе, жили люди различной национальности — армяне, грузины, русские, евреи, поляки, айсоры. И все прекрасно ладили. Правда, почти не было дня, чтоб женская половина двора не затевала какую-нибудь «полемику». Причем, в ход пускалось всё — и кто кого перекричит, и шумовые эффекты с кастрюлями и посудой, и метла, а порой и женские кулачки. Но это продолжалось недолго, и вскоре все забывалось до следующей ссоры. Мужчины вели себя более достойно. В женские дела не вмешивались, а свои разногласия решали мирно. Иногда, видно по особому поведению, собиралась в небольшом винном подвальчике-закусочной, куда можно было войти и с главного входа на улице, и прямо с нашего двора, через черный ход. Но им мужчины двора почти не пользовались, жены были начеку, а входить с улицы было безопасней.

Летом все соседи никак не обходились без двора, там стирали, сушили белье, взбивали шерсть, купали детей, ссорились и мирились. Вечерами, возвратившись с работы, мужчины устраивали застолье под старым унаби. Причина находилась всегда — чьи-то именины, рождение и крестины, у кого-то горе и надо утешить беднягу, другому, наоборот, улыбнулась фортуна. Сначала, конечно, выбирали тамаду, оглашавшего бесконечные тосты, с соблюдением устоявшегося, неукоснительного канона. Тосты, повторяющиеся, казалось, без изменений, мы, молодёжь, слушали с наслаждением, не осознавая, что это великое, но, к сожалению, уходящее в прошлое, искусство тамады, которым у нас владели виртуозно. А самым почетным для нас было место на унаби, куда мы взбирались, опережая друг друга, чтоб устроиться поудобней. Застолье сопровождалось пением. Иногда появлялся тар, особенно если в гости во двор приходил известный в городе тарист Павле Зарафьян.

ТАРИСТ ПАВЛЕ

Отец обожал музыку, песню. Его кумиром был непревзойденный Саят-Нова. В застолье пел, вместе с мамой, читал стихи, часто импровизируя, выдавая на лету экспромт. Имея только трехклассное образование, был бессменным тамадой в любой кампании. Он очень хотел, чтоб я играл на каком-нибудь музыкальном инструменте и где-то добыл мне маленький, детский тар. Обучать меня согласился сам Павлэ. Он был братом дедушки Робика, папаши Аршака, известного и уважаемого в городе портного. Здесь хочу отметить одну деталь — дед мой, тоже был портным. По какой-то причине, ещё в молодости, они не поладили до конца своих дней не разговаривали друг с другом, хоть и жили на одном балконе. Зато все остальные члены наших семей тепло дру-

жили. Но стоило папаше Аршаку, — он, как и его брат Павлэ, играл на таре и хорошо пел, — в минуты досуга тихонько играть и петь в своей комнате, как дед тут же откладывал свою работу, садился поближе к стене, а она у нас была общая, и просил домочадцев не шуметь: «Дайте послушать и послушайте сами, как чудесно поет Аршак!». Особо нравилось деду его исполнение армянской песни «Крунк». Дед всегда высоко, особенно в присутствии своих клиентов, отзывался о профессиональных качествах папаши Аршака: «Никто так хорошо не шьет костюмы, как Аршак!». И это уважение было взаимным.

Дядя Павле начал обучать меня игре на таре когда мне тогда лет 7-8. Научился я довольно быстро, но, к сожалению, дядя Павлэ тяжело заболел и больше не мог ни приходить к нам, ни заниматься со мной у себя дома. Тогда отец купил мне аккордеон. Я стал прилежно ходить на уроки музыки на дом, к молодой учительнице. Ходил без всякой охоты. Мне претили и сами занятия, хоть учительница была очень милой, и то, что приходилось дома часами разучивать всё новые мелодии — "На сопках Манджурии", "Севастопольский вальс", "Дунайские волны", армянские, грузинские, русские песни и романсы. А в это время во дворе происходило столько интересного! Зато, вскоре неплохо освоил аккордеон, и отец по праву мог гордиться, когда я на своих «концертах» исполнял все эти вальсы и полонезы. Правда, почему-то, я стеснялся, что занимаюсь музыкой, считая это занятием для девчонок, и играл только дома, в дальнем углу комнаты. Но отец специально открывал настежь окна и весь двор становился моей аудиторией. Но прошло время, и я забросил аккордеон, как и многое в своей жизни, и сейчас очень жалею. Впоследствии, я стал брэнчать, как и миллионы моих сверстников, на гитаре. Но гитара — не аккордеон. Аккордеон — совсем другое дело.

БОРЬБА ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Вскоре нас увлек пинг-понг, и во дворе появился самодельный теннисный стол. Его изготовил для нас сосед-столяр дядя Денис. До этого мы с Робиком играли на небольшой деревянной кушетке, стоящей на нашем балконе. Играли самозабвенно. Однажды мы с Ноной так заигрались во дворе, что и не заметили, как стемнело. Я притащил свечи. Дворовые ребята держали их зажженными, и так мы доигрывали незавершенную партию. Тогда же к нам во двор зашёл какой-то незнакомец и с одобрением воскликнул: — «Вот так рождаются знаменитые спортсмены!» Но он ошибся — спортсменами мы не стали, хотя я и записался в секцию настольного тенниса.

Как-то, возвращаясь в троллейбусе с тренировки, к своему изумлению я увидел, как некий мужчина шарит в карманах другого, а тот стоит как истукан и ни звука. — Неужели он не замечает этого? — пронеслось в голове. Я подошел к незнакомцу и тихо шепнул, что ему лезут в карман. Он продолжал стоять, как восковая фигура из музея мадам Тюссо, и молчал. Троллейбус подъезжал к остановке. Вдруг я почувствовал сильные удары по ногам. Боль ударила в голову. Били несколько человек, пытались стащить меня с троллейбуса, но я, преодолевая боль, крепко схватился за поручни и удержался. Видя тщетность своей затеи, воры выпрыгнули на ближайшей остановке. А я остался. Это была моя первая встреча с откровенной несправедливостью и глумлени-

ем над человеком. Позже мне часто приходилось встречаться с подобными деяниями, но в завуалированной форме. Это когда обкрадывают душу. Но этот эпизод мне запомнился на всю жизнь. Я поведал об том случае Ноне и Робику и некоторое время был окружен ореолом героя.

У меня было обостренное чувство ко всякой несправедливости, в особенности по отношению к незащитному человеку. Как-то, стоя возле нашей школы, устроившись на бордюре, тщедушный крестьянин продавал живую курицу. Вдруг, откуда не возьмись, на большой скорости подъехал милицейский «черный ворон». Из него выскочили милиционер и шофер. Схватив опешившего и беспомощно озиравшегося по сторонам крестьянина с его кудактающей курицей, затолкали в машину и направились в сторону кабины. До того, как милиционеры поднялись в кабину, я успел открыть не запертую на ключ заднюю дверь, дав крестьянину возможность скорее унести ноги. Что он и сделал на редкость ловко, мгновенно исчезнув в подворотне. Блюстители порядка, заметив через окошечко, пустой кузов, с изумлением завосклицали «Ваа! Ва-а!», вновь выскочили на улицу. Но от «нарушителя» и след простыл. На секунду замешкавшись, поняв в чем дело, молча запихнули меня в свой воронок. В отделении милиции работавшая с подростками женщина стала оформлять протокол. Я чистосердечно признался в содействии побегу «опасного для общества преступника». Когда об этом ЧП сообщили по телефону нашему соседу Шуру Нейману — в нашем дворе только у них был телефон, и я хорошо помнил номер. Вскоре в полуобморочном состоянии прибежала моя бедная мама. Узнав, в чем дело, мама немного успокоилась. Взяв с меня слово и расписку, что такое больше не повторится, нас с мамой с миром отпустили.

Мама всю дорогу отчитывала меня, но как ни странно, угрызения совести я не испытывал. Случись такое снова, я повторил бы то же самое. Вечером, под унаби, этот случай бурно обсуждался соседями за бутылочкой вина под председательством, пользующихся авторитетом в нашем дворике, Смбата Ростомовича и повара Серго Метревели, кстати, единственного из нашего двора, кто был репрессирован и отправлен вместе с семьей в ссылку и, к счастью, благополучно вернувшегося. В целях объективности наши домочадцы не были допущены к обсуждению этого ЧП. Смбат Ростомович подытожил, наконец, общее мнение — обязательно помогать попавшим в беду, но так, чтоб не навлечь большую. А, обычно немногословный дядя Серго, предложил тост за спасенных — курицу, ее хозяина и меня с ними.

Отношение Ноны ко мне в последнее время заметно изменилось. Я зачитывался Драйзером и, уподобляясь его героям, стал уделять больше внимания своей внешности. Мне казалось, что у меня весьма ординарная внешность, и я избегал смотреть в зеркало, тем более быть при этом довольным. Вскоре заслужил похвалу Ноны: сказала, что я похож на Жорку, очень красивого мальчика в соседнем дворе. Лучший комплимент, какой мог себе представить. После этого я утроил свои усилия. Старательно ухаживал за шевелюрой, одеждой. У меня появились первые мокасины, брюки дудочкой. А вскоре я прослыл симпатичным мальчиком не только нашего двора, но и всего «убана» или, как иначе говорят, — микрорайона.

ЕЖЕВИКА И МАРКИ

Летом я, вновь, поехал к бабушке Устине и тете Мане, маминой сестре, живших тогда возле границы с Арменией, у железнодорожной станции Садахло. Дед мой, мастер Ерем Агванян, погиб накануне войны, выполняя служебный долг, спасая поезд от крушения. Его старший сын Геворг погиб, добровольцем ушедший на фронт Великой Отечественной.

Прямо у домика тети, протекала река Дебет, где в прошлом году я у ребят научился плавать. Они собирали со мной ежевику, и тоже заметили во мне внешние перемены. К тому же за нынешнее лето я здорово вытянулся в росте. Тогда же впервые попробовал вкус табака. Мы с мальчишками скинулись и купили пачку сигарет без фильтра — "Вега", с фильтром тогда еще не было. Прятали ее в дупле дерева и с показным наслаждением, тайком от взрослых, выкуривали по одной сигаретке в день. Да, насчет ежевики. С местными ребятами занимались своеобразным, весьма прибыльным для нас, «бизнесом». Неподалеку росло много ежевики. Надев резиновые сапоги и вооружившись палками-крючками, мы смело топтали густые ежевичные заросли, наполняя ягодами ведёрки. Следующий этап — приготовление кульков. В ход пускались газеты, журналы, старые тетради. Вечерние поезда на этой станции мы встречали во всеоружии. Пассажиры с удовольствием хватили наши кулечки по 10 копеек за штуку. О результате можно судить по велосипеду, о котором я рассказал, купленному на эти деньги. Здесь я несколько не договариваю. В покупке велосипеда мне помогли и марки. Увлечшись филателией, я узнал у Рубика Агамяна, адрес одного коллекционера в Венгрии и списался с ним. Рубик учился в одном классе с моей сестрой. Несмотря на юный возраст, он был уже страстным коллекционером и знатоком марок и монет. Еще он был известен, как младший брат красавицы нашей школы Инги Агванян, сыгравшей впоследствии роль невесты Геворка Сарояна, в фильме "Братья Сарояны". Мой ново-явленный венгерский товарищ просил высылать ему советские спичечные этикетки взамен на такое же количество венгерских марок. Завелась бурная переписка, вернее обмен по почте. Спичечные этикетки продавались у нас за копейки. Марки были несравненно дороже. Я предупредил об этом моего венгерского товарища, но его устраивал такой расклад. Естественно, меня устраивал ещё больше. Часть полученных марок я менял на французские колониальные, которые собирал, а часть с успехом продавал коллекционерам, собиравшихся каждый день у небольшого марочного магазинчика рядом с нашим домом. Взрослые прочили мне неплохую карьеру на предпринимательской стезе, но и тут я не оправдал их надежд. Бизнесмен из меня также не состоялся. Далее, после филателии, мною бросались и другие увлечения: выпиливание лобзиком, настольный теннис, шахматы, плавание и еще многое, многое другое.

ТБИЛИССКАЯ ЗИМА И МОЙ ДЕД

Самым верным признаком приближения зимы для нас были не первые заморозки, а появление дров в нашем дворе. И в этот год, вернувшись со школы, я увидел кучу дров у нашего балкона. Отец, мама, соседка и вся местная детвора работали. Сбоку был сколочен стояк, на котором дрова распиливались прежде, чем попасть в подвал. Я забросил домой сумку с учебниками и выбежал на подмогу. Подоспел и Робик с младшим братом — белокурым красавчиком Рафиком, и сыновья Смбата Ростомовича Гатик, Валера и Эдик. Отец с соседом распиливали дрова, а мы устроили живой конвейер — со двора до подвала, пытаясь жонглировать, перекидывали друг другу поленья. Иона, моя сестра и ее подруга Дали, оценивали наши цирковые способности. В подвале дрова аккуратно складывались, и зима уже не страшна, к которой готовился весь двор. Вытаскивались печки, чистились их трубы, дымоходы. В преддверии Нового года готовилось вкусное гозинаки — грецкий орех с медом. Снег в Тбилиси почти не выпадал, а если и случалось, держался недолго. Снегопад был как праздник и комментировался в газетах. Мы же старались успеть скатиться на наспех сколоченных санках, под сиянием зимнего солнца, с заснеженных склонов горы Святого Давида — Мтацминды возле фуникулера, или у Комсомольской аллеи, рискуя каждый раз сломать шею, ободряя себя непереводаемым, чисто тбилисским кличем «АВОЕ!» выражающим восторг и удивление, и придуманными нами словами на шлагер того времени — «Чучу» из любимого фильма "Серенада Солнечной долины". Но бывали зимы холодные, с ветрами, насквозь пронизывающими.

— С переходом на зимний режим, жизнь во дворе заметно стихала. Начинались долгие зимние вечера. Про унаби на время забывали.

В дедовском доме одна комната обогревалась жестяной печкой, а две другие — стеной. Между ними небольшая кухня, оттуда люк в подвал. Больше всего я любил комнату деда. Там стоял длинный стол на котором он занимался своим портняжным ремеслом. Рядом — швейная машина «Зингер», тахта, большой, красивый буфет, стенные часы и мой письменный столик. Дед специально поставил его рядом со своим рабочим столом, чтоб чаще со мной общаться. Дед дал мне красивые настольные письменные принадлежности и бронзовый колокольчик. Я разложил книги, журналы, филателистические кляссеры и много времени проводил за этим столиком. Читал, раскладывал марки, а дед шил и рассказывал о своей жизни, о службе в царской армии. Он очень любил нас с сестрой. Назвал меня, первого внука, именем своего деда. Зарик и Теда так и не вышли замуж, не одарив его внуками, хоть и были очень привлекательны. Сам рос сиротой, в далекой зангезурской деревушке его воспитала бабушка. Часто вспоминал ее мудрые напутствия. Хранил, как зеницу ока, одну, единственную ее фотографию — даже сам сфоткался с этой фотографией в руках. Она умерла, не дождавшись внука, когда он служил в армии. Как я сейчас жалею, что слушал его рассказы не очень внимательно, многое не запомнил! Совсем другие интересы кружились у меня в голове. Но, тем не менее, то что сохранилось в памяти — всё яркой и впечатлительное.

После службы в русской армии, дед попадал в Тифлис. Сойдя с поезда и очутившись на перроне вокзала незнакомого города, он решил немного перекусить в первом же привокзальном винном подвальчике. Там музыканты играли на народных инструментах, развлекая посетителей. Выпив стаканчик вина, и закусив, дед мой, молодой красавец, попросил музыкантов исполнить песню про храброго Арсена, своего тезку. Те сразу исполнили просьбу солдата. Дед поблагодарил и вышел на улицу. Здесь его уже поджидал городской и доставил подозрительного молодого человека в ближайший полицейский участок. Дело оказалось в следующем. Тифлисские духаны, винные подвальчики были не только местом увеселений и кутежей. Здесь во все времена находили временное пристанище беглые ссыльные, террористы, устраивали свои сходки революционеры, свободные художники, поэты-бунтари. Предреволюционный Тифлис кишел царскими ищейками. И, естественно, один из них, тут же, донес городскому о том, что некий открытую заказал негласно запрещенную песню о Арсене Одзелашвили, грузинском Робин Гуде. Вскоре деда отпустили, поняв, что эпизод с песней носил безобидный характер, задержан вовсе не опасный революционер. Оказавшись на улице, дед вернулся на вокзал и обратился к муше — привокзальному носильщику. Рассказал о себе, о случае в винном подвальчике и попросил, если возможно, пристроить его на короткое время в простую и скромную армянскую семью, пока он найдет работу и жилье, так как он впервые в Тифлисе и никого в городе не знает. Муша повел солдата в семью Лазаря и Вергине Туманян. Молодой человек сразу пришелся по душе хозяевам. Они не только приютили его, но вскоре подобрали невесту из своей родни. Так мой дед женился на Анне, моей бабушке. А вскоре одна из дочерей Туманянов — Ашхен, стала женой известного революционера Анастаса Микояна. В первые годы дед, под воздействием Анастаса Микояна, был вовлечен в революционную деятельность.

Знали бы полицейские, ни за что не отпустили бы его тогда у вокзала! Дед активно включился в революционную борьбу большевиков, но, постепенно, почему-то, охладел к ней и занялся портняжным ремеслом. Он очень любил семью, детей, многочисленных родственников жены. Большое место в его жизни заняла религия. Может быть это и было причиной его охлаждения к большевикам. Но до конца своих дней он, бабушка и нее остальные в пашей семье, сохраняли теплые взаимоотношения со всем семейством Анастаса Микояна и Лазаря Туманяна, который безгранично доверял и любил моего деда. Бывая в Москве, дед всегда останавливался в доме Микоянов. Гостили у нас и сыновья Анастаса Микояна и его брат, известный авиаконструктор Артем Микоян. Дед много рассказывал о них, хранил фотографии и документы. Я тогда твердо решил, что если у меня когда-нибудь будет сын, я обязательно назову его именем деда — Арсен, что означает мужественный и, как-то, поведал об этом желании Нонне Она удивленно на меня посмотрела и сказала, что я, однако, большой фантазер.

НАШИ ГОСТИ

В любое время года наш дом, как и у многих в нашем дворике, был полон гостями. Кто только не приходил к нам — родственники, знакомые, друзья. Стол наш, в столовой, всегда был заставлен вкусной едой, вином. Как только бабушка и мама успевали все это приготовить на двух керосинках? Газовых плит тогда и в помине не было! Помню немало забавных эпизодов, связанных с гостями. Часто к нам заворачивал родственник по фамилии Абовян. Он любил выпить, и не знал меры. В один из таких визитов, бабушка поставила ему рюмочку с чачей. Визитер взял рюмочку и попросил принести тонкую бечевку. Ему принесли. Один конец бечевки гость привязал ножке рюмки, второй намотал на кисть руки и залпом опрокинул в себя напиток. Дед, внимательно наблюдавший за этой мизансценой, удивленно спросил — зачем он так делает?

— А, чтоб, Арсен Вартанович, случайно не проглотить этот «наперсточек!» — с бравадой ответил Абовян.

Дед велел принести ему рюмку побольше. Абовян повторил свой фокус. Наконец, дед велел дать ему самую большую в доме 2-х литровую емкость в виде потира, в которую налил уже вина. Абовян остался доволен, и отложил в сторону бечевку. Тут уже дед принес ему длинную веревку.

— А это зачем? — удивился Абовян.

— Ты теперь обмотай себя одним концом, а второй конец привяжи к ножке стола, чтоб ненароком не свалиться и не утонуть в этой посудине" — заулыбался дед.

Абовян вначале слегка смутился, но, конечно, не растерялся, и гордо встав, с потиром в руках, произнес:

— Как я могу утонуть в вине?! Ведь о моем умении выпить ходят легенды и даже слагают стишки, вот, к примеру: «Выпил бочку и не пьян — Это Жора Абовян!»

Довольный собой Абовян опорожнил потир.

Помню, как приехал к нам погостить из Москвы профессор московской консерватории, Асатур Григорьевич Григорян¹, известный скрипач. В московской консерватории у него обучались как советские, так и зарубежные студенты. Это был импозантный, интересный мужчина. Он дружил с Зарик, и, бывая в Тбилиси, обычно гостил у нас. Узнав о его приезде, сосед, оперный скрипач Шура Нейман, тоже высокий, красивый, изъявил желание встретиться с московской знаменитостью. Любопытный в нашем дворике, считался всеобщим гостем двора. Между нашими гостями и соседями зачастую завязывалась дружба на долгие годы. Вечером дядя Шура, прямо с очередного спектакля, одетый во фрак, в бабочке, и со скрипкой в руках, зашел к нам в дом. Шуру Неймана, радушно встретили, представили профессору, и они долго и шумно беседовали. Нейман долго играл на скрипке, желая показать класс московскому маэстро. Играл и профессор. Гости наши засиделись допоздна и были очень довольны друг другом. Но, спустя несколько дней, я услышал, как дядя Шура жаловался моему отцу относительно той встрече:

— Понимаешь, дорогой, я очень вам благодарен, за тот вечер. Я к нему готовился, подбирал репертуар, чтоб не ударить лицом в грязь. Старался не только для себя, но и за весь наш двор. Играл для него классику! Думал, и он ответит тем же. А ты слышал, Вагаршак, чем он ответил и что сыграл для меня?! Смех, да и только! Самую наипростейшую армянскую народную песенку «Ес пучур, ярс пучур!» И откуда он ее вспомнил?! Это сможет сыграть и твой мальчик, взяв в первый раз в руки скрипку! Я

очень расстроен, но ты не переживай, это лишний раз убедило меня, что мы ничем не хуже москвичей!

Отец успокаивал Шуру, обещав, что попросит Асатура Григорьевича высоко оценить его в московских музыкальных кругах, и тогда Шуру обязательно назначат главным дирижером! Тут же отец добавил, что он тоже в некоторой обиде на профессора:

— Представляешь, Шура, маэстро Асатур учит меня, признанного тамаду, как надо правильно пить водку и чем ее закусывать! Завтра выходной и я с утра ему продемонстрирую, как делается по нашим законам! Угощу его хашем! Я уже договорился с нашим Сэпе, он обещал сделать всё как надо. Это тебе не на скрипке пиликать! Ты, Шура, тоже завтра обязательно заходи. Только, пожалуйста, без скрипки! Посидим нормально, как полагается. Покажем профессору, как надо есть хаши и пить водку! Потом будет шашлык с красным вином. А затем, на десерт, белое вино с чурчхелой! И все это под звуки тара. Вот тебе и Паганини! Тут, уж не только Москва должна у нас поучиться!

Сэпе — повар-грузин в подвальчике при нашем дворе, где давали отличный хаши, неплохие шашлычки, вкусное сациви и купаты. Сэпе была колоритная личность. Небольшого роста, круглый, с такой же идеально круглой, как бильярдный шар, без единого волоска головой, в белом халате и высоком колпаке, добрый и улыбчивый, он был любимцем нашего двора. Сэпе очень дружил с моим отцом, видимо в душе надеясь, что он все же найдет для него средство по отращиванию волос. Он очень переживал из-за отсутствие шевелюры, хотя лысина ему шла, и трудно было представить иначе. Отец не хотел его расстраивать и разуверять в тщетности желания, всегда говорил:

— Сэпе джан, зачем тебе шевелюра? Ты и так очень красивый! Тебе они будут только мешать. Представь, если попадут в хаши, думаешь это понравится твоим посетителям? Вот Серго, твой коллега. Вай, как он мучается со своей густой шевелюрой! Знаешь, как он меня умоляет найти средство, чтоб они у него все выпали и больше не росли?! А тебе сам Бог помог!

Сэпе на время успокаивался.

— Услугами Сэпе соседи пользовались нечасто — женская половина двора была не менее искусна в кулинарии. Причем у каждой домохозяйки было свое коронное блюдо. Очень вкусно готовили и бабушка с мамой. Я любил наблюдать за этим процессом, особенно когда, уже в период газовых плит, орудовала тетя Тамара — бабушка Робика. Маленькая, худенькая, она ловко и быстро, одновременно на четырех конфорках плиты, готовила пищу, то и дело поднимая и с шумом опуская крышки кастрюль, орудуя половником, напоминая мне виртуоза за ударными инструментами. Когда бабушка жарила в большой, старой чугунной сковородке котлеты, их аромат ощущался и во дворе, а дедушка, заходивший с улицы во двор, тотчас ускорял шаг. Он очень лю-

¹Сборник гамм А. Григоряна нынче стал хрестоматией для скрипачей (ред.)

бил котлеты приготовленные Анной, запивая их, с огромным наслаждением, пивом. Пиво он обожал и не отказывался от него и в весьма преклонном возрасте, несмотря на запреты врачей. В комнатах и на кухне у нас было несколько глубоких стальных ниш — ганджин. В одной из них держал столовые вина, наливки и вишневки, лимонад, боржомскую воду и, конечно, пиво. Для торжественных случаев имелась бутылка армянского коньяка. После запрета врачей на пиво, Зарик взяла контроль этого шкафа на себя. Но дед просил меня брать несколько бутылочек пива в соседней бакалейной. Аккуратно снимал с них этикетки, заменяя лимонадными. Только меня он посвятил в эту свою уловку и очень радовался, что ему удавалось, не огорчая Зарик, наслаждаться своим любимым напитком. Я же, долгое время, не мог понять удовольствия от пива, вина, тем более водки или коньяка. Зачем пить эту невкусную смесь, когда есть лимонад и воды Лагидзе?! — думалось мне.

ОТЕЦ

Отец был прекрасным рассказчиком сценок из тифлисского быта. Он дружил не только с коллегами по ремеслу, но и с врачами, известными спортсменами, писателями и поэтами. Любил рассказывать о встречах с ними. Был близок с народным поэтом Грузии, академиком Иосифом Гришашвили. Бывал у него дома. Рассказывал о его огромной библиотеке. Только сильно обиделся, когда тот не одолжил ему одну из книг для моего прочтения. Академик, очень мягкий человек, типичный старый тифлисец, смущенно сказал отцу, что лучше пусть мальчик сам приходит к нему и на месте читает любую книгу. Жаль, что я не воспользовался таким шансом! Мне только посчастливилось видеть несколько раз этого всеми любимого поэта в подвальчике «Симпатия», вблизи от нашего дома. Отец любил заходить туда после похода в баню. Бывал с ним и я тоже. Мне там все очень нравилось, в особенности, овальные портреты царей, полководцев, поэтов, нарисованные по всем стенам старотифлисского духанчика. Позже я узнал, что автор этих портретов довольно популярный, а ныне практически забытый, тифлисский художник Карапет Григорянц, расписывающий духаны, как и всемирно известный Нико Пиросмани. В свое время «Симпатию» посещали Есенин, Маяковский, Паустовский, Эренбург...

Там же когда-то чествовали композитора Александра Снендиарова, после премьеры его оперы «Алмаст». Там я, будучи ребёнком, заметил Иосифа Гришашвили, скромно сидящего за столиком. Он с неприкрытым детским любопытством прислушивался к шумным разговорам и тостам, к многоголосому пению посетителей. Он был безнадежно влюблен в свой старый город — в его колорит, мелодию и фонетику. Общение с его простыми горожанами и рождали высокую поэзию. Здесь не могу не вспомнить, как совсем недавно в ереванском дворе, где теперь живу, к своему счастью и ужасу, я увидел у торговки семечками Офик, книгу поэта, ставшую давно библиографическим раритетом, бесценный плод всей его жизни и гимн любимому городу, «Литературная богема старого Тбилиси». К ужасу потому, что, опоздай я немного, книга эта ушла бы под бумажные кулечки для семечек! Поистине, божественная судьба божественной книги!

А вот, уже совсем другая история, рассказываемая отцом. Один из его друзей во время Великой Отечественной войны был призван в армию и прослужил всю войну поваром в тылу. Получил даже медаль и очень ею гордился. После окончания войны, демобилизовавшись, возвращался через Москву на родину, в Тбилиси. Предстояла пересадка на Курском вокзале. Поезд запаздывал на сутки. Была зима. Знакомых в Москве у него не было и надо было переночевать на вокзале. Курский вокзал был переполнен стариками, детьми, женщинами, демобилизованными солдатами. Яблоку негде было упасть, не то чтоб поспать на лавке. Тут, наш воин вспомнил о медали, висевшей на гимнастерке, под шинелью. Отойдя в сторонку, он перевесил ее, закрепив поверх шинели. Теперь его должны обязательно заметить и уступить место, как одному из героев войны! Тем более, что среди ожидавших, он ни у кого не видел медали на груди. Сделав это, он довольный, стал расхаживать по залу ожидания, ожидая, как ему казалось, должной реакции. Но всё напрасно, никто не обращал внимания на нашего вояку. Наконец, он заметил молоденького, щуплого солдатика, дремавшего на скамье. «Вот он знает цену медали и обязательно уважит, и уступит мне место» — подумал он. Он стал расхаживать перед ним, выставив вперед свою медалью. Солдат спокойно сидел и никак не реагировал. Терпение нашего героя иссякло. Он уже вплотную подошёл к солдату и указал рукой на медаль, мол, не видишь, кто перед тобой стоит! Тут уж не выдержал солдатик. Резко встав, он широко распахнул свою шинель. Под ней на гимнастерке, по всей груди, блестели ряды боевых орденов и медалей! Нашего горе-вояку, как ветром сдуло, и он, после этого поучительного случая, больше никому не показывал свою медаль.

ТЕЛЕВИЗОР

В один из зимних вечеров тетя Теда возвратилась с работы в сопровождении двух ребят, занесших в дом большой картонный ящик. В нем был телевизор! Первый телевизор во всем нашем дворе! Неописуемо, как мы всем двором, ждали первой телепередачи! Те, кому приходилось видеть это чудо 20 века в Москве, наперебой рассказывали о своих впечатлениях. Но я все равно не мог себе представить, как на таком маленьком экране могут развернуться люди, автомобили, самолеты, в особенности морские корабли. Наконец, настал долгожданный день — самая первая передача тбилисского телевидения. За час до начала у нас дома собрался почти весь двор. И на голубом экране «Темпа-2» появилась наша первая дикторша. Затем показали приключенческий фильм. Впечатление было неописуемым. Я был вне себя от счастья. А самое главное, теперь моими частыми гостями были мой друг Робик и, конечно, Нона.

БАБУШКА

На время телевизор заслонил для нас все остальные восторги жизни. Но только на время. Магическая сила двора была сильнее. Неожиданно заболела бабушка. Ее уложили в постель, вызвали врача. Он сказал, что у бабушки желтуха. Было непривычно видеть ее больной — энергичную и жизнерадостную, источающую доброту. Бабушка

порывалась встать, убеждая всех, что здорова, но все настаивали на её лечении. И оно началось. В доме запахло аптекой. Бабушка пила кучу лекарств, ей делали уколы. Время шло, а бабушка не выздоравливала. Она все худела, стала совсем желтой. Ее поместили в больницу. Вскоре выписали домой. Но бабушке становилось все хуже и хуже. На лето ее увезли в небольшой дачный городок — Степанаван, где она родилась. Как-то отец сказал, что надо съездить к бабушке, она хочет меня видеть. Когда мы приехали — бабушки уже не было... Проводили ее в последний путь всем двором. Это была моя первая потеря родного человека.

Вернувшись с кладбища, я взглянул на унаби, и у меня мелькнула мысль, ведь и он когда-нибудь совсем состарится и... Но я отогнал эту, как мне показалось тогда, нелепую мысль. Ведь жизнь вокруг, несмотря ни на что, казалась бесконечной...

БЕЗ НОНЫ

Вскоре, родители Ноны получили квартиру в новом районе города, и семья переселилась. Без нее для меня, во дворе стало очень грустно. Но я утешал себя тем, что могу видеть её в школе. Но, увы, через месяц она перешла в другую школу, поближе к своему новому дому. На этом окончилась моя первая, так и не высказанная любовь.

«БИТЛЗ» И... «БИРЖА»

— Придя со школы, я решил сразу закончить с домашними заданиями на следующий день, чтоб быстрее пойти к ребятам на "биржу". Сестра — Аня, учившаяся в той же школе, была уже дома. Увидев меня, с интересом спросила: — "Ну, как сегодня дела?" Я небрежно достал из карманов кучу записок от девочек нашего класса, в основном от Нельки, и протянул сестре. Нелька появилась у нас в классе недавно и сразу стала задавать тон в лагере девчонок. До этого она жила с родителями в Германии, где ее отец дирижировал военным оркестром, и вот приехала к нам. Вопрос полов уже был для нас самым актуальным. Настала пора наших школьных вечеров и танце вальных вечеринок. В молодежных компаниях, с бобин появившихся магнитофонов, во всю гремели буги-вуги и рок-н-ролл, чарльстоны и блюзы — Литтл Ричард, Элвис Пресли и Рей Чарльз, Поль Анка и Клифф Ричард. Затем ворвались Битлы. Первый раз я, случайно, увидел их фотографии с обличительной заметкой в сатирическом журнале "Крокодил". Тут же поинтересовался у ребят об этом квартете, но никто толком ничего не знал. Посоветовали узнать у знаменитого в то время тбилисского меломана и подпольного распространителя крамольных музыкальных записей, Эмиля. За эту деятельность он даже удостоился фельетона в "Вечернем Тбилиси" или как мы ее называли "Вечерке" — популярной газете, выходящей каждый вечер.

И вот, наконец, с долгожданной кассетой с записями "Битлз" и несколькими черно-белыми их фотографиями "от Эмиля", я появился на очередной нашей классной вечеринке. Ребята были в восторге. Первые же аккорды ввели нас в шок. Это был не слащаво-буржуазный блюз и рок-н-ролл, который мы слушали раньше, а нечто новое,

задиристое и от души. А исполняли не признанные мэтры мировой эстрады, а доселе никому неизвестные ребята на трех гитарах и ударнике. Без всякой оркестровки, на простых аккордах, сочиненные ими же песни! Это были свои парни. Девушки встретили мою находку без особого энтузиазма, требуя включить записи Поль Анки и Адамо. Но этому квартету суждено было совершить настоящую революцию в рок-музыке и добиться, как бы к ним не относились, всемирного признания и уважения. А вскоре и у нас появились первые битники, сменившие стилинг. Это отразилось и на моей прическе — а ля "Битлз" и гитарном репертуаре, а брюки-дудочки уступили место клешу. Но у нас в городе битломания и, появившееся позднее, движение хиппи не приняло массового характера. Большим уважением пользовались у молодежи так называемые «штатники», — имелось в виду подражание в стиле одежды и манерам поведения американским джазменам.

— У нас с ребятами была тогда и своя, так называемая, «биржа» — прямо у нашего дома — в небольшом скверике имени Пушкина, у бронзового бюста великого поэта. Мы выбрали это место для наших встреч не потому, что уж очень увлекались в то время поэзией. Рок-музыка, первые гитары, магнитофоны, девочки, туризм — на время затмили для нас все остальные духовные ценности. Просто это было очень удобное место. А назывались такие места для встреч молодежных групп по интересам в нашем городе — "биржей". Соответственно, мы считали себя "биржевиками" Пушкинского сквера. Конечно, ничего общего с настоящей биржей это не имело, а было просто романтической игрой, как и многое в юности.

НЕЛЬКА

Вечером мы встретились с ребятами, чтоб обсудить тактику игры с одной из сильнейшей футбольной командой нашей школы. От этой игры зависел итог чемпионата школы. Для меня игра эта имела еще большее значение. В команде противника будет играть Нугзар Ширяев, а это значит, обязательно, придет болеть Нелька. Она давно дружит с Нугзаром, переписывались, когда ещё жила в Германии и теперь открыто встречались. Нелька считалась девушкой Нугзара, но это не мешало ей с первого же дня своего появления в нашем классе осыпать меня недвусмысленными записками, и я не знал, как себя вести. Она мне определенно нравилась. Я ей, по всей видимости, тоже. Это было совершенно иным чувством, нежели я испытывал к Ноне. Я знал, что нравлюсь многим девочкам и не только нашего класса, но ни с кем не сдружился. В их обществе чувствовал себя, почему-то, скованно, был неразговорчив, робок. По моему убеждению они видели во мне такого флегматичного романтика, и я с удовольствием играл эту роль, не требующую от меня никаких усилий. Но девочек это, видимо, устраивало не всегда. Как-то, одна из них, кокетливая красавица, намекнула мне, что будь я немного смелее — карьера Дона Жуана мне обеспечена. А я к тому времени еще ни разу даже не целовался ни с одной девочкой! Об этой, столь естественной стороне человеческих отношений, черпали мы свои познания, в основном из книг и кинофильмов. Успех любого фильма с припиской «детям до 16 лет вход строго воспрещен» был обеспечен. Мы штурмом брали кинозалы, нас ловили и выпроваживали, но мы смотре-

ли через щели летних кинотеатров или с верхушек деревьев. Прекрасный, слабый пол был на самом деле всемогущим. Эти впечатления дополняли и рассказы ребят постарше о своих мнимых или действительных амурных похождениях и победах, в особенности после поездок на море. Мне казалось, что стоит и мне поехать летом на море, а не в деревню к тётке, и завеса над жгучей тайной будет открыта. И я стал уговаривать отца разрешить эту поездку.

С Нелькой же я разошелся до того, что осмелился затащить ее на заднюю парту. Весь класс с интересом следил за нами, а я сидел как чурбан и ничем не мог ее развлечь. Она кокетливо строила мне глазки, шуршала капроновыми чулками, пиная меня при этом своей мягкой коленкой. Ее полуоткрытые бедра, колени, были так близки и соблазнительны, что и терял дар речи. Я проклинал себя за эту затею и молил Бога, чтоб только не вызвали меня отвечать урок к доске. Но в то же время в голове сверлила назойливая мысль — положить руку на это чудо-колени, как это делали в фильмах или на скамеечках в Александровском саду. Но я старался отогнать эту дикую мысль — ведь, как мне казалось, этим я оскорблю и очень обижу Нельку. И я сдержал свои порывы. На следующий день, набив сумку своими летними фотографиями и марками, приготовив несколько забавных историй, остроумных фраз и реплик из последних фильмов, я вновь устроился с Нелькой на задней парте. И все пять уроков был, как мне казалось, на высоте. Ребята одобрительно мне кивали. Нелька улыбалась. А я думал: «хорошо, что вчера не поддался соблазну». Но, когда через пару дней, на экскурсии в Ботаническом саду, неожиданно, увидел, как она целуется в кустах с Нугзаром, и как при этом ощупывает её. Тогда я понял, что непростительно ошибся. Я презирал себя за трусость, но момент был упущен. Нелька, в последнее время, как будто, стала меня избегать, хоть и периодически давала понять, что я ей все так же нравлюсь.

ДРУЗЬЯ

На «бирже» встретились Артем Энгоян, Сергей Ванецян и я. Герцен Алелов, так звали нашего четвертого друга, не пришел. Мы учились в одном классе и были неразлучны. Робик продолжал, естественно, оставаться моим другом, но он учился в другой школе, и у них была своя «биржа», а дворовая жизнь отошла для нас на второй план. Робик говорил, что мы из нее выросли. Артем был заводилой в нашей четверке. Он до самозабвения занимался штангой. Стал даже рекордсменом среди юношей в республике. Своим энтузиазмом к штанге он заразил и Сергея с Герценом. Меня же больше привлекали игровые виды спорта, а фон из трех штангистов гарантировал мне защиту от многочисленных уличных забияк. Футбольный турнир был затеей Артема. Артем считал, что у него слабоваты мышцы ног, а футбол для этого весьма полезен. Вот он и предложил школьный турнир по футболу.

Пройдясь немного по проспекту Руставели, мы свернули в свои любимые узкие улочки-лабиринты. Здесь нам все было знакомо и досконально изучено. Мы знали все подъезды, тайные проходы, проходные дворы, тупики и переулки. Наш мир уже сместился из маленьких дворишков, для которых мы, вероятно, действительно выросли, в эти причудливые улочки старого города. Их трудно представить по описаниям и

рассказам. По ним надо пройти, пройти медленно, не спеша, вдыхая запах и аромат липы, сирени, свежего пури и кислого вина из винных подвальчиков, вбирая в себя неповторимый гортанный говор его горожан, где и в простом диалоге слышна мелодия. Правда, тогда все это казалось нам само собой разумеющимся, а не божьей благодатью.

СТОРОЖ ДЯДЯ ГЕОРГИЙ

Уже начинало смеркаться, когда мы подошли к школе. Там, в ее дворе, мы обычно заканчивали свои вечерние прогулки и обсуждение. К нам присоединились и остальные ребята нашего класса — Леша Китайник, Сулико Даниелов, Гурам Куцава. Коки Николаишвили, Эдик Тарахчян, Жора Теймуразов, Сурик Галустов, Алик Мулкиджанян, Норик Арабаджян, Боря Асланов. Это был костяк нашей футбольной команды.

Вот и она, наша школа, красивейшее кирпичное здание готического стиля. Когда я слышу слово «школа», с гордостью вспоминаю это здание. Я горжусь, хоть в этом и нет моей заслуги, что учился именно в этой школе под номером 66, не менее известной в городе, чем находящаяся выше, в ста метрах по той же улице Энгельса, носящей раньше имя князя Бебутова, ныне Асатиани, знаменитая 43-ая школа, построенная богачом-меценатом Манташевым.

Наша школа имела более чем вековую историю. Была открыта в 1865 году, как первая на Кавказе женская гимназия и являлась таковой долгие годы, став уже гораздо позднее, в советское время, общеобразовательной русской школой с совместным обучением обоих полов. Кстати, на улице Энгельса, был раньше и знаменитый туманяновский «Вернатун», где встречались армянские, и не только армянские, писатели, поэты, художники. В одном из домов на этой улочке, жили и семьи братьев Орбели и Виктора Амбарцумяна — всемирно известных академиков. На этой же тихой улочке находился дедовский дом известного голливудского режиссера Рубена Мамуляна, и Артема Гюльбекияна — представителя знаменитого рода, успешно ведущего дела фирмы «Галуст Гюльбекиян» в Закавказье.

Все в нашей школе было значительно, начиная со сторожа — дяди Георгия. Слово «сторож» ему как-то не шло, во всяком случае, в теперешнем его понимании. Он был для нас неким символом, с такой же богатой биографией, как и у школы. Аккуратно одетый, чисто выбритый, со щегольскими усами, он всегда был на своем месте.

Приходил раньше всех, уходил запоздно, последним. Жил он один, недалеко от нас. Почти каждый вечер я видел, как дядя Георгий, неторопливо возвращался домой по ярко освещенной улице Пушкина, где мы жили. Шел, очень медленно, видимо мысленно расставаясь с еще одним прожитым днем в своем любимом городе.

БЕЗ НЕЛЬКИ

Игру мы тогда проиграли. У меня была хорошая возможность забить решающий гол, но я больше смотрел на Нельку, чем на мяч. Они ушли с Нугзаром после игры радостные и возбужденные. Уходя, обернулась и незаметно от своего спутника, озари-

ла меня своей многообещающей улыбкой и скрылась в проулке. Вскоре Нелька, вновь, уехала с родителями в Германию, и я больше ее не встречал.

ТЕДА

Дома, по вечерам, я пересказывал сестре свои дневные похождения, хотя она и была о многом в курсе — ведь мы учились в одной школе. Особенно любила, эти мои пересказы тетя Теда. Она была очень доброй и веселой. С ней было гораздо проще, чем с Зарик, кажущейся нам не столь общительной, и очень строгой. Как мы глубоко ошибались! Зарик по настоящему мы с сестрой узнали позже, немного повзрослев и заново открыв для себя всю ее внутреннюю глубину и способность на большие чувства. А Теда всегда была рада с нами повозиться. Правда, после смерти бабушки у нее тоже начались неполадки со здоровьем. Она стала часто болеть. Зарик водила ее к врачам, но Тедке лучше не становилось, хоть и веселье, оптимизм не покидали ее. Как-то мы пошли с ней на спектакль в театр им. Грибоедова. Там было много знакомых, и Теда, почему-то, все время покусывала губы. Я спросил, зачем она это делает? Она ответила, что не хочет портить людям настроения своей болезненной бледностью губ. Тогда же она сказала, что хочет подарить мне на день рождения магнитофон. Радости моей не было предела. Вскоре "Астра-2" уже стоял на моем письменном столе. Первые записи, конечно, были речевые: говорил я, сестра, отец, дедушка. Затем Теда попросила записать ее отдельно. Она читала стихи, рассказывала народные прибаутки — весело, с юмором. Получилось неплохо.

Только спустя много лет я понял истинную причину ее желания. Она знала о своей неизлечимой болезни и хотела остаться с нами хоть голосом на магнитной ленте...

Сейчас у меня другой магнитофон и другие записи, но хранится и эта старая кассета с родными мне голосами.

Теда долго мучилась, не желая расставаться с жизнью. Опять приходили и уходили врачи..

ДУМЫ НА УНАБИ

После похорон Теды, вечером, я взобрался на старое, совсем уже скрюченное унаби, стоящее уже на двух деревянных подпорках, и долго размышлял. О чем? Наверное, о многом. И может в этот день, я решил стать врачом и избавить человечество от недугов? Мечты, мечты всеильной юности.

В тот вечер, сидя на унаби я, вдруг, увидел, как сильно изменился наш дворик. Он стал еще меньше, появилось много пристроек — всем нужны были дополнительные удобства. Пристраивались кухни, расширялись комнаты. И все это, в основном, за счет нашего дворика, кстати, давно заасфальтированного. Унаби, росший почти в центре двора, теперь оказался у кирпичной стены, выстроенной настырной соседкой.

Многое изменилось в планах на будущее и у нас с ребятами. Робик готовился поступать в консерваторию. Артем собирался в Москву для поступления в технический вуз, Сергей — в Киев, в авиационный институт, а Герцен в Пермь, в медицинский. Я

выбирал между историческим и юридическим факультетом. Все более и более занимала меня и медицина.

ПАРК «РИВЬЕРА»

Но впереди были еще последние летние каникулы и я, наконец, увидел море! Мы поехали к нему с мамой, сестрой и моими друзьями Артемом, Сергеем и Герценом. Море появилось за окном мчавшегося поезда неожиданно просто и буднично. Я тщательно вглядывался в узкую морскую полосу, видимую из окна поезда и — ничего. Затем полоса исчезла — поезд огибал какую-то возвышенность. И вдруг, предо мной, как в сказке, чудом, открылось море, о котором я грезил.

Мы пробыли там недолго, всего полмесяца. У меня в этой поездке, была и своя, сокровенная и как я думал, исходя из рассказов многих ребят, легко исполнимая для любого парня мечта, познать настоящую любовь женщины. Мне казалось, по тем же курортным рассказам, что стоит только показаться на пляже или на танцах, вечером, в знаменитом сочинском парке "Ривьера", как все девушки бросятся на тебя — только выбирай! Но я быстро понял, что это далеко не так. Было, действительно, много красивых женщин и девушек вокруг, но никто не обращал на меня особого внимания. В жизни ничего не дается легко и просто. Все нужно заслужить. Но мы были очень молоды и считали, что и так заслуживаем всего. И ведь, были правы! Молодость — вот в чем была наша главная и неоспоримая заслуга.

Правда, у меня тогда дальше поцелуя дело не пошло, но ведь все только начиналось! Мы познакомились и подружились с очень хорошенькими местными девочками, тоже школьницами, и в последний вечер, наутро мы уезжали, долго гуляли с ними по чудному курортному городу. Затем устроились на скамеечке, в аллее, под каштанами. Я робко приблизил к себе свою подругу и поцеловал — сначала в щечку, затем в губы. Это был первый в моей жизни поцелуй. Она крепко ко мне прижалась, и мы еще долго целовались под звездной россыпью южного неба и тихой, отдаленно слышимой, музыкой морских волн. Когда расставались, она протянула мне почтовый конверт, попросив вскрыть его после ее ухода. Открыв конверт, я увидел небольшой сложенный пополам кусочек бумажки с записанным на ней адресом. А ниже — приписка: «Я люблю тебя. Вера»...

Мы переписывались несколько лет, но, увы, так больше и не встретились.

ПРОЩАЙ ДЕТСТВО

Последний учебный год пролетел очень быстро. Началась пора выпускных экзаменов. Стал прихварывать и дедушка. А я уже твердо решил сдавать в медицинский институт. Предстояло расставание не только со школой, но и с родным городом.

Однажды, когда экзамены и выпускной вечер были уже позади, я возвращался домой с очередной вечерней прогулки. Мы с друзьями встречались перед предстоящей разлукой каждый вечер — строили грандиозные планы на будущее, мечтали, пили легкое вино на "брудершафт" на берегу чудной Куры.

Войдя во двор, я потерял дар речи – два дюжих молодца, под руководством нашей неугомонной соседки, пилили старое унаби... Соседи стояли и смотрели, молча и понуро. В последнее время я мало бывал во дворе и не знал, что унаби давно обречен. Вот, настал и его черед. Оно было уже наполовину спилено, когда, вдруг, будто увидев меня и решив схватиться за последнюю соломинку и надежду, унаби, как безнадежно больной человек, издал хруст, напоминающий стон, наклоняясь в мою сторону. Его суховатые ветки, похожие на беспомощные, иссохшие руки умирающего, протянулись ко мне. Я хотел крикнуть, броситься ему на помощь... Но ком подкатил к горлу. И я понял, что опоздал...

– Унаби лежал у самых моих ног.

– У ног лежало, и я прощался с ним, и мое детство. – Детство, кончающееся так же неожиданно, как закончил свой век в нашем дворике старый и добрый унаби.

1981 г.

Ну, что в этом дворе «итальянского»?

ДЖОВАННИ ВЕПХВАДЗЕ

Родился 13 марта 1949 года в Тбилиси. В 1973 году окончил тбилисскую Академию художеств. Принимал активное участие во многих республиканских, всесоюзных и международных выставках. С 1977 года член Союза художников СССР. Его работы выставлены во многих престижных галереях и частных коллекциях мира. Долгие годы преподавал в Тбилиском художественном училище. Профессиональный переводчик с итальянского, испанского и португальского языков. В 2008 году издал свою первую книгу «Записки художника».

ГИТАРИСТ

– Джованни, у тебя найдется пара картин на тему "Старый Тбилиси,- слышу в трубке взволнованный голос директора художественного салона,- принеси в салон, здесь верный покупатель, постой, лучше три работы принеси, пускай сами выбирают.

Несу три работы, а в дверях салона меня уже ждет директор и говорит:

– Это для Эдика (имеется в виду Шеварднадзе), он едет во Францию к Шираку, они хотят для подарков.

Так получилось, что забрали все мои три работы и столько же моего коллеги Джемала Гвимрадзе. А гонорар должны были перечислить. Я не люблю, когда берут работы для правительства. Приходится долго ждать перечислений. Узнав об этом я вспомнил как однажды в 1993 году у меня взяли картину, которую наш президент презентовал главе Китая. Тогда еще ходили купоны и работу оценили в миллион купонов. Не удивляйтесь, тогда Тбилиси был городом миллионеров. Сумма была действительно огромной, но пока ее выплатили купон так упал, что она стала мизерной и на нее можно было разве что купить порцию мороженого для ребенка.

И вот начались месяцы ожиданий. Я и Джемал регулярно зонили в салон и справлялись на счет гонорара, а директор каждый раз виноватым голосом сообщал, что гонорар еще не перечислен. Не могу сказать, что без этих денег я бы испытывал финансовую катастрофу, но меня злил тот факт, что кто-то (пусть и Эдик) делает кому-то (Шираку) подарки за мой счет. Лучше бы я сам подарил, хоть не было бы обидно. А Джемал жаловался, что очень рассчитывал на эти деньги, так как ему предстояла операция на сердце. Нам в салоне говорили, что они сами все время звонят в министерства и те им только обещают, что вот-вот перечислят деньги. Потом даже это не говорили и начали сваливать один на другого. Министерство Иностранных Дел на Министерство финансов, а оно в свою очередь на какой-то отдел, ответственный по закупкам правительства. И в этих разборках прошло около девяти месяцев. Я жаловался на не-

пунктуальность властей, а Джемал на свое больное сердце. Однажды он мне звонит и сообщает, что все в руках одного чиновника в Совете министров по имени Гоги. Вот если найти к нему доступ, утверждал Джемал, проблема разом решится. Но имя Гоги ровным счетом ничего не говорит, в Грузии половина мужского населения носит это имя, уменьшительно ласкательное от имени Гиоргий. Значит надо еще узнать фамилию. В конце концов после некоторых расспросов нам удалось установить и фамилию этого чиновника. Оставалось только найти к нему доступ. Так просто к высокопоставленным и влиятельным чиновникам не попадают. Не буду рассказывать, чего мне стоило добиться у него, у этого таинственного и всемогущего Гоги аудиенции, а скажу только, что к ней я подготовился весьма основательно. Продумал все свои слова и аргументы, а также и внешний вид с каким мне надлежит явиться в Совет министров. И вот я по корридору направляюсь в кабинет чиновника Гоги и слышу стук собственного сердца.

Но сейчас мы на время оставим Совет министров и чиновника Гоги и обратимся к другому Гоги, на этот раз Гоги-гитаристу.

Гитариста Гоги я знал много лет. Хотя мы не дружили, но постоянно встречались на концертах гитарной музыки. Я большой любитель классической гитары и раньше не пропускал ни одного концерта. Среди местных гитаристов у меня много друзей и, время от времени, я слышал их выступления на концертах. Слышал всех знакомых мне гитаристов, но только не Гоги. Гоги не пропускал ни одного концерта гитарной музыки и нам часто приходилось сидеть рядом в зрительном зале. Слушая чужое исполнение, Гоги машинально делал пальцами движения как бы имитируя движения исполнителя. Ни о чем другом при встрече со мной не говорил, как только о гитаре. И, исходя из его слов, для него, кроме гитары, ничего не существовало. Но его выступления я ни разу не слушал. Да и другие гитаристы ничего конкретного о нем сказать не могли. Как видно, и они его не слышали. То, что Гоги был гитаристом, это бесспорно. Видно было и по его пальцам и по движениям, имитирующим игру на гитаре. Можно сказать, что он играл без звука.

А сейчас вновь вернемся в коридор Совмина, где мы расстались. Подхожу к кабинету чиновника, захожу, докладываю секретарше о себе. Она просит немного подождать, у Гоги посетители. Вот уходят посетители и секретарша просит меня войти. Вхожу и кого вижу. Конечно Гоги, но Гоги гитариста. Какой сюрприз. Гоги чиновник и Гоги гитарист – одно и то же лицо. Гоги меня принял весьма родушно. Но он не давал мне говорить о деле, из-за которого я с таким трудом добивался аудиенции с ним. Что бы я ни говорил, он все равно переводил разговор на гитару. У него в руке не было авторучки или телефона, как у подобных чиновников, он держал какой-то деревянный брусок, сантиметров 20 в длину, на котором было натянуто шесть рыболовных лесок в виде струн. Гоги, заметив мой взгляд на этой деревяшке, поспешил объяснить мне, что это приспособление для упражнений пальцев руки. И что на работе он не имеет возможности играть на гитаре, и вынужден довольствоваться подобным тренажером. Вконец концов, после долгих усилий мне все-таки удалось рассказать ему о ситуации с гонорарами, и Гоги обещал все уладить.

Действительно не прошло и недели как Гоги звонит ко мне и сообщает:
– Джованни, приятная новость, приехал один известный гитарист из штатов, концерт в филармонии, обязательно приходи, а затем добавляет, -постой, чуть было не забыл, деньги за ваши картины перечислены. Ну как придешь на концерт?

– Приду непременно – говорю радостный, но при этом абсолютно не думающий о концерте, а предвкушающий получить свой гонорар.

На следующий день, мне позвонил директор салона и торжественно сообщил, что им удалось- таки выбить деньги у Министерства финансов и они, то есть деньги, ждут меня. По опыту знаю, что откладывать в подобных случаях нельзя и не теряя времени направляюсь в салон, в бухгалтерию. Там уже находится радостный Джемал, которому кассир отсчитывает деньги. Посмотрев на Джемала никогда не скажешь, что ему предстоит операция, у него здоровый и бодрый вид. Я получал свой гонорар и думал, как важно иметь знакомых во всех инстанциях. Как говорится не имей сто рублей. Я посмотрел вокруг, все были счастливы. Директор салона, что деньги перечислили, и он из комиссионных сможет выплатить зарплату персоналу и оплатить долг за электроэнергию, кассир был доволен что получил чаевые, Джемал что у него появилась возможность сделать операцию, а я был доволен что моя любовь к классической гитаре сделала всех счастливыми. Я ничего не рассказал о своей встрече с Гоги чиновником-гитаристом и довольный пошел домой.

Эпилог: Месяц спустя Джемал все-таки лег на операцию. Как видно благоприятный момент для операции был упущен или врачи сплеховали, и бедный Джемал остался на столе. Эдик ушел в отставку и сидит у себя в загородной резиденции и пишет мемуары. Салона больше нет, и на его месте магазин оптики фирмы «Ронико». Гоги чиновника уволили из министерства (новая администрация постаралась) и недавно он, наконец, дал небольшой концерт по телевидению и имеет возможность посвятить все свое свободное время классической гитаре.

«МЫ ЕЩЁ УВИДИМСЯ»

– Джованни, пойдем я тебя познакомлю с Кочаром, – сказал Саша, смотритель Картинной галереи, где проходила выставка известного армянского художника Ерванда Кочара.

Саша подвел меня к пожилому человеку около восьмидесяти лет, который сидел на скамье в зале картинной галереи, где проходила его персональная выставка. Он когда-то жил в Тбилиси, а потом переехал в Ереван, где и продолжил свою творческую деятельность.

– Уважаемый Ерванд, – обратился к нему Саша, – разрешите вам представить грузинского художника Джованни Вепхвядзе.

Ерванд Кочар, услышав мое имя, хотел было вскочить со скамьи, на которой сидел, но возраст ему не позволил.

– Ваню, это ты? – дрожащим, но радостным голосом воскликнул Ерванд, - как я рад тебя видеть, сколько лет мы не виделись. Дай я тебя обниму.

Я не хотел утруждать старика, который еще раз сделал попытку подняться со скамьи. Он все-таки встал, и мы обнялись как старые друзья. Я не понимал, в чем дело. Ерванда Кочара я видел впервые, хотя часто слышал о нем и был отчасти знаком с его творчеством. Он был живописцем, но многие знакомы с его скульптурным произведением, конной статуей Давида Сасунского, которая украшает привокзальную площадь в Ереване.

– Ваню, как ты? – спросил он меня.

– Хорошо, дорогой Ерванд, а как ты?-ответил я, понимая что он принял меня за другого.

– Как ты молодо выглядишь, – сказал он, с удивлением посмотрев на меня, -со-
всем не изменился. – Ты опять живешь на Серебряной улице?

И тут я понял, в чем дело. Он принял меня за моего дедушку, с которым был знаком, и которого не видел около пятидесяти лет. Ведь когда Саша представлял меня ему он назвал мою фамилию, а первые буквы моего имени Ерванд не расслышал и мое итальянское имя Джованни услышал как Ваню, что в принципе, одно и то же.

– Нет дорогой Ерванд, – отвечаю я, и уже принимаю роль дедушки, - с тридцать
шестого года я живу на проспекте Руставели.

– Как твоя жена, сын?

– Моя жена, спасибо хорошо, и сын тоже, он, как и я, стал художником. А как ты?
Как себя чувствуешь?

– Неважно, Ваню. В последнее время еле хожу, и сердце беспокоит. Меня не хо-
тели пускать, но я не послушался и приехал, у меня здесь родственники, и к тому же
хотел повидать своих старых друзей. Но из друзей никто не пришел на мою выставку,
- и посмотрев на меня добавил, - только ты.

Я продолжал играть роль. Мне может было лучше сказать ему правду, но я не
хотел разочаровывать старика, я уже не мог ему сказать:

– Уважаемый Ерванд, вы меня не за того приняли, вашего друга Ваню Вепхвдзе,
моего дедушки, вот уже несколько лет, как нет в живых, и все ваши тифлисские друзья
давно умерли. Что вы не видите, что мне нет и тридцати, как вы можете принять меня
за вашего друга, если я вам гоюсь во внуки." Я не мог ему это сказать, это было бы
жестоко.

Потом он вновь внимательно посмотрел и сказал:

– Ваню джан, почему ты носишь бороду? Это что у вас так модно? Как ты хорошо
выглядишь. Ты помнишь, как наши мамы играли в нарды?

– Да, Ерванд, конечно помню, - ответил я и подумал, как бы обрадовался мой де-
душка этой встрече, если бы был жив, и еще я подумал, как бы он прокомментировал
мой поступок, если бы узнал о нем. Но он уже ничего не мог узнать.

Ерванд задавал мне много вопросов, на которые я пытался ответить. Но были и
вопросы, которые меня ставили в тупик, особенно когда он спрашивал о людях, кото-
рых я не знал. Мне трудно было отвечать на его вопросы, и я искал повода попрощать-
ся с ним.

– Дорогой Ерванд, – сказал я ему на прощанье, – не буду больше утомлять тебя,
тебе наверно надо отдохнуть. Мы еще увидимся, неправда?

– Обязательно увидимся, я приду к тебе, хочу посмотреть твои картины.

Так мы с ним расстались. Больше на выставку Ерванда Кочара я не заходил. Мне
как-то неудобно было с ним встречаться. Ведь он думал, что встретился со своим ста-
рым другом, Ваню Вепхвдзе.

И они действительно встретились. Примерно через год восьмидесятилетний Ер-
ванд Кочар скончался. Наверно на том свете он рассказал моему дедушке о встрече с

его внуком, которого старый Ерванд принял за своего друга. Представляю, как дедуш-
ка среагировал на мою безобидную шутку.

УРА, ПРИШЛИ БОЛЬШЕВИКИ!

– Бабу, – спросил я как-то бабушку, – как сюда пришли большевики?

Бабушка, была, пожалуй, единственным человеком в нашей семье, которая всегда
с готовностью и подробно отвечала на любой вопрос и при этом рассказывала каку-
ю-то, свою, связанную с этим историю.

– В то время, – начала бабушка, мы жили на Серебряной улице, была зима,
очень холодно. Я вышла из дома и пошла по направлению к Эриванской площади.
На площади было много повозок, и там сидели оборванцы, в шинелях и с ружьями.
Это и были большевики. Мы давно ждали их прихода. Я прибежала домой и с радо-
стью сообщила эту новость: «Ваню, пришли большевики, сейчас нам станет хорошо».

– А что, – перебил я бабушку, – до их прихода вам было плохо?

– Нам жилось нехорошо, работы у Ваню не было. Меньшевики ничего для народа не
делали, только кутили и время проводили. Все предприятия они продали иностранцам.

– Ну, а когда пришли большевики, как вы их встретили?

– Мы радовались и надеялись, что наша жизнь улучшится, – ответила ба-
бушка и продолжила. – В тот же день к нам постучались, я открыла, и в комна-
ту вошли два солдата. Бородатые и в грязных шинелях. На головах у них были бу-
денки, а на спине рюкзаки. В руках винтовки. Я испугалась, у них был очень
грязный и неопрятный вид. Зайдя в комнату, они напрямиком направились к столу,
сбросили рюкзаки на пол, прислонили винтовки к стене, сели и один из них крикнул:

– А ну, хозяйка, накрывай на стол, неси чего-нибудь пожрать, а ты, – обратил-
ся он к Ваню, – ставь, что у тебя есть выпить. Другой молча рассматривал комнату.

Мы жили бедно, и продуктов особенно не было. Я испуганно, вытащила из шкафа, то
немного, что имелось в доме, а Ваню поставил на стол единственную бутылку вина, кото-
рую он еще не успел выпить. Один солдат вытащил из своего рюкзака завернутое в тряпку
сало, отрезал кусок и начал есть и пить. Другой, залпом опорожнив свой стакан, продолжал
осматривать комнату. Ваню было неприятно находиться за столом с такими собутыльни-
ками. Хотя собутыльниками их назвать было трудно, так как один пил и ел, вернее, жрал,
а другой только пил. Я заметила, что Ваню раздражает такое общество, но он ничего не
мог поделать с теми типами, потому что они были вооружены и способны на что угодно.

Выпив вина и немного опьянев, один из солдат повелительным тоном заявил:

– А сейчас, давай сюда твою женку.

А другой хитро заметил:

– А потом поговорим о серебре, небось много у вас его здесь припрятано.

– У нас нет никакого серебра, – заявила я, – разве не видите, что мы люди бедные.

– Лучше иди к нам, составь компанию, а ты, – обратился он к Ваню, – сбегай луч-
ше и принеси еще вина, не видишь, что бутылка пуста.

Ваню, ничего не говоря, поспешно встал и направился к двери, видно было, что

он что-то задумал, и только искал повода выйти из дома. А тут они сами предоставили ему такую возможность.

– Особенно можешь не торопиться, мы люди терпеливые, а пока твоя женка нас позабавит.

Я очень испугалась, особенно теперь, когда Ваню ушел, и я осталась одна наедине с пьяными солдатами. Я тогда была в положении и очень опасалась за ребенка. Делала вид, что чем-то занимаюсь, старалась оттянуть время, пошла возиться на кухню, а они все звали и кричали. И вдруг на мое счастье, дверь комнаты резко распахнулась, в комнату забежал Ваню с моим братом, а с ними несколько красноармейцев. Они подбежали к двум нашим солдатам, схватили их, забрали их ружья и рюкзаки, и вместе с ними покинули наш дом. На улице их усадили в грузовичок и увезли. Я поняла, что их арестовали. Это был первый арест на нашей улице с приходом в Грузию советской власти, – закончила бабушка свой рассказ и пошла возиться на кухню.

ВСТРЕЧА С МАСТРОЯНИ

– Привезли фильм Михалкова «Очи черные», – сообщил мне директор кинотеатра «Газапхули», где я работал переводчиком-синхронистом итальянского языка. – Просмотр состоится в зале Филармонии. Вначале хотели провести сеанс в «Доме Кино», но узнав о твоём отношении к этому заведению, решили провести в Филармонии, надеюсь, ты не откажешь. Говорят, что в Тбилиси приехал сам Мастроянни, он играет в этом фильме. Я обещал, что ты не откажешь им. Считай, что это ты делаешь для нас.

– Хорошо, – ответил я, – а когда будет просмотр.

– Завтра вечером, – сказал директор и добавил, – Ты завтра приезжай сюда, а отсюда мы на машине поедem в Филармонию.

– А зачем приезжать сюда, когда Филармония в двух шагах от моего дома, – удивился я.

– На нашей машине надежнее. Там такое будет твориться, что ты не пройдешь один. Если хочешь, мы заедem за тобой и отвезем.

– Договорились! – ответил я.

На следующий день, в назначенное время, машина директора стояла возле моего дома. В машине за рулем сидел сам директор. Там находился также администратор Шота, которого моя мама называла не иначе как «менеджер». Они очень волновались, как будто бы одному из них предстояло переводить фильм, а другой был режиссер Михалков.

Не помню, как нам удалось пробиться сквозь толпу любителей кино, но помню, как очутился в кабине переводчика. В ней я был впервые, и поэтому местный механик при мне начал проверять аппаратуру и работу микрофона. Но микрофон не функционировал. Что-то было не в порядке. Механик пошел за мастером, а я остался один в будке.

В это время дверь будки открывается, и входят два человека. Посмотрев на них, я удивился. Один из них показался мне очень знакомым, хотя я уверен был, что с ним никогда не встречался. Он так был похож на Марчелло Мастроянни. Не может быть, неужели он, и в будке переводчика. Мне вдруг стало стыдно за будку, за Филармонию, за все. Я знал, что Марчелло находился в Тбилиси, но не мог представить его в моей будке переводчика.

Человек, который его сопровождал, обратился к нему на ломанном английском, и представил меня, сказав, что я буду переводить его фильм. Мне было лестно, что тот человек, назвав меня по имени, представил великому актеру. Не успели мы поздороваться, как в будку вошел механик, в сопровождении какого-то монтера, по имени Вася. Так к нему обращался механик, показывая микрофон и аппаратуру. Вася, не обращая внимания, ни на меня, ни на Марчелло, приступил к делу. По его движениям я понял, что Вася не совсем трезв. Тем не менее, сев на корточки снял панель и начал возиться с проводами, подсоединенными к аппаратуре. Марчелло смотрел то на меня, то на Васю взглядом полным удивления и любопытства. А потом не выдержал и спросил меня на итальянском языке:

– Неужели он может что-то сделать в таком состоянии.

Но Васе удалось наладить аппаратуру, и он сам проверил микрофон, пробурчав в него что-то своим пьяным голосом... Марчелло пожал монтеру руку в знак благодарности, но Вася так и не понял кто его благодарил.

Через несколько минут в зале погас свет и фильм начался. Но не успели на экране появиться первые титры, как рядом со мной сидевший Марчелло сказал такое, что обычно итальянцы говорят, когда хотят выразить свое недовольство. Начав переводить титры, я понял причину возмущения актера.

На экране появилось название фильма «Белые ночи». Я до этого фильм «Очи черные» не видел, и поэтому не сразу разобрался. В отличие от фильма «Белые ночи» фильм «Очи черные» был цветной, и Мастроянни первым понял, что идет не тот фильм. Он с возмущением обратился ко мне, так как в тот момент никого другого у него под рукой не было. Он спрашивал, а я не знал что делать, продолжать переводить титры или отвечать ему. Переводя, я думал, что ему ответить. Я сам не знал, что происходит, и к тому же не нес никакой ответственности за эту ошибку. Как только в фильме наступила пауза, я сказал Марчелло приблизительно следующее, разумеется, на итальянском языке:

– Синьор Мастроянни, как видно произошло недоразумение, и прислали не тот фильм. Дело в том, что русское слово «очи» услышали, как слово «ночи», а слово «черные» перепутали со словом «белые». Так вместо фильма «Очи черные» привезли «Белые ночи», и в обоих фильмах играете вы, – и подумал про себя, – Здесь скорее Никита Михалков должен возмущаться.

– Этот фильм я смотрел много раз, он мне неинтересен. Извините, я пойду, – сказал великий актер, и вышел из моей будки.

Я не знал истинной причины этого недоразумения и сказал лишь о своем предположении. Как видно мое объяснение не удовлетворило Мастроянни. Он не сумел понять тонкостей русского языка и нашего менталитета.

Это была первая и последняя моя встреча с Марчелло Мастроянни, но она навсегда осталась в моей памяти. В тот вечер я добросовестно перевел фильм при полупустом зале. Зрители, как и Марчелло, недовольные покидали зал. Я сожалел, что мне приходилось переводить фильм, и по этой причине моя встреча с Мастроянни была такой короткой.

Эпилог: Проработав несколько лет синхронным переводчиком итальянских фильмов, я перевел около 70 картин. Но время и технический прогресс взяли свое. С появлением видео, интерес к просмотрам упал. Кинотеатры пустовали и постепенно начали

закрываются. Люди предпочитали смотреть кинопродукцию дома, при помощи своих видеомэгагнитофоново. Зрителям стало интересней смотреть те фильмы, которые раньше были недоступны из-за советской цензуры.

Правда, после этого мне пришлось еще один раз поработать синхронистом. В 1993 году на кинофестивале в Римини, в Италии, я синхронно перевел для итальянского зрителя десять грузинских фильмо, представленных на фестивале.

После того как интерес к кинотеатрам упал, и они стали закрываться один за другим, та же участь постигла и кинотеатр «Газапхули». Здание, где был расположен кинотеатр, снесли, и на его месте будет построен многоэтажный жилой корпус. Я не знаю, куда делись сотрудники кинотеатра во главе с директором. Что касается администратора, как мне сказали, он сидит дома и рассказывает сюжеты тех фильмо, что привозил из Москвы. Механик Лимон торгует каким-то дешевым товаром на рынке. Синхронная переводчица французского языка устроилась работать в одной коммерческой аптеке, английская переводчица уехала в Россию, а немецкая переводчица скончалась. О ней я написал в рассказе «Невостробованный портрет».

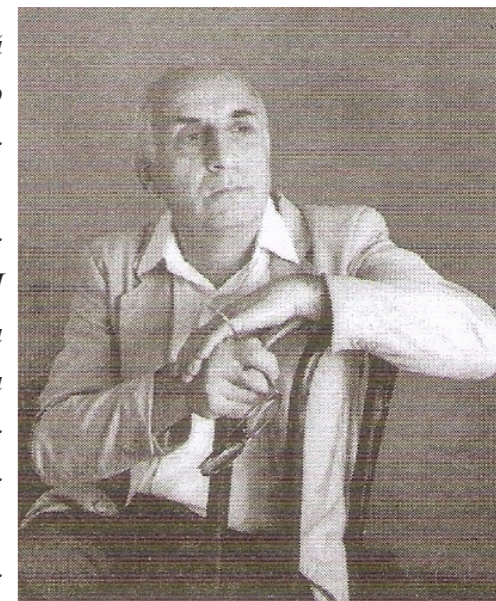

Та же площадь спустя полвека в стадии реконструкции.

АРТЭМ ГРИГОРЕНЦ

Артэм Григоренц (Киракозов) Родился в старотбилисской семье 1-го января 1948 года. Окончил Мех.маш фак. Грузинского политехнического института и оркестровое отделение Тбилисской госконсерватории. Работал мастером, технологом, руководителем научно-исследовательского сектора в станкостроительном объединении, в Институте механики машин АН Грузии. Одновременно участвовал различных симфонических и джаз-оркестрах... Преподавал в средней школе и эстрадном училище. Постсоветское лихолетье предопределило ему поступить в военный оркестр грузинских вооружённых сил – семью-то с детьми надо было кормить!

В последние годы проявляет себя общественным деятелем, на литературном и журналистском поприще. Его произведения неоднократно публиковались в Грузии, Армении, России, на различных сайтах Интернета. Издал несколько книг.

ПО ДОРОГЕ ЧЕРЕЗ КАБАРДУ

В свое время дизайнеру одежды Петрику Зураеву, тому же Петрику, хотя ему больше всего нравится, когда его называют Патриком - пришлось здорово побегать вместе с Гогой Бенидзе, чтоб открыть то, единственное в Тбилиси специализированное кооперативное ателье пошива мужских сорочек. Ушла уйма сил, энергии на оформление документов, убеждения и выклянчивания в Министерстве легкой промышленности нескольких вполне пригодных швейных машин, лежавших без дела на складе какой-то фабрики. Чего стоила одна только нервотрепка с подбором швей из выпускниц профтехучилища! А поиски подходящих тканей, ниток, пуговиц, – непременно перламутровых с четырьмя дырочками, – и другой фурнитуры. И все это в условиях тогдашнего всеобщего дефицита... А в 1991 году, после беловежского сговора, как оказалось, псевдокоммунистов, когда пала руководимая ими Советская страна, а с нею, с такими трудностями народившаяся сеть кооперативов, Патрику с Гогой не осталось ничего иного, как свернуть дело и искать новое поприще. Всеобщее безденежье, регулярные отключения электричества, газа, транспортный коллапс вынудили Патрика податься в Москву. Вместе с некими тбилисскими корешами он там занялся бизнесом в хорошо знакомой ему сфере готовой одежды.

Давнишний стилиста-штатник, всегда изысканно одетый чистюля и аккуратист, Патрик здорово разбирался в тонкостях заморских шмоток, одним из первых в городе стал носить темно-синий клубный костюм с золочеными пуговицами и серыми брюками – «траузерами на zipperе», фирменные сорочки «батен», туфли «инспектор»,

галстуки – исключительно «тревира». В одно время он наладил творческие связи с корифеями кутюра Зайцевым и Юдашкиным и сумел бы запросто стать таким же популярным, если бы не пристрастие к спиртному.

В Москве, во время очередного запоя, компаньоны отправили его обратно в Тбилиси, на попечение одинокой, рано овдовевшей старшей сестры, очень талантливой художницы Любы. Узнав, что ей каким-то образом удалось привести брата в норму, товарищи тотчас позвонили с предложением войти в директорский состав их нового швейного ателье. Патрик тотчас собрался в дорогу. Лететь на самолете исключалось – денег было в обрез. До Владикавказа добрался на маршрутке, а там пересел на поезд. Пассажиров там было совсем немного. Проводница, бойкая, круглолицая крашеная блондинка, узнав, что он, как и она, осетин, прониклась к нему особой симпатией и предложила доверить ей имевшуюся у него валюту, так как, сказала она, на территории Кабарды возможны осложнения. Недолго думая, Патрик вручил ей свои 30 долларов.

Перед самым отправлением поезда в купе поднялся единственный попутчик, почти ровесник Патрика, тбилисский армянин Рудик. Он ехал в Ростов, на похороны младшего брата...

Чуть забегаю вперед, скажу, что в Москве у Патрика снова начался запой, и он был тут же отправлен обратно, и чуть не на следующий день пришел ко мне домой весь взъерошенный:

– У тебя всегда есть выпить! Если сейчас не нальешь, серьезно говорю, завтра придешь на мою панихиду!

Мне ничего не оставалось, кроме как исполнить просьбу. Я достал из бара коньячный напиток собственного изготовления. В ту минуту ничем другим помочь ему было невозможно. Опрокинув полную рюмку, он будто протрезвел:

– Я расскажу мою историю... Ты обязательно напиши!..

Случай сразу врезался в память, но что-то все-таки не укладывались в сознании. И лишь спустя почти двадцать лет, когда я с помощью Интернета узнал о тогдашних экономических реалиях Кабарды, то уже уверенно взялся исполнить обещанное.

Итак, Патрик быстро сблизился со своим попутчиком и через полчаса уже знал о нем немало подробностей. Рудик был ювелиром, но не работал. «Где сейчас у людей деньги для заказа золотых изделий, хлеб не на что им купить!» - пояснил он. Живет в Варкетильском массиве. Был женат на одесситке, после 1991 года та стала настаивать на отъезде. Рудик отказался. Тогда она уехала одна и оформила развод. Рудик не сопротивлялся. У Патрика почти такая же история. И его жена несколько лет тому назад, тоже, забрав ребенка, укатила куда-то в Европу. Сегодня от них ни слуху, ни духу...

Умерший в Ростове Рудикин брат был связан с какими-то деловиками. Но пошли слухи, что те обанкротились на каких-то поставках спирта и подсолнечного масла. Брат не верил, требовал показать хоть одного партнера по их неудачной сделке. Но безрезультатно. Тогда он привлек для разборки «авторитетов в законе». Те постановили возместить брату убытки. Казалось бы, все уладилось. Но, увы, вскоре кто-то сообщил Рудику, что брат упал с балкона и разбился. Других подробностей Рудик не знал, и все повторял: «Я сто про уверен – убили! Брат не был лунатиком, чтоб по балконам, по карнизам лазить!» Патрик посоветовал Рудику сдать проводнице имевшиеся у него

деньги, но тот, видимо, не доверился. Однако признался, что везет с собой собранные в долг 250 долларов. Он запихнул их в спичечный коробок и сунул в носок.

Здание Центрального железнодорожного вокзала простояло с 1949-го по 1977 год.

Вскоре в купе появились два милиционера. Один из них, смуглый верзила, на вид тяжеловес борец, с торжественной суровостью и с заметным акцентом заученно произнес:

– Вы на территории Кабардинской республики! По особому распоряжению местной администрации обязаны предъявить декларацию на провоз валюты! При попытке утайки все будет конфисковано! Советуем честно сообщить о наличии!

Свирепо оглядев пассажиров, он всем своим видом выявил решимость раздеть их догола и начать обыск. Другой милиционер, щуплый, славянской наружности, только молчал и отводил взгляд.

Патрик сказал, что у них нет денег даже на сигареты, и, набравшись нахальства, попросил закурить у молчуна. Чернявый ответил за двоих, что они не курят и подступил к Рудику. Тот чуть поежился, но взял себя в руки и уверенно ответил:

– Послушай, брат. У меня погиб младший брат. Еду его хоронить. Все что у меня есть – только для похорон!

– Это не имеет значения. Все равно нужна декларация!

– Что не веришь?! – воскликнул Рудик, – И вообще, сколько мы имеем право провозить через вашу территорию!

У милиционера заходили желваки на скулах:

– А-аа! Хочешь по закону! – сильнее завертел глазами милиционер - На одно физическое лицо свыше 1000 не декларируется!.. Устраивает?

– Ну и все! - обрадовался Рудик, - У меня всего 250!

– Покажи! - милиционер сдвинул зрачки.

– Говорю, всего 250! Я ведь мог сказать, что у меня вообще ничего нет!

– Мог, не мог, не знаю!.. Сказано, покажи! И вы тоже! – повернулся он к Патрику. Патрик развел руками:

– Я доллары вообще в своей жизни не видел! Что показать, это? – он достал из кармана горсть мелочи.

– Ты нам тут зубы не заговаривай! Выкладывайте всю валюту на стол! Все, что есть! А не то ссадим с вагона и отведем в отделение!

– Слушай, брат, – мягко обратился Рудик к милиционеру, – ты же кавказский человек, неужели не понимаешь? Еду на похороны родного брата в Ростов! Эти деньги добрые люди мне дали взаймы понемногу. Дай мне доехать до места, исполнить свой братский долг. И когда все закончим, на поминках выпьем и за тебя, и за всех твоих близких.

– Это твое дело, – чуть мягче ответил милиционер. – Но все-таки покажи. Сколько у тебя там?

– Что за такой человек! – рассердился Рудик, вытащив из носка коробок, – Вот, не веришь?!

Верзила почти вырвал его из Рудикиных рук. Пересчитав сумму из пяти, десяти и других долларовых купюр, принял особенно суровый вид:

– По распоряжению местной администрации это изымается в пользу нашей республики! – Милиционер протянул коробок, в котором осталось-таки 50 долларов. Остальные перекочевало в его папку, похожую на обширный планшет для рисования.

На миг Рудик потерял дар речи, перехватило дыхание:

– Ты что-о-о! – Рудик схватил милиционера за руку. Ты же сказал, «свыше тысячи»!

– Спокойно! – рявкнул тот и отдернул руку к торчащему из кобуры пистолету. – У нас нету времени сейчас давать разъяснения! Если хочиш, слезиш щас же на остановке и в отделении! Там тебэ втолкуют!

– Слушай брат, я же сказал, на похороны еду,- взмолился Рудик. - Будь человеком! В Бога не веришь?! Брата еду хоронить!

– Не наше дело, куда ты эдиш? – с еще большим акцентом отрезал милиционер, как-то подчеркнуто пренебрегая мягким знаком. – Покажи заверенную телеграмму о смерти!

Рудик беспомощно развел руками:

– Мне по телефону звонили! Какая еще телеграмма?!

– Какая надо!.. В другой раз уже будеш знать. Как ехат без телеграммы!- Верзила сдвинул назад фуражку, выпятил грудь и, толкнув вперед так и не проронившего слово напарника, важно вышел в коридор.

– «В другой раз» чтоб ты ехал на похороны своего брата! - крикнул Рудик вдогонку и, зажав ладонями виски, склонил голову над купейным столиком.

В ответ глухо послышалось:

– Но-но!.. Полехче на поворотах, а не то вообще не доэдиш до места!

Минут пять, Рудик просидел не шелохнувшись. Патрик тоже был в трансе.

– Ну, что, мальчики, я же вас предупреждала!..- просунулась в дверь расчувствовавшаяся проводница. – Но, скажу вам, скажите спасибо, что этот гадюка что-то оста-

вил! А то ведь последнюю копейку, бывает, отбирает, ни на что не смотрит!.. Я сейчас вам крепкого чаю заварю, очухаетесь хоть немного, а то на вас лица нет! Женщина принесла два стакана ароматного чая в традиционных для железнодорожного сервиса подстаканниках. Вместо сахара - по одной конфетке «Ласточка», скорее всего из собственных запасов. Рудик разжевал конфетку с таким остервенением, как если бы ему под зубы попал только что ограбивший его милиционер. Почти залпом опорожнив стакан чая, сомкнул веки. Затем вскочил с места:

– Нет, не могу в себя прийти!.. Мне бы чего-нибудь покрепче!.. Чувствую себя так, как если бы одним махом отрубили обе руки! Пойдем в вагон-ресторан, угощаю!

– Я завязал! Не пью... Хочешь, скажу, чтоб еще заварила чай, покрепче?

– Нет, не поможет!.. Прошу, пойдем, ты не пей, только компанию составь! К тому же что-нибудь покушаем. Я сейчас так проголодался, готов целого барана слопать.

Патрику пришлось согласиться. В вагоне-ресторане было безлюдно. Один только худощавый, юркий буфетчик, лысый, чисто побритый, с черными узенькими усиками, похожий на суслика. Он что-то сосредоточенно записывал в блокнот.

Патрик обратил внимание на несколько мух, роившихся в самом центре вагона. «Интересно, залетные они или местные обитатели?» - подумал он. Когда-то он поступил на биологическое отделение университета, но с треском завалил какой-то предмет, где нужно было вызубрить несколько сот каких-то латинских названий, был отчислен и два года отпахал в армии.

Буфетчик охотно принял у Рудика купюру с изображением Александра Гамильтона - первого министра финансов Америки. Чуть прищурившись, он внимательно изучал, будто искал различия с тем обликом, который когда-то запечатлелся при их личных встречах. Еще проверил на свет водяные знаки, попробовал ногтем шероховатость участка под овалом портрета. И только после такой подробной экспертизы обменял на рубли, ниже самого низкого тогдашнего курса. Создалось ощущение, что он впервые в жизни положил в карман десятидолларовую. Заказали единственное, что в ресторане оказалось – довольно вкусные котлеты с картофельным пюре и лимонад. Роль официантки тоже исполнял буфетчик. Запечатанную водку дать отказался. Сказал, что это запрещено. И не поленился три раза, по требованию Рудика, подойти и налить ему по 100 грамм «Столичной».

Как только возвратились, оба легли спать. Рудик отрубился сразу. Патрик еще долго не мог уснуть. Рудик во сне что-то бормотал, выкрикивал «Мама-джан!».

Скоро сквозь размеренный стук колес Патрик услышал:

- Мальчик!.. Скоро Ростов, готовься!

А потом Патрика полностью разбудил сильнейший стук. Проводница дернула и раздвинула дверь, насколько позволил ограничитель:

- Мальчик, мы уже в Ростове! Через пять минут отправляемся дальше! Вставай! Подъем!..Подъем!..

Рудик и не думал шелохнуться. И тут Патрик с ужасом обнаружил, что тот не дышит. Моментально открыл проводнице дверь, и оба убедились, что Рудик мертв. Его закрытые глаза свидетельствовали, что смерть наступила во сне. Тем не менее, для более подробных свидетельских показаний ростовская милиция сочла нужным высадить

Патрика, заверив, что на следующий день его отправят другим поездом.

Несколько часов в привокзальном отделении милиции вовсе вывели Патрика из равновесия. Измотали ожидание результата вскрытия и заключения экспертизы, дача показаний. Тем более, что еще пришлось вынести общество пожилого бомжа, смердевшего каким-то вонючим спиртовым перегаром, молодого наркомана, занудно убеждавшего куда-то «догнаться и заторчать на крыше». Особенное омерзение охватило от резко пахнувшего духами некоего женоподобного субъекта в шубе «под ондатру», когда тот нежно взял Патрика чуть повыше локтя и, шепотом посоветовав не связываться с наркоманом, и попросил поцеловать у него «одно место». В ответ Патрик отдернул руку и послал на три буквы. На что тот смачно ответил: «С удовольствием!» и пересел к солдату, сбежавшему из воинской

части, за которым должны были приехать представители военной прокуратуры ...

Как только был подписан свидетельский протокол и Патрик оказался в поезде, он, машинально, сам того не зная как, отправился в вагон-ресторан и выпил первое, что ему дали из спиртного. Встретившие его в Москве приятели с ужасом обнаружили, что у него снова начался дикий запой. На другой день ему купили обратный билет и сунули в карман немного денег. К счастью на перроне познакомились с отправлявшимся домой каким-то пожилым добрым тбилисцем, который обещал присмотреть в дороге за Патриком...

- Ну, ладно, случилось несчастье!.. Но неужели ты не понимал, что Рудика уже не воротить, – не удержался я от вопроса к Патрику, – Подвел и тех парней, и сестру, положившую столько труда на твоё излечение?!.. И себе подножку подставил!..

- Может и понимал, но ничего не мог с собой поделать!.. Понимаешь, когда изнутри терзает какой-то вопрос, и нет ответа – теряю равновесие... Вот, смотри... Мы с тобой, и все наше поколение, послевоенное – прожили в мирной обстановке. Пионеры были, комсомольцами, и только слышали о мире, добре, дружбе. Никакого запаха крови не чуяли. Бомбежек, блокады и людоедства от голода, слава Богу, не испытали. И как это вдруг, вот так сразу, многие наши ровесники и те, что младше нас, пошли отнимать у людей добро, стрелять, убивать своих же, гражданскую войну затеяли?!.. И как у них рука поднялась? Как так, убить кого-то, войти в квартиру, снять люстру, утащить телевизор, холодильник?!.. Отвезти к себе... Поселиться в чужом доме, который не строил? А может там хозяева страшное проклятие оставили, не страшно?!.. Вообще, поражаюсь: как такие хищные люди обнаружили повсюду?

- Это мы с тобой армию в стройбате откатали, а ведь были, кого стрелять да убивать там учили... Может в них и обнаружили? Выходит, обстоятельства стоят выше человека!..

- Я в танковой бригаде как раз и служил, и стрелял, и в маневрах участвовал. Но эти, твои «обстоятельства» на мне не отразились!

- На тебе нет, а на ком-то другом, наверно, отразились... - ответил я, не совсем уверенный в своей версии.

Мне стало очень не по себе. Я налил нам обоим. Залпом выпив, я почувствовал себя совсем уж муторно. Он принялся нажимать на кнопки пульта телевизора. На миг остановился на канале, где какой-то эксперт по кавказским вопросам разглагольство-

вал об экономической и политической ситуации. Что-то, хмыкнув себе под нос, переключил на мультик и налил себе еще рюмку. Я взял у него из рук графин:

- Больше не надо!

- Бог троицу любит! – выпил он, так и не притронувшись к конфетам.

Недолго подремал в кресле, ушел со словами:

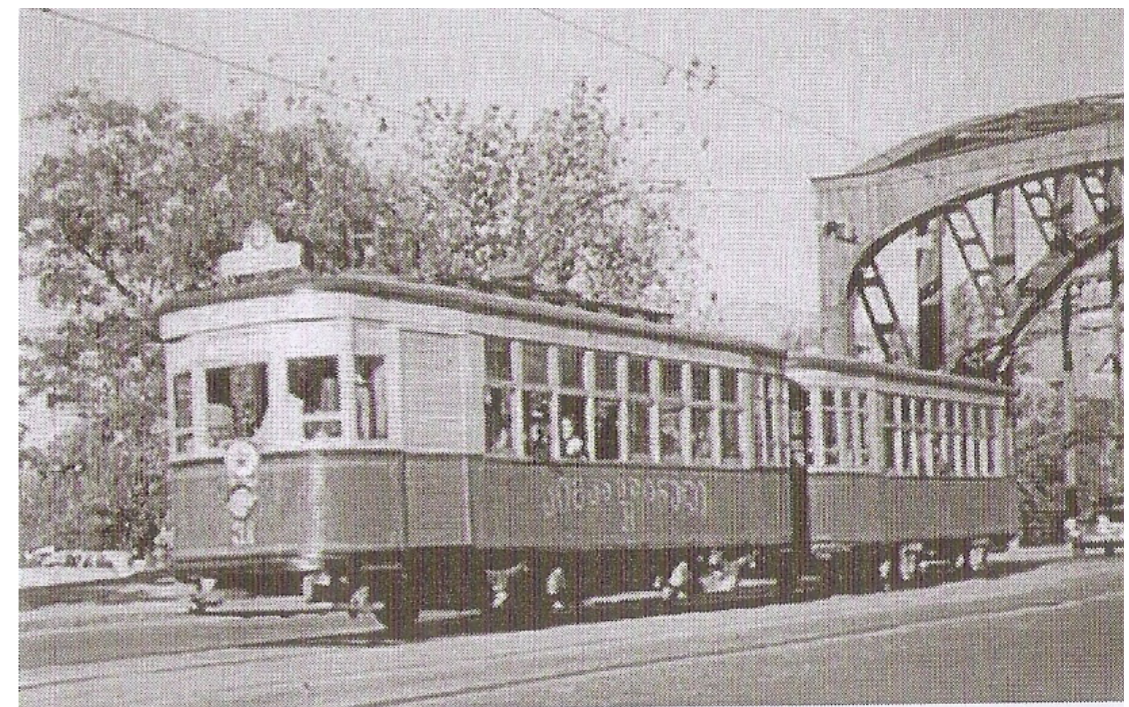
- Когда-нибудь я прочту твой рассказ на мой сюжет?

- Думаю, да...

С тех пор мы ни разу не возвращались к этой теме. Патрика я вижу все реже и реже. Из дому он выходит редко. Встречая его сестру, она говорит, что время от времени выпивает, но уже немного. Недавно моя жена видела его на улице. Он сильно сдал, постарел, и очень похудел.

- Просил передать тебе привет! - сказала мне жена. - Но ты бы однако видел какие на нем были симпатичные сорочка и берет, да еще брюки, этакие, элегантные! И где сумел подобрать такой общий тон?..

- Этого у него не отнимешь никогда, в таком вопросе он большой профессионал! – порадовался я за Патрика, и вместе со мной, моя жена.

Трамвайный маршрут № 9: «31-й завод – Колхозная площадь».

ЭМИЛЬ МАТЕВОСЯН

Был истинным тбилисцем сололакского замеса¹, к тому же ярчайшим шестидесятником теперь уже прошлого века. По профессии учитель географии и биологии, окончил Тбилисский педагогический институт имени Пушкина. Поучительствовал пару лет, перешёл на некую скромную профессию в республиканской санэпидстанции. Это было ближе к его истинному предназначению географа, ибо по роду службы объездил чуть не все закоулки Грузии. Его особой страстью были Испания и Португалия, Он чуть не бредил этими странами, собирал всё, что их касалось: книги, брошюры, открытки, значки. Незабываемо, с каким радостным блеском в глазах он получил от меня некий буклет, купленный на книжных развалах, посвящённый какому-то португальскому городку. Но всё-таки главным увлечением Эмиля были грампластинки. В городе его знали все, кто хоть мало-мальски интересовался пока ещё полузапрещённым джазом. Как символ некоего свободомыслия,

Эмиль многие годы носил густую смольную бороду. Ни и когда сбрил её, ещё долгое время в городе его звали Эмилем-бородой. Однако ему больше нравилось другое прозвище: Дон Эмилио Матос Перейра (де Комбрадо). Он обладал фантастической памятью на всё, что касалось его громадной коллекции виниловых, а затем и компактдисков.

В последние годы жизни он начал «поскрипывать пером». Его бисерный почерк бывало почти невозможно разобрать. Скажу с гордостью, я первым удостоился чести ознакомиться с его рассказом «Тыща рублей» При этом пришлось потрудиться, не раз прибегая к помощи лупы. Тем не менее, прочитал с восторгом. На другой день поделился с ним своими впечатлениями и с готовностью исполнил его просьбу, набрать текст тогда ещё на печатной машинке и подчистить шероховатости. У него была надежда, что этот рассказ примет какая-нибудь журнальная редакция. Оттуда, куда мы отправили, увы, не отреагировали. Как-то мне показалось, что я где-то посеял его бисерную рукопись. С силой набравшись мужества, сообщил ему о пропаже. Эмиль только хмыкнул. Вскоре бумага обнаружилась где-то в стопках на моем же столе. Когда я сообщил ему новость, ответ был незамедлительным: «Убедится, что рукописи не горят?!» Вскоре Эмиля не стало. Рассказ я поместил в данный сборник. Пусть уже и в электронном виде сохранится навечно.

Артэм Григоренц.

ТЫЩА РУБЛЕЙ

Однажды, в начале девяностых, во времена хлебных столпотворений, когда и

днём, и ночью, в стужу и в слякоть приходилось выстаивать очереди за нашим основным продуктом питания, при этом иметь бойцовский дух и крепкие локти, ко мне пришёл Миша Татевосов. Он мой старинный приятель, живущий по соседству, на Лермонтовской улице. Его визит насторожил меня. Миша не из тех, кто заглядывает ко мне просто так, – подумал я, – он работает в Тбилисском отделе народного образования. Постоянные встречи с учителями, с директорами школ, семинары, конференции... Ему не до пустой траты времени, трепать языком он никогда не любил, и сейчас немедленно приступил к делу:

– Эмиль, ты, кажется, в прекрасных отношениях с этим... хромым Отаром.

– Ну...

– Так вот. Одна моя дальняя родственница, старушка, глубоко верующая, напугана им так, что боится высунуться на улицу. Недавно у них в магазине он буквально вырвал последнюю буханку хлеба, которую протянул ей продавец. На сутки оставил старушку без скудного пропитания. И хоть бы кто-нибудь из соседей заступился за неё – все знают, какой он за фрукт. Старушке ничего не осталось, как бросить мерзавцу гневные проклятия. Вот он и обещал ей: «Ты ещё поплачешь, старуха, кровавыми слезами!»

– Это что, дорогой Миша! – перебил я, – За долгие годы моего знакомства с Отаром я твёрдо убедился, что он тем и дышит, чтоб только и причинить кому-нибудь зло.

– Дай досказать! – вспыхнул Миша. – После того случая Отар с утра пораньше маячит перед её домом и с так свирепо шипит и тарашится на её окно, что у бедняжки кровь застывает... Может, ты угомонишь его, прежде чем я приму жёсткие меры?

По старому опыту я хорошо знал, что угомонить Хромого Отара не так-то просто. Свой дерзкий и свирепый нрав он проявлял при разных обстоятельствах. Однако наше многолетнее знакомство на почве грампластинок оставляло мне некий шанс. Моя обстоятельная беседа с ним дала-таки результат: Отар прекратил терроризировать старушку. Уверен, что такого не могла бы достичь даже его несчастная жена, тем более его два непутёвых сына... И как жаль, что вскоре бедную старушку постигло то, от чего ничья протекция не поможет – путешествие туда, откуда, увы, никто не возвращается.

Пора привести более подробные штрихи на облик «героя» моего повествования. В чёрной широкополой шляпе, замечу, кем-то привезённой ему из Америки, чёрные тонкие усы, а ля Дуглас Фербенкс, одетый опять-таки во всё чёрное. Всегда наглухо застёгнутый и зорко оглядываясь кругом острым взглядом, шустро ковылял на костылях. Он родился с особым искривлением ног. Как называлась его болезнь, не знаю до сих пор. Сам он ничего не рассказывал о ней, как и о своём отце, которого никогда не видел. Его вырастили мама и бабушка, отдавшие чаду всё, что было у них в силах. Не дав телосложение Аполлона Бельведерского, природа компенсировала ему нечто другое. Лицо у него было по мужски красивым, с правильными чертами. Глаза серые, ничего не выражающие, и начисто отвергающие утверждение, якобы являются зеркалом души. Язык у него было подвешен лучше, что у заправского конферансье. Остроумие – без предела.

Однажды, поднакопив денег, я поехал отдыхать в Сочи. Там оказался в компании

¹Старый район в Тбилиси

с Отаром, среди курортников, облюбовавших место в самом центре сочинской Ривьеры, Отар сам тоже стал там центральной фигурой. Имея хороший голос, под собственный аккомпанемент на гитаре, пел разные песни из нашумевших кинофильмов, исполнял оперные арии композиторов Доницетти, Бизе, Верди, Леонковалло, при этом на ходу перевирал иностранные слова. Однако искусно прикрывал их изощрённым интонированием и приятным тембром. Его слушатели, особенно женского пола, млели от наслаждения и охотно верили его легендам о том, что он закончил консерваторию по классу оперного дирижирования, а посему не стал исключительно вокалистом. Незабываемо его исполнение песни из кинофильма «Моя бедная, любимая мама». В подлиннике её пел сам режиссёр фильма Уго дель Карриль. Однако Отар производил на публику более сильное впечатление, подкупая её особой артистичностью и трагизмом. Самой большой поклонницей Отара стала молоденькая красавица из Днепропетровска, приехавшая отдохнуть вместе с родителями. Они настолько прониклись доверием к Отару, что только с ним и отпускали её на вечерние прогулки. Звали её Виолеттой. Видно, успех так вскружил голову Отару, что он возомнил себя гением или, в крайнем случае, вундеркиндом.

У меня хранится фотография, где Отар запечатлён на пляже вместе с Виолеттой. Помню, она, глубоко растроганная его пением, спросила о причине его недуга, он выдал ей легенду, с которой так и прожил всю жизнь: неудачный прыжок с самого высокого трамплина в каком-то тбилисском бассейне. Там, где ему было надо, он проявлял безупречную вежливость и обаяние. Вскоре, как результат его пляжного куража, Виолетта посетила наш достопримечательный город. Отар устраивал ей экскурсии, катал на своём «Москвиче» с ручным управлением. Чем закончилась недолгая побывка девушки в Тбилиси – это уже тема другого повествования.

Отар был непоколебим в своих задумках и решениях. Я чётко заметил в нём удивительную склонность к злодейству. Это отмечали и другие его знакомые, и все удивлялись: как мне удаётся поддерживать с ним нормальные отношения? Я старался уйти от прямого ответа, хотя он был однозначным: Отар был мне интересен в качестве субъекта, могу признаться, возможно, и научного исследования. Мне всегда хотелось получить объяснение множеству его бесчеловечных поступков. В чём их причина? В неправильном воспитании или в душевной увечности? В физическом недостатке или всё это вместе взятое?

Лето 1959 года выдалось на редкость жарким. Августовский день был в самом разгаре. Пекло невероятно. Приняв порцию мороженого и выпив стакан газировки, – таким был обычай, – в кафе «Самарожнэ», что располагалось на углу улицы Кирова и площадью Ленина, я вышел прогуляться по Руставели. И надо же такое! Встретил дону Отарио – так его величали некоторые из моих знакомых. В самой встрече ничего необыкновенного не было, но я остолбенел, не поверил своим глазам, когда увидел в руках у Отара долгоиграющую пластинку с Дюком Эллингтоном: «Ньюпорт джаз-фестиваль энд Джерри Маллиган!» Диск фирмы «Филлипс», Голландия. На конверте великолепный цветной снимок: сверху сам Эллингтон, как ему подобает, по-королевски восседающий за роялем. Внизу – Маллиган с переливающимся золотом баритон-саксофоном, облачённый в столь же эффектный ярко-красный клубный пиджак. Даже сегодня, в век

CD и DVD, когда вокруг навалом всевозможных компакт-дисков, столь редкий раритет удивит даже самого умудрённого коллекционера джаза. А что сказать тогда, уже столь далёком пятьдесят девятом?.. Это было для меня так невероятно, что выходило за рамки моей необузданной фантазии. Моя весьма скромная в то время коллекция насчитывала всего 10-15 затёртых дисков, вовсе не таких, как этот, роскошный. Хотя иметь даже такое, как у меня собрание, в то время считалось уже большим достижением, невероятным богатством. Достать заграничную пластинку из капиталистической страны было почти чудом. «Железный занавес» для нас приподнимался очень медленно. Молодёжь тянулась к отборному джазу, к его корифеям. Это сегодня можно свободно достать и слушать всё, что хочешь. Но почему-то молодёжь предпочитает нагружать себя примитивным рэпом, монотонным техно...

Та пластинка была, что называется «шпроты в масле». Честно признаюсь, я впал в состояние лисицы из басни дедушки Крылова, завидевшая сыр в клюве дону Отарио, или тот же виноград, высоко над головой, от которого у кумушки глаза и уши разгорелись. «Вовремя выудить спелую гроздь, не дать ей превратиться в кимиш, неужели это возможно, и только плод моей фантазии?» – лихорадочно думал я.

– Ба-а?!.. Откуда, чьё?.. – спросил я, стараясь сдерживать свои эмоции.

– Моё! Я встретил в бильярдной Дома офицеров Тэдика Двали и попросил одолжить, послушать. Ему какой-то родственник, большой человек, привёз откуда-то из заграницы.

– Не понял... Если он одолжил послушать, как же она твоя? – изумился я, окрылившись надеждой, что с Тэдиком Двали мне легче будет договориться.

– А ты думаешь, я ему верну? Ещё чего! – будто в ответ на мои мысли заявил Отар.

Я понял, что он соврал мне, говоря о каком-то родственнике Тэдика. Скорее всего, диск привезла его мама, заслуженная балерина Алла Двали. В прошлом году она ездила со своим Театром оперы и балета на дальние гастроли по Южной Америке, откуда привезла немало подарков из Колумбии, Мексики, Чили, Венесуэлы, Эквадора. Кое-что из привезённого перепало даже мне. Тэдик учился пока ещё в восьмом классе, а я уже был студентом, и, гордясь дружбой со взрослыми, он был ко мне щедр.

Даже на самом паршивеньком проигрывателе, в доме у Отара, диск прозвучал так, что я чуть не обалдел от восхищения. Переключка Маллигана со всем оркестром, позывные Дюка «А транс», пронзительное соло Ray Nance на скрипке, – всё это необыкновенно потрясло меня. Хотя Отар, в отличии от меня, особых эмоций не проявил.

Быстро пролетело несколько дней. Отар пластинку, конечно же, не возвращал. Раз-другой Тэдик появлялся с товарищами, его одноклассниками, потом пришёл с каким-то верзилкой с Плехановского проспекта, на вид отъявленным головорезом. Ничего хорошего это не предвещало Отару. Однако он был непоколебим. Я робко посоветовал ему не осложнять обстановку, вернуть диск. Но хромой только злорадно и хитро улыбался. Скоро к нему явилась делегация в более расширенном составе. Вместе с тем верзилкой, им оказался Булик Бзикадзе, пришёл знакомый мне Владик Черномордин. Он работал в ателье звукозаписи на улице Марджанишвили. Кисть его правой руки заменял протез, с застывшими в чёрной перчатке пальцами. В сочетании с мёртвенно-белым

лицом он выглядел загадочно и страшно. К тому же он всегда водил на поводке своего любимого пса Порги – огромного боксёра или бульдога свирепого вида, часто рычавшего без всякого повода. Остальными членами «делегации» была шпана из Собачьего переулка. Разборка длилась недолго, ибо у Отара легенда была состряпана заранее: несколько дюжих ребят в той же бильярдной отобрали у него пластинку. «Вернут – отдам! Не вернут – делайте что угодно! Я ничего не могу поделывать!», ответил он, ничуть не робея перед головорезами, возле которых выглядел на своих костылях жалким птенцом.

– Откуда хочешь, найдёшь эту пластинку и принёшь завтра в три, к звукозаписи на Марджанишвили! – заявил вожак, – И чтоб в целостности и сохранности!!! Знай, пустыми разговорами не отделаешься. Пощады не будет!..

Напоследок вожак сдобрил сказанное двухэтажным матом. Хромой парировал трхэтажным. Компания удалилась, мы с Отаром пошли к нему домой. Из создавшегося положения никакого выхода в пользу Отара я не видел, искренне советовал ему:

– Верни эту пластинку, не суждено ей быть твоей!.. Не угодно это Богу, не связывайся с этой шпаной...

– Но и ихней она не будет! – лихо отреагировал хромой. Весь Плехановский сброд притащился сюда, и у каждого свой интерес... Лучше, пусть пластинка будет ничьей!

Отар извлёк конверт откуда-то из тайника, вынул из него диск, глядя холодными, остекленевшими глазами. Затем выхватил из буфета вилку и молниеносно расцарапал обе стороны диска, проколол глаза на великолепной фотографии Дюка Эллингтона, погнул углы конверта. Только истинный коллекционер-меломан сумеет разделить моё тогдашнее трагическое состояние. Я был шокирован настолько, что и сегодня, спустя почти полвека, с ужасом вспоминаю пережитое, соразмерное с присутствием на казни младенца, виноватого лишь в своей красоте.

На следующий день, ровно в два, я был у Отара, и мы отправились к месту встречи. Вся плехановская брашка издали впила глаза в пластинку, зажатую в проёме костыля у Хромого. Чем ближе мы подходили к поджидающим, тем сильнее у меня подкашивались ноги, становились ватными. Владик Черномордин снова был со своим любимым псом. К компании прибавился новый человек, опять-таки мне знакомый, Роберт Саамов, по прозвищу Лакот¹, живший на улице, а точнее, в тупике Кипиани, под фуникулёром. Он конечно же, мечтал бы записать Эллингтона на свой, собственноручно собранный, магнитофон «Козетта», в чём ему помог Робик Мерабишвили, применив детали от патефона и какие-то несусветные железяки и механизмы. Я представил себе то нетерпение Роберта, не меньше меня одержимого джазом. Он пришёл сюда уж чтоб хотя бы взглянуть на поселившуюся в городе заморскую диковинку. Его волосатые, как у обезьяны, необыкновенно могучие руки были способны разогнуть подкову, а сильные линзы пенсне нагоняли страх на многих, даже его знакомых. Роберт приветствовал меня и был несколько озадачен, видев в обществе с Хромым. Но самым главным страшилой в команде Тэдика Двали был Полико Берая, гроза всей воронцовской шпаны. Первый драчун и дебошир, способный на самые крайние меры. Он выступал в роли основного истца.

– Ну, как, принёс? – грозно шагнул вперёд Полико, хотя и сам видел наличие диска у Отара.

– Вот!.. Прошу! – Отар протянул вперёд изуродованный диск в изуродованном конверте, – только не знаю, в целостности и сохранности или нет? – съязвил Отар, не моргнув глазом.

С гордо поднятой головой он смотрел на новоявленного «истца» Полико, возле которого почти не было видно Тэдика Двали. Полико вынул пластинку из конверта и, едва взглянув на неё, всё понял. Вся сторона Тэдика сгрудилась, зашумела. Каждый стал щупать, разглядывать покалеченную пластинку и конверт с изуродованным портретом Эллингтона. Надежды всех, кто мечтал хоть на часок заполучить этот диск и переписать на магнитофон, моментально рухнули как карточный домик. На минуту воцарилось молчание. Избиением пока не пахло, и я успокоился.

– Ты что нам вернул? – первым очнулся Полико. – За такое, знаешь, что положено?

Не имея что ещё добавить, Полико смачно выругался: «Твою мать...»

Хромой сейчас же невозмутимо парировал:

– А я твою!... Делайте что хотите. Это, видно, хулиганы в бильярдной натворили. Ошеломлённые плехановцы переглянулись. Вновь возникла пауза, надвигался взрыв.

– А сколько стоит эта пластинка? – сделав невинные глаза, сочувственно спросил Отар. – Я вам заплачу, сколько надо, и вы купите новую.

Это был хоть какой-то выход из создавшегося положения. Роберт Саамов, Владик Черномордин, Булик Бзикадзе, Полико Берая немного посоветовались, чуточку утихли. Вперёд вновь выступил Полико:

– Так!.. Даёшь мне тыщи рублей! – произнёс он так, будто он был неоспоримым владельцем и оценщиком изуродованного диска. – А это можешь взять себе, и делай что хочешь! – Полико всучил Отару уже ни на что не пригодную пластинку.

– Завтра ровно в три придите и получите деньги. Тэдик знает где я живу. Рядом 43-й школой! – не моргнув глазом, пообещал Отар.

На этом распрощались. «Но что же будет завтра?» – не мог я себе представить, весьма удивлённый тем, что столь кругленькая сумма, особенно для того времени, насколько не возмутила Отара.

– На что ты рассчитываешь, Отар, чуть позже спросил я у него.

– Придёшь завтра в три и сам увидишь! – коротко ответил Отар.

Следующий день оказался жарким во всех отношениях. Из-за августовского пекла улица Энгельса будто вымерла. Только возле Отариного дома было заметно оживление. Он, почти как сам Дюк, на обложке конверта, по-королевски восседал на ступеньке перед подъездом своего дома и, настраивая гитару, давал указания окружающим его ребятам. Среди них был Сосо Арабидзе, молоденький Афэ – сынишка езида Элизбара, стороже 43-й школы, Юра Петров, Гурико Цецхладзе – сын известного адвоката, батони Шуры, и ещё кто-то, мне совсем незнакомые. Отар запел, довольно громко и вызывающе, работая на публику и вселяя в неё уверенность:

– Очи чёрные, очи жгучие, очи страстные и прекрасные!...

¹Лакот - щенок (арм.)

– Отари, там покойник! – попытался остановить его один из ребят, указав в сторону начала Коджорской улицы.

На расстоянии метров ста стояли легковые машины и катафалк, вокруг сновали люди, выносившие венки и букеты цветов, совершая приготовления для выноса.

– Мертвеца не воскресить! Да и собаке собачья смерть! – объявил Отар и злорадно захихикал.

Что значили его слова и к кому они относились, я не понял. И тут, внезапно, из-за угла улицы Махарадзе донёлся шум, и в полном составе показалась плехановская братия, человек восемнадцать. С ними был и Владикин ощетинившийся бульдог. Орава приближалась с самым воинственным видом, заметно превосходившая нашу хилую компанию, в основном, безусых юнцов. Вперёд выступил Полико Берая. Свирепо ослабившись, зловеще спросил:

– Ну как?.. Приготовил деньги?!..

– Да, канэшно! – прекратив брэнчать на гитаре и, намеренно утрируя грузинский акцент, Отарио ответил по-русски.

Потом он медленно поднялся с места, аккуратно прислонил гитару к стене и, облокотившись на костыли, стал медленно шарить по карманам. Наконец, достал лопатник и вынул оттуда ассигнацию. Десятки глаз вытаращились на «деньги» – ключёк обыкновенной бумаги в клетку, из школьной тетрадки. На нём печатными буквами значилось: «Тыща рублей», рядом был приклеен портрет В. И. Ленина, вырезанный из отрывного календаря, и многозначные цифры: серия и номер купюры. Дон Отарио хладнокровно протянул бумажку Полико Берая.

Я с ужасом замер. Бульдог, учуяв что-то неладное, забеспокоился, бешено залаял на всю округу. В этот момент раздался лязг цепей, вместе со скрипом отпираемых железных ворот 43-й школы. Оттуда появился громадный, чёрный, размером с телёнка, породистый дог, с трудом удерживаемый Элизбаром, проживавший со своей семьёй во дворе школы. Явление сопровождалось невероятными воплями хозяина собаки и зычным лаем. Дог смело кинулся в сторону бульдога. Тот рванулся навстречу. Гомон, грохот, угрозы с обеих сторон всполошили всю сонную улицу. А тут ещё сверху, с улицы Давиташвили, одновременно хлопнув дверьми полдюжины автомобилей, рвнула в нашу сторону шоферня из гаража в ближайшем Кожорском переулке. Вооружённые палками, насосами, монтировками, и, с руганью на грузинском, армянском, русском и азербайджанском языках, они со свистом и гвалтом неслись в лобовую атаку на плехановцев.

– Отар, кто из них главный?!.. Покажи, забьём насмерть – голосили сололакские кореши Хромого Отара.

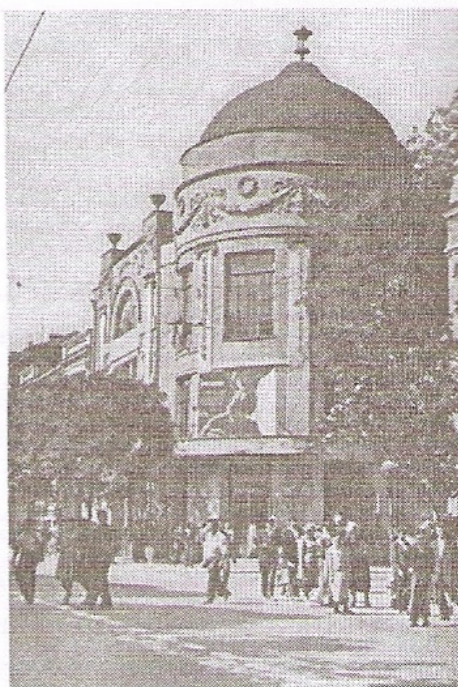
Плехановцы, едва опомнившись, пустились наутёк. До самого Дома работников искусств шоферня гнала их по всей улице Махарадзе вниз, к улице Кирова.

Через день Тэдик явился к Отару, вместе с каким-то малолеткой, и жалобно стал просить дать взамен хоть что-нибудь. Получив чехословацкую пластинку фирмы «Супрафон» с оркестром Карела Влаха, ребята тихо удалились. С тех пор, с 1959 года и по сей день, я так и не сумел раздобыть ту пластинку с Дюком Эллингтоном и Джерри Малиганом на Ньюпортском джаз-фестивале.

Редактировал Артэм Григоренц

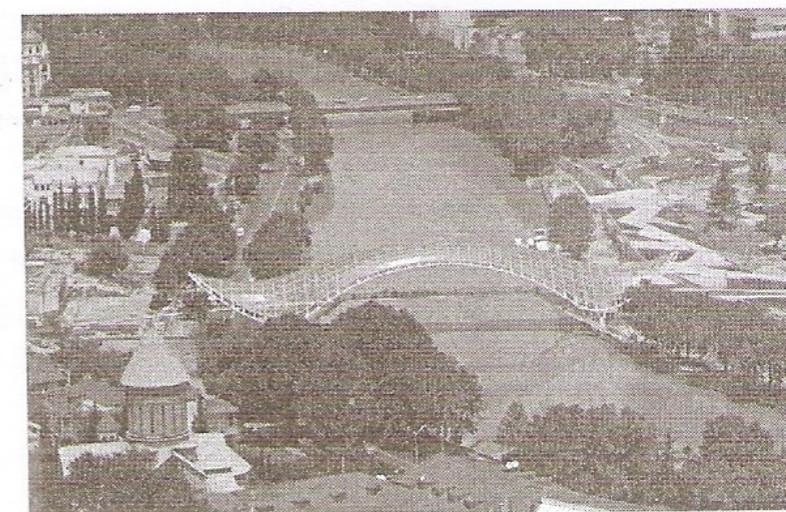
Магазин лагидзевских вод, вопреки этой надписи, уже не работает.

Кинотеатр «Аполло» («Октябрь»)

Выступление в честь Саят-Новы.

Новый мост как символ обновления Тбилиси.

КОРИНА ЦЕРЕТЕЛИ

Журналист, киновед, историк кино. Заслуженный деятель искусств Грузии. (1976г.) В 1973-1993 гг. – профессор Тбилисского государственного театрального института имени Шота Руставели, член редакционной коллегии киностудии «Грузия-фильм». С 1993 года проживает в Москве.

*Город подобен огромной, медленно вращающейся шкатулке с внутренним зрелищем и буйствами.
Гаяне Хачатурян.*

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ. МОЙ ШЕКСПИР.

Детство не поддается забвению. Оно никуда от нас не уходит, только прорастает вглубь, прячется где-то в тайниках подсознания и вдруг прорывается вспышками фрагментарных видений в современную реальность. – спонтанно и непредсказуемо... С возрастом такие «тепловые удары» памяти возникают всё чаще, и драгоценные клочки прошлого вдруг озаряются всеми цветами радуги, и вспыхивая от неведомой откуда взявшейся искры – чей-то голос, чей-то взгляд, звучание музыкальной фразы, или. Казалось бы, совсем посторонний разговор. ..

Не странно ли?.. В реальной жизни от моего почти ничего не сохранилось, и я, с этой самой памятью, теперь уже наедине, как бы, с глазу на глаз. Почти уже не осталось спутником по увлекательному путешествию в зазеркалье моего детства, не с кем вспомнить родителей, общих друзей, подсчитать совместные потери... Некому задать простой, и такой необходимый вопрос: «а помнишь?..»

Участники моих ранних воспоминаний или ушли в мир иной, либо исчезли с поля зрения – разбросаны по всему миру, уехали, пропали. испарились... вырвано из сердца, покинуто и растеряно равнодушными руками тёплое, насиженное поколениями предков, гнездо моего обитания. Гражданская война, бессмысленная семейная смута разрушила, разграбила любовно возделанный тбилисский дом, уничтожила всё, что было близко и дорого – картины, мебель, альбомы с семейными фотографиями, любимые книги, мой архив, письма... пройдя через десятилетия жёстких испытаний, тревог, разочарований, болезненных поворотов сознания (эмиграция, перестройка, крушение Союза) я смогла, наконец, отряхнуться, воскреснуть, начать новую жизнь. Переехала в Москву, обустроила быт, и снова востребована. Но жизнь оказалась безжалостно жестоко расколота на две далеко не равнозначные половины. «Мой милый, мой нежный, прекрасный сад... Мой вишне-

вый сад...» Home, sweet home... Он там, единственный и неповторимый, мой тёплый тбилисский дом... Мой город. Мой Тбилиси. Я постоянно вижу его во сне. На серой стене тревожных, усталых сновидений яркими зарницами вспыхивают отражения дальнего света. Грезится он и наяву – короткими как вздох, благословенными мгновениями радости.

Память детства с некоторых пор устала играть со мной в прятки... Она упрямо вытесняет впечатления современных эпохальных недавних личных праздников и будней, и теперь уже не покидает меня. Оказалось, ничего не ушло в забвение. Всё во мне. Что это, особенности возраста?.. Усталость разума?.. Возможно. Заполненный до краёв сосуд памяти уже не приемлет потоков новых впечатлений, и они растекаются, уходят в землю. Усталый путник знает: самая холодная вода всегда на дне колодца, и он старается зачерпнуть поглубже. Так и память детства. Она где-то там, на глубине сознания – самая чистая и самая сохранившаяся. Оказалось, это моё суждение вовсе не оригинальное. О чём-то схожем толкуют и современные учёные.

Иногда мне кажется, что такая приверженность детским воспоминаниям – это ещё и попытка уйти от стремительно меняющейся реальности, порой не только непонятной, но и откровенно враждебной. Просто защитная реакция. Молодое поколение нынче нередко с презрением смотрит на зрелость и с отвращением на старость. Так оно воспитано циничным постперестроечным временем.

Удивительна не поддающаяся осознанию судьба моих сверстников! Избранность это или приговор? Легко ли – шагнуть, почти от начала от одного века в другой, из тысячелетия в тысячелетие!.. как не зависнуть над пропастью тектонического сдвига времени, невиданного скачка в истории человечества, когда на измерение одной жизни приходится стремительные, невообразимые перемены: первый самолёт и космический корабль, старинный репродуктор – чёрная «тарелка» и плазменный телевизор, фотоаппарат «Смена» и цифровая камера, спутниковая связь, Интернет... Время веками двигалось медленно, размеренно, подчиняясь закону эволюции, и вдруг шарах! И всё понеслось гигантскими скачками вперёд, похоже, будто Земля раскололась, и трещина прошла через сердце моего поколения.

Ошеломляющие события эпохи беспощадно обкрадывают нас в самом, что ни есть, человеческом плане: глобализация делает всё и вся схожими, но вовсе не близкими, и, скорее, всё больше разобщает, всё дальше отделяет друг от друга. Интернет, современные медиа-технологии упраздняют, делают бессмысленным живое человеческое общение – нав улице, на работе, в своем поезде, в магазине, в кинотеатре. Постепенно ускользают из-под ног привычные точки опоры. Может поэтому и появилась непреодолимая потребность обернуться в «золотой век» детства», прильнуть к его мифологическим образам, вспомнить о простых вещах и простых истинах: что можно и чего нельзя делать, что хорошо, что плохо, а где благо и где зло, где свобода, а где вседозволенность, где милосердие, а где жестокость? Слова эти сейчас звучат для кого-то так дико, так нелепо! Скажешь вслух – засмеют, зашикают. Но эти ли, обозначенные ими простые истины, испокон веков упорно и кропотливо выстраивали образцы воли, честности, общности толерантности и всего остального багажа общечеловеческих ценностей, с потерей которых homo sapiens превращается в манкурта, бездушного робота?

Связь человека с местом своего происхождения и первоначального обитания, хоть и загадочна, и труднообъяснима. Ведает этой таинственной связью известный ещё

древним грекам *genius loci* («гений места»). Человек – это дитя своего Места. Уже в чреве матери он формируется внутри его быта, его, лексики, обычая, предрассудков. Это и тот особый воздух времени, которым наполняются лёгкие новорожденного и неповторимая мелодика родного языка, которые он слышит, ещё не понимая смысла слов... «Гений места» на молекулярном уровне связывает интеллектуальные. Эмоциональные, духовные проявления человека с окружающей его средой. Это тонкая, хрупкая, но живая, постоянно пульсирующая субстанция.

Колыбель моей души – мой «гений места» – скромный, неприметный уголок Тифлиса, увенчанный «Арсенальной горой», На самом деле, – это не гора, а всего лишь холм, на котором высилось здание старого Арсенала, построенного в конце XIX века.

Моё детство проходило в патриархальной, многонациональной среде старого Тбилиси с простыми людьми, наделёнными всеми слабостями и грехами людскими. Эту среду, по современным понятиям, без натяжки можно назвать «гражданским обществом», понятиям, которые стираются со всего постсоветского пространства. Баланс между добродетелью и злом, заложенном в каждом человеке. В той среде он постоянно корректировался общественной оценкой, общественным мнением, на уровне города, улицы, двора, семьи, с оглядкой на простые истины, которые незатейливо и доходчиво изложены ещё в Нагорной проповеди. Просто.

Вспоминая тбилисское детство, пытаюсь понять, из чего была соткана та особая полнота жизни, которая так щедро была разлита во всей атмосфере существования города, улицы, двора, дома. Жизнь моей семьи была подключена к кровеносной системе города, к его многообразным, постоянным, ежедневным человеческим общением и связям. В этом Тбилиси не знал себе равных. День, когда к нем в дом не приходили родственники, гости или соседи, и стол накрывался только для членов семьи, мне трудно припомнить. Бабушка такого «чёрного дня» просто бы не вынесла. Жили все наши соседи бедно, не по-нищенски. Со временем всё больше убеждаюсь – широта души способна компенсировать отсутствие денег. Бедность – это состояние кармана, а нищенство – состояние души. Мне встречались сказочно богатые люди, но с психологией крохобора. Но такие люди – только не в городке моего детства!.. Только не в Моём Тбилиси! Делиться с соседями едой, будь то хоть кукурузная лепёшка, тарелка супа... Скидываться на свадьбы, на похороны, дежурить, сменяя друг друга у постели больного родственника или соседа было естественным выражением внутренней потребности тбилисца, неписанным, неоспоримым законом его существования. Отчуждённость, равнодушие, неспособность откликнуться на радости и горести окружающих считалось серьёзным изъяном личности. С бездушным человеком нельзя связываться. С ним нельзя иметь дело! Нельзя вступать в родственные связи! В то же время гуляка, выпивоха, транжира – те черты, которые в ой или иной степени типичны в портрете настоящего тбилисца, снисходительно списываются в счёт человеческих слабостей.

У нашей улицы было своё особое многоголосье и многоцветье запахов и звуков. Многослойный её контрапункт составляли хриплые трели шарманок, стоны дудука, дымок шашлыка. Аромат свежей зелени, острый запах овечьего сыра, цоканье лошадиных копыт по мостовой, зычные возгласы фазон-

щиков, гомон соседей, их темпераментная многоязычная перебранка и перекличка с балкона на балкон... Всё это многообразие ощущений сохранила особая синтетическая память слуха, зрения, обаяния, осязания, память моего раннего детства.

Сейчас я понимаю – сейчас в этих ранних, младенческих годах корни моих последующих профессий, страстей, страхов, причина моих радостей, бед и поступков... разбудите меня посреди ночи, и я долго не смогу восстановить события прошедшего дня – где была, что прочитала, с кем разговаривала. Всё это в тумане. Зато отчётливы всплывает такое видение: на стене, напротив моей кровати висит вышитая цветном бисером картина. На фоне развалин, в горестной позе, подперев голову руками, сидит на голом камне девушка. Это – приданное моей бабушки-армянки. Её рукоделие. Таков был старинный обычай – грузинка приносила в дом книгу – великое творение Руставели «Витязь в тигровой шкуре», а армянская невеста собственноручно вышивала для своего суженного картину – «Мать Армения» (древняя столица армянского государства – город Ани была разрушена турецким нашествием и землетрясением в XII веке). Подробности эти стали мне известны намного позже, в споре с моей мамой, которая утверждала, мол не могла я запомнить этой картины, мне ведь не было и года, когда её унесли, передали. А вот представьте себе – запомнила! Вовсе не по её сюжету, который тогда не могла бы осознать, а по исходящим от этой картины волнам непонятного, но тревожного неблагополучия.

В сумерках по этой картине начинали бродить таинственные тени. Они клубились, множились, перемешивались, вырастали. Девушка на картине угрожающе раздувалась и тянулась рукой к моей кровати... Я в ужасе взвизгивала и заливалась горьким плачем. Испуганные родители не понимали – что происходит с ребёнком? А я не могла объяснить, ещё не говорила, но уже чувствовала, воображала и фантазировала. Возможно, так и рождается первое ощущение тайны.

Почему-то мои первые фантазии были или мистически-пугающими, или восторженно-радужными. Ещё не было понимания слов, но наверно уже тогда, с первыми страхами и первыми вскриками радости пробуждалась моя душа.

Вот ещё одно, постоянно всплывающее в памяти воспоминание. Одно из самых радостных и самых первых моих впечатлений: в наступивших сумерках, на стене моей комнаты вспыхивают отражения фазонных фонариков. Попа возвращается с работы домой. Появление весёлых «зайчиков» на стене – предшествование острых мгновений радости. Я их предчувствую и жду... Слышу цокот копыт под нашими окнами и энергичный возглас кучера: «Тпру-у-у!»... Потом – тяжёлые шаги, поскрипывания половиц, и вот я взлетаю высоко-высоко, захлёбываясь в восторженном смехе. Папа берёт меня на мои сильные руки, подбрасывает и ловит. Как же мне было тогда весело! До сих пор отчётливо помню и слышу интонацию маминого голоса, неповторимую его мелодику, протяжную, по-восточному западающую на гласные. Чувствую запах её кожи, тонкое благоухание флакон из-под французских духов в мамином комодке. Они уже давно закончились, а запах ещё не выветрился. Не напрягаясь, легко вспоминаю все те песенки, которые мама пела мне в младенчестве.

Едва я научилась ходить и произносить первые слова, меня, как каждого тбилисского ребёнка неотвратимо потянуло во двор. Ох, эти тбилисские дворы! Про них надо бы слагать оды и поэмы. В мои детские годы тут разворачивались дей-

ства, достойные пера Мольера и Шекспира. Самой действенной и самой устрашающей родительская угроза: «Во двор сегодня не пойдёшь!» И тут уже самые ленивые садились за уроки, и самые привередливые и капризные, зажав нос, проглатывали ненавистный «гоголь-моголь», чтоб заслужить великое благо и великую радость – кубарем скатившись по лестницам, поскорее присоединиться к дворовому действу.

Наш двор на Советской (бывшей Черкезовской) площади был типичным тбилисским двором, который почему-то принято называть «итальянским». Помню высокий забор, стоженный из квадратного грузинского кирпича и огромные, тяжёлые железные ворота с литыми причудливыми завитками-«финтиклюшками» (так называли на местном арго всякого рода архитектурные излишества – кружева, бантики...)

Ворота эти потом разобрали, «финтиклюшки» растащили дети. А военные годы останки голого каркаса, громадного и ненлепого, как скелет динозавра, распилили и сдали на металлолом. Внутри двора, на перилах балконов «плакали» свежестырянные пёстрые ковры. На верёвках, протянутых от одного конца двора к другому, развевались на ветру простыни, пододеяльники... тяжело нагруженные стиркой верёвки поддерживались длинными палками-подпорками, и двор становился похожим на корабль с многоцветными парусами. Детям тут было раздолье – удобные укрытия для игры в прятки, ловитка, «казаки-разбойники». Случалось, что расшавившаяся детвора сшибало подпорку, мокрое бельё падало на землю, и двор оглашался истошными воплями хозяек. Начинались долгие и крикливые разборки.

Родители, больно схватив за ухо, уводили домой напроказивших ребят. Но пербранка ещё долго не стихала. И было с чего скандалить. Стирка в годы моего детства всё ещё была рабским трудом. Огромный тяжёлый котёл-«выварку» ставили на керосинку или на костёр, разведённый во дворе. Бельё кипятили долго, с переливавшимся через край стружками мыльной воды, затем вручную тёрли в корыте, и не все, за её неимением, на ребристой стиральной доске, затем прополаскивали под напором холодной воды, струившейся из общего крана в центре двора... и так, по крайней мере, раз в неделю. Впрочем, до вечера все обиды забывались и поссорившиеся хозяйки, как ни в чём не бывало, собирались посудачить на нашем общем балконе, мужчины садились за нарды или домино, на лавочке, под тремя кипарисами.

Фантазия, никем не контролируемых, вольных застройщиков была неисчерпаема – переплетения лестниц и разноцветных балконов создавали неповторимый колорит тбилисского двора. Деревянные балконы опоясывали и наш двор.

Тбилисский балкон – это летняя комната, где стоит тахта, накрытая деревенским домотканым ковром; на нём «мутаки» - мягкие, удобные подушки-валики, набитые овечьей шерстью; перед тахтой непременно стол. В жаркое тбилиское лето жизнь окончательно выплескивается на балконы и дворы. Мы и спали на балконе, пили чай, обедали, принимали гостей, общались с соседями. Папа играл с ним в нарды, бабушка раскладывала пасьянс. Убегая во двор, я непременно пила воду из-под крана, уточкой подставив ладошку под струйку или искусно захватывая струйку губами. То и дело подбегали к крану и другие запыхавшиеся в игре дети. Любили попить у нас воду и захаживавшие во двор бродячие торговцы и ремесленники. Хотя вода уже проведена во многие квартиры, но во дворе она особенная, вкусная и летняя ледяная. Она из Натахтарского источника,

лучшего среди пригородов Тбилиси. Мама запрещала мне подходить к дворовому крану, а мне так хотелось – как все, и тайно от неё училась пить из ладошки у нас на кухне.

До самой войны, до того, как наш чудесный двор перекопали, вырыли «щели», где мы должны были укрываться от бомбёжек, у нас во дворе был небольшой круглый бассейн с фонтаном. Знойным летом в горпобе праздновали старинный языческий праздник «Вардавар» («День воды»), и тогда всю нашу округу оглашал визг и хохот. Праздник этот особенно почитали армяне-беженцы из турецкой Армении. «Вардавар» отмечался после святой Пасхи (Затика), по истечении 14-ти недель и приходится на самые жаркие дни – на середину июля. Взрослые веселились и проказничали как дети, гоняясь друг за другом с кружками и вёдрами, чтоб поймать и облить водой, с головы до ног. Доставалось и зазевавшимся прохожим. Те не сердились, не обижались за промокшую одежду, испорченную парусиновую обувь, и часто подключались к общему веселью. Таков был древний городской обычай: или будь на чеку, вовремя изловчись, спрячься, или уж будь добр – принимай условия игры! Обижаться и проявлять недовольство нельзя. Считается, что в это день вода обладает особой целебной силой.

Когда ловитки и обливалки заканчивались, мы все, усталые и запыхавшиеся, мокрые и весёлые собирались в нашем дворовом бассейне. Все вместе. И взрослые и дети. Сердце усиленно стучало, вода ручьями стекала по лицам, по облепившей тело одежде. Это был общий, пожалуй, единственный день нашего полного равноправия с взрослыми. Позволялось преследовать, ловить и обливать водой родителей, взрослых соседей. А в тбилисском «гражданском кодексе» неукоснительно соблюдалась субординация «старший-младший». Младший не может сидеть, если старший стоит на ногах. Младший медленно должен подняться, если в дом вошёл пожилой, и продолжать стоять, пока тот не сядет. А за столом не перебивать старших... В общем, казалось бы прописные правила поведения в обществе. Но ведь речь идёт не о воспитанных гувернантками холёых маменькиных сыночках, а о простых людях, населявших наш район: ремесленниках, рабочих и торговцах мелких лавочек. Помню, даже дворовые сорванцы, не смея возражать, покорно выслушивали пространные бабушкины наставления. А она учила их уму-разуму: как отвечать, когда кличут со двора, как обращаться со взрослыми. И в армянском, и в грузинском языке есть особые слова вежливого утверждения. Нельзя отвечать взрослым по-грузински «ки» или «хо» (Да!). Есть вежливая форма – «диах», которая одновременно означает – «слушаю». Или на оклик отвечать по-армянски «һа?» (да, что?) Это грубо и невежливо. Есть другое слово – «һаме» (слушаю) Бабушку мою Марию Артемьевну дети нашего двора прозвали – тётя һаме. Позже так её стали называть все соседи нашей округи.

По утрам меня неизменно будили спускавшиеся с окрестных деревень продавцы мацони. Черноглазые ослики спотыкались под тяжестью хурджинов – перемётных сумок, в которых позвякивали расписные глиняные кувшинчики. Торговцы и ремесленники зычными, неаномированными голосами предлагали свои услуги на тифлисском арго – невероятно выразительной смеси разных языков:

– Ак-а-а-кошкис шушеби! – надрывался стекольщик. – С-стёкла вставлять!

– Мелкий товар! Мелкий товар! «Пудра, памада – что душе нада!» - зазывал тифлисских прелестниц седобородый коробейник.

Раз в неделю у нас появлялся керосинщик. Чахлая лошадёнка, спотыкаясь, тащи-

ла телегу, гружённую огромной бочкой с керосином. Керосенщик (Уменавте) по имени Погос, шагал рядом со своей клячей и оглушительно звонил в большой медный колокол и высоким голосом взывавл на всю округу: «Н-а-а-фти!.. Керра-си-и-и-н!» Особенно протяжно он тянул последнее «и-и-и» Хозяйки ждали керосинщика с нетерпением и тащили в дом огромные бидоны, а на улице, во дворе и в квартирах надолго распространялся едкий запах керосина.

В каждой квартире готовили пищу на керосинке. Особо обеспеченные держали примус или керогаз. На них наши искусные кулинарки умудрялись готовить не только вкуснейшие обеды, но и выпекать в специальной алюминиевой форме «чудо» высокие бисквиты и многослойные торты...

Раз в неделю во дворе появлялся ещё один незабываемый персонаж – худой долгорезый старьёвщик с тяжёлыми холстяными мешками чекрез плечо. «Ста-а-ри а-а-ди-о-о-ож покупа-а-ай!»

Хозяйки поспешно сбегали по крутым лестницам, волоча за собой всякую, залежавшуюся в доме, дребедень. В ход шло всё – от медных кастрюль и самоваров до старых дырявых калош.

Малыши жались поближе к родителям, со страхом поглядывая на темнолицего, длинноногого старьёвщика. За ним водилась слава похитителя непослушных детей:

- Не будешь есть – «стариадёж» унесёт тебя в мешке.

А старьёвщик подыгрывал родителям:

- А ну-ка, кто там сегодня у нас не ест, не пьёт, маму не слушает?!

И мы с визгом разбегались по домам.

Самым привлекательным для нас был зов шарманщика:

- Цо-цх-а-ли ку-кле-би!.. («живые куклы!»). Заслышав его, мы вырывались из цепких рук родителей и неслись во двор, зажав в кулаке заблоговременно припасённые гривенники.

На крышке шарманки, украшенной бахромой и ковровой тканью, была сооружена крохотная сцена. Как только тёплые гривенники перекочёвывали из наших потных ладошек в широкий карман шальвар шарманщика, бархатный занавес открывался, и начиналось представление. Под сильные вздохи старой шарманки на сцене появлялись знакомые персонажи детских сказок: лодырь и увалень Нацаркекиа (русский Иванушка-дурочок), тиран и людоед Бак-бак Дэв, отважный рыцарь Таризэл, прекрасная Нестан Дареджан из эпоса Руставели и, конечно же, Красная шапочка, бабушка и волк.

Куклы разыгрывали импровизированный спектакль, каждый раз новый и неожиданный, вступали в самые невероятные, весьма отдалённые от своих литературных отношений отношения.

И никого это не смущало... юная аудитория пищала и визжала и плакала, когда волк похищал красавицу Нестан, а вооружённая ножом бабушка спасала героиню Руставели, вспарывая волку живот.

Бак-Бак Дэв. Вечно остававшийся в дураках, каялся, просил прощения у съеденного им ягнёнка и плакал горячими слезами. Маляши отвечали дружным рёвом, стой мерой наивной веры и искренности, какая вряд ли появится у ин нынешних сверстников.

Перекинувшись через перила балкона моя бабушка бранила кукольника:

- Прекрати заводиться детской, ослиная твоя голова! Им же потом не уснуть!..

Самым же удивительным было то. Что этот маленький, юородатый рыжий шарманщик один справлялся со всей той кутерьмой – крутил ручку шарманки, водил кукол из-под сцены и чревоуещал, озвучивая своизх персонажей, то тонким голоском красной шапочки, то грохочущим басом Бак-Бак Дэва...

моё! первое знакомство с Шекспиром произошло опять-таки с в еашем дворе. Тогда мне было четыре годика. По дворам ходил хромой бродячий актёр со своим единственным, но беспроегранным номером: «Отелло убивает Дездемону». Звали его по фамилии – Бабаев. Спектакль одного актёра проходил на непереводаемом тифлисском жаргоне, доступного дворовому зрителю всех возрастов и национальностей. Глубокий психологический смысл и бурные страсти трагедии Шекспира были смело адаптированы и сведены к нескольким фразам, в сочетании с энергичной пантомимой.

Реквизитом ему служили палка и грязный платок. Время от времени Бабаев доставал его из кармана и потрясал над головой, как бы наглядно демонстрируя зрителю предмет разгоравшегося спора. Посмотрите, морл, из-за чего весь этот сыр-бор!

– Где твой платок, Дездемона?! – вопрошал он низким, воющим голосом, переваливаясь на длинную ногу, испепеляя взглядом виртуальную Дездемону. Затем, отпрыгнув шага на два в сторону, опускался на короткую ногу и писклявым голосом отвечал за Дездемону:

– Отдала его прачке, Отелло!.. Постирала и вернёт...

Снова прыжок в сторону, на длинную ногу, и тот же грозный рык:

– Прачке отдала или Кассио подарила? Отвечай негодница! Отвечай! Задущу-у-у!

«Дездемана», стуча зщубами и запинаясь, верещала:

– Кто та-к-а-ой Кассио?.. Не знаю никакого Кассио-о! Прачка отдала, клянусь мамой!

Сцена допроса, сопровождаемая отчаянной жестикуляцией, гримасами, ужимками и прыжками, постепенно обрастала всё новыми авторскими ремарками и актуальными примерами из волнующей дворового зрителя подробностями живой повседневности. Увеченный актёр бросал вызов гению драматургии всех времён и народов. Бабаев выступал в роли страстного разоблачителя неверных жён. Он был откровенно на стороне чернокожего ревнивца:

- А знаете ли вы, что жена моего брата, Сирануш отдала ягнёнка любовнику на «матах», а мужу сказала, что он ягнёнок заболел и издох? – негодовал бродяга, обращаясь непосредственно к зрителю. И даже шкуру не показала... А сама с любовником чем занималась? Показать чем?!

Сделать несколько выразительных движений палкой, при общем визге и хихиканье зрителей, он снова обращался к Дездемоне:

– Где платок? Отвечай! Настал твой последний час!

И тут извергался такой поток таких проклятий на голову венецианской красавицы и всех неверных жён. Что родители затыкали нам уши и уносили, брыкающих и ревуших, по домам.

Диалог в лице одного актёра, однако, заканчивался по Шекспиру: сценой уду-

шения. Отелло душил Дездемону палкой, и она падала на землю, корчась в конвульсиях. Всё той же палкой он пронизал себе сердце и падал ниц. Но самым удивительным был самый финал спектакля, в котором бродячий актёр Бабаев окончательно разделялся с великим драматургом. С трудом поднимаясь с земли, покачиваясь и переступая с ноги на ногу, он торжественно выдавал заключительную ремарку:

– Горе тебе, Отелло! Горе тебе, несчастный, обманутый муж!.. Историю эту рассказал один умный человек, Вильям Шекспир... Он жил во времена далёкой древности...

Выдержав паузу, выходя из образа, Бабаев, уже совсем другим голосом, жалостливым и плачущим, тянул:

– Подайте же на кусок хлеба служителю искусства!

В 30-е годы ещё не было телевидения, только сиплая чёрная «тарелка» репродуктора на стене, вещавшая всего несколько часов в сутки... Но Тбилиси – город-театр просто задыхался от обилия зрелищ и развлечений. Дети и подростки ставили «живые картинки» и мини-спектакли на лестничных площадках и на балконах, таская из бабушкиных сундуков предметы былой роскоши – стеклярус, изъеденные молью страусовые боа и меха, шляпки, обветшалые ткани, ковровые наволочки, куски старых кружевных занавесей. (Такой сундук был и у моей бабушки – живущей на выселках раскулаченной буржуйки). Из всего, что удалось хитростью или просьбами добыть у родителей, мастерили карнавальные наряды. Девочки нарезали на куски винтажные вышивки и гобелены и выпарывали бисер на ожерелья. Из страусовых перьев и старой бижутерии сооружались диадемы. А потом на лестнице, ведущей в нашу квартиру, происходило своеобразное «дефиле» под названием «живые картинки»: «Раз, два, ти... фи-гу-ру по-ка-жи!» И мы замирали в разных позах. Зрители устраивались на балконах, как на амфитеатре, встречали каждую такую «картинку» восторженным визгом или возмущённым свистом. Сторгое, но далеко несправедливое жюри спорило до хрипоты, до пинков рукоприкладства. Редко какое представление кончалось миром. Разгорячённых спорщиков разнимали старшие и ревущих волокли домой.

К бабуле моей приходили подружки – из «бывших». Они с отдышкой поднимались по лестнице, обмахивая веером вспотевшие лица, проклиная свои отёкшие ноги и дужную тифлискую жару. В шляпках с обветшалой вуалью и штопаных перчатках-митенках, были похожи на залетевших в курятник обшарпанных экзотических птиц. Старушек провожала недобрый взглядом худая и чёрная, как ворона, соседка Маро, проживавшая в «скворечнике» – на втором этаже флигеля-пристройке. Она презрительно каркала им вслед «стар-р-режим!». Дети. Которых она постоянно преследовала, называли её «чёрна Маро».

Ни на минуту не покидая своего наблюдательного поста, Чёрна Маро фиксировала всё, что попадало в поле её зрения: куто пришёл. Кто ушёл, когда, с кем и с чем и, окрикая идущих по двору соседей, сообщала им дворовые вести, а порой и отнюдь небезобидные сплетни. Она же была постоянным арбитром и судьей всех дворовых ссор, часто возникавших по её же милости. Бабушка моя каждый раз кипела от возмущения, каждый раз видя, как она из своего «наблюдательного пункта» нахально заглядывая к нам в окна застеклённого балкона, расположенного как раз напротив. А

мой отец, по характеру миротворец, стараясь шуткой остудить её пыл, посмеивался:

- Вы что, не знали? Маро тайно в меня влюбилась. Старушки, вооружившись очками, удобно устраивались за круглым столом в гостиной. Бабушка доставала из ящика комода мешочек. Начиналась длинная и нудная игра в лото.

Время от времени старушки прерывались для короткого перекуса – чая с домашним яблочным пирогом, и вздыхая, перебирая страницы фотоальбомов в тяжёлых кожаных переплётах, вспоминая о совсем о другой своей жизни. Вечерами под нашими окнами раздавался перестук костяшек и павлиньи крики нардистов, окружённых не менее крикливыми болельщиками.

Свадебные хороводы курдов-езидов не помещались в дворах, ночью выплёскивались на улицу... Визжал и стонал рожок... Многоцветные и многослойные хризантемы юбок ритмично взлетали вверх по монотонный и завораживающий бой бубнов. Танцевали без передышки. До самого рассвета. А днём, по нашей бывшей Черкезовской, в то время уже Советской улице, по дороге на Кукийское кладбище торжественно несли покойников. Соседи гроздьями зависали на балконах и подоконниках, громко переговаривались, судача о родственниках и близких. Открытый гроб несли на голове, на высоко поднятых руках, сменяя друг друга самые сильные, самые дюжие участники процессии. Те, кто повыше – несли сзади, кто короче – спереди или в середине. И так до конца, по узким, горбатым улицами района Кукии. До самого кладбища. Нередко пустой катафалк с крышкой гроба, с цветами, запряжённый тощими клячами, следовал рядом.

За гробом шествовали близкие родственники покойного – женщины в чёрных шелковых платках, укрывавших голову и плечи, мужчины с чёрной траурной повязкой на рукаве. За ними, причитая и царапая щёки, шли плакальщицы с распущенными волосами. Потом уже все остальные: соседи, друзья, родственники и просто примкнувшие к ним праздные, любопытные прохожие. Процессию завершал духовой оркестр с голосистыми трубами, ухающими валторнами, визгливыми кларнетами и ударник, с тяжёлым барабаном на ремне через плечо. Иногда такт отбивали медные тарелки. Особой популярностью пользовался траурный марш Шопена, угадываемый, правда, с большим трудом, не столько из-за крайней неискущённости музыкантов, сколько в результате принятого ими на грудь, уже в доме покойного. Барабанщик выписывал кренделя непокорными ногами, а валторна сама рвалась из рук и, часто грозила с лязгом упасть на землю. Где уж тут было попасть в ноту! За музыкантами, как правило, следовала ватага откровенно веселящейся уличных мальчишек.

Хоронили на Кукийском кладбище и молочан. За катафалком чинно и торжественно шествовали мужчины в чёрных глухих косоворотках. Следом плыло белое облако – женщины в длинных белых платьях и белых головных платках. Не было слышно ни рыданий, ни стенаний. Только пение... Красиво и вдохновенно пели она свои псалмы.

Эта непривычная для кавказцев сдержанность и строгость церемонии прощания магнетически действовала на зрителей, сидевших на подоконниках и балконах. Их обычная трескотня и перекличка разом смолкала. В воздухе повисала та самая, значительная пауза, во время которой даже самые примитивные души оседают вселенская истина – *Momentomori*...

Тбилиси был воистину толерантным городом. «Инаковость» тут не вызывала отторжения, а скорее воспринималась с уважением и интересом, и це-

нилось по достоинству. Помню, как бабушка покупала на рынке творог, сметану и квашеную капусту только у молочан. «У них самые чистые продукты, – говорила она. – Самые чистоплотные люди! А какие работяги! Не курят, не пьют!»

А, впрочем, алкашей тогда на весь наш город было на одной руке перечесть. Правда, выпивали все, бывало и напивались, хоть и очень редко. Но чтоб запои? Ла ещё до потери пульса? Такого – никогда!..

И всё-таки в нашем дворе проживала достопримечательность нашего района – алкаш Лёвик. По совместительству – маляр. Тщедушный, неприметный молчун. Лёвик становился-таки львом рыкающим, когда на него «наезжали». А происходило это не реже, чем раз в квартал и длилось примерно неделю. И всю неделю нашу округу сотрясал его рокочущий гортанный рёв. Во время запоя Лёвик «вещал» без пауз и антрактов, и крошки в рот не брал, только курил. Моя сердобольная бабуля удивлялась: «И откуда только такой голос берётся?» Веди дунешь – упадёт!»

Возбуждённый алкоголем, наэлектризованный «негативом», с завидным ораторским искусством произносил нескончаемую обличительную речь в адрес всего, что только движется и не движется. Он часами мог проклинать своего работодателя за скупость, подавца – за то, что в долг не даёт курева, собаку или камень, случайно попавших ему под ноги, прохожего за то, что не так поклонился или не ту шляпу надел, и всю эту распроклятую жизнь, в которое, по его мнению, таким, как он, не нашлось достойного места.

Лёвик цеплялся к соседям во дворе и к прохожим на улице. Наш дворовый Демосфен постоянно нуждался в аудитории, чем очень досаждал и взрослым, и детям, настоятельно требуя выслушать его, а когда долго не отставал, то нередко бывал поколочен. Впрочем, соседи его жалели, подбрасывали мелочь на выпивку, но старались не связываться обходили стороной.

Как-то, в поисках удобной трибуны, Лёвик взобрался на крышу трёхэтажного флигеля, оттуда можно было беспрепятственно вещать на весь двор, и, в порыве ораторского ража, шагнул... в пустоту. Дикий вопль Чёрна Маро немедленно огласил всю округу:

– Вай! Вай! Люди! Скорей сюда! Лёвик убится!

Во дворе, под флигелем сразу же собралась толпа. Leon Weinstein

Растерянные соседи кинулись искать изуродованное тело Лёвика. И тут же слышались ритуальные причитания:

– Вай, вай, какой хороший был парень – мухи бы не обидел! Вай, горе его матери Мако! Какого сына потеряла!

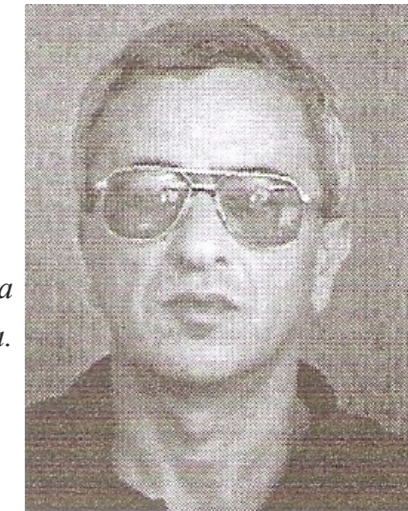
А труп всё никак не могли найти. И вдруг, за спиной у толпы появился Лёвик – живой и невредимый, привда, мокрый, грязный – весь в плесени, в иле.

– А-а-а-у-ф-ф-ф! – хором выдохнули соседи в немой паузе крайнего изумления. А наш дворовый философ – дворник Алексей, почесав затылок, изрёк:

– Подумать только, и как только он изловчился попасть прямо в бочку? – и глубокомысленно заключил. – А вот трезвый так бы ни за что не попал!

С тех пор Лёвик у нас в округе считался божьим человеком. Никто не решался его обидеть. Да и сам он после того случая как-то остыл. Даже его смерть, в какой-то подворотне, после очередного запоя, не запомнилась, прошла незаметной.

ТАМАЗ ЧУМБУРИДЗЕ

Тамаз Чумбуридзе родился в старом тбилисском районе Мтацминда в 1953 году, в семье кинематографистов. Окончил Тбилисскую школу №1, затем Институт иностранных языков. Его произведения на грузинском, русском, английском языках изданы в разных странах мира. В настоящее время проживает в Израиле.

СКРИПАЧ НА КРЫШЕ

1

Однажды, скрипач по профессии и бездельник по призванию, пьяница и дебошир, старый развратный страстолюбец, дармоед и добряк, бесполезный до недоумения Мурман Орбели, решил измениться!..

Вот так, проснувшись и почувствовав всю мерзость своего бытия, по частям и в целости, он как бы просветлел. Его озарило и...

Здесь можно представить что угодно: «заплакал». «долго и задумчиво смотрел в одну точку» и т.д. как бы там ни было, его решение было бесповоротным и решительным:

- бросить курить (постепенно);
- отказаться от алкоголя и других горячительных напитков;
- больше никаких женщин!.. Хоть на месяц.
- нет наркотикам! Даже безобидной марихуане.

И только лишь осталось Мурману осуществить это грандиозное преобразование, тем самым начать новую жизнь...

2

Через час после судьбоносного решения к Мурману заглянул сосед Гия, по кличке Чомбе. Испросив формального разрешения хозяина квартиры, Чамбе не мешкая заварил опиуху на черпачке и «двинулся». «Вторяк», притом добрый, оставил Мурману, и сам испарился так же внезапно, как и ангидрид на его черпачке. Утренний подарок Мурман принял в вину и довольный, почёсываясь, улегся на тахту, с «Иностранной литературой» в руках.

Читать ему не дали. В стеклянную дверь Орбели снова постучали. Пришёл Т., старый, ещё с юношеских годов, поседевший вместе с Мурманом, по кличке Чимкент.

Он редко заходил в гости без всякой надобности. Среди друзей Мурмана он был единственным, кто не дружил с алкоголем. Гость принёс анашу и папиросы. Выкурив по косяку довольно приличного гашиша, приятели уселись за нарды и чай. Спустя час Чимкент исчез так же внезапно, как и до этого Чомбе. А новые гости уже были на подходе.

3

Они вошли поодиночке (дверь была узкой и низкой), однако ощущение было таким, будто, ввалились все сразу. Две женщины и три парня... Потом было много вывпито и мало закушено. И начались пьяные ухаживания Орбели за двумя женщинами сразу одновременно. Из-за тесноты в комнатке они сидели почти впихнутыми в мебель. Одна сидела между холодильником и пианино, другая – между столом и дубовым платяным шкафом. Это давало опытному донжуану беспрепятственное поле деятельности. И если в этом помещении не было где развернуться в прямом смысле этого слова, то Мурман тут чувствовал себя если уж не как рыба в море, но уж точно, как в просторном аквариуме.

Мурман порхал, заливался соловьём и играл на скрипке. После каждого такого номера, исполняемого на этом благороднейшем инструменте, гости и соседи за стеной – то есть слушатели, оставались в недоумении: как можно при такой игре работать в двух симфонических коллективах страны – «Оркестре радио и телевидения» и Оперного театра

Игра на скрипке входила в программу обольщения юных девиц и зрелых дам, вкупе с другими программно-показательными выступлениями, между затяжными тостами, то и дело прерывавшимся несерьёзным хихиканьем. Игра на расстроенном и уже древнем, довоенного выпуска чёрном пианино марки «Музфабрика Тбилиси», и ещё многое другое.

Потом кто-то уходил, и уже новый гость занимал освободившееся место. Очередные гости едва ли были знакомы Мурману, но при их ближайшем рассмотрении они становились ему весьма знакомыми. Последняя партия гостей уже была в такой же последней стадии опьянения. Был полный бедлам. Никто никого не слушал, и все о чём-то кричали, общаясь к никому, полагая, что разговаривают друг с другом. А сам Орбели метался по комнате, со всеми прощался, утверждая, что дома его ждут жена и дети. Правдой было только то, что понятие «жена» было для него совсем не чуждым (Их у него поочерёдно было семь душ. Цифра как у Синеи бороды), и все от него ушли. А единственный ребёнок от одной из них находился в другом государстве. Потом Мурман всё-таки ушёл. Пьяные друзья не сумели удержать от такого глупого шага. Он ушёл в морозную и непроглядную (по причине чть ли не хронически веерного отключения электричества) городскую ночь.

Часа два проплутав неизвестно где, он вернулся и очень удивился, застав у себя новую компанию друзей и с ними каких-то неизвестных. Потом опять оказалось, что со всеми «неизвестными» его связывала если не тесная дружба, то хотя бы многолетнее знакомство. И опять были тосты. Опрокинутые тарелки и разбитые фужеры, стаканы. Дикие вопли Мурмана гармонизировали со всеобщей вакханалией; так он

выплёскивал тоску об бесцельно утраченных юношеских годах и страх перед надвинувшейся во весь фронт старостью: беззубой, полысевшей, с болью в пояснице и заторможенностью в рассудке. И кому какое дело до слабого и ранимого как ребёнок, Мурмана?! Матери ли, до сих пор видевшего в нём малотетного и всё ещё неокрепшего для житейской борьбы сыночка, которому уже пятьдесят! Друзьям? А есть ли у него друзья? Бывшим жёнам? Кому нужен муж-пьяница из оркестровой ямы? И ничего больше, чем пиликать на скрипке он не умеет...

4

Когда Мурман проснулся, никого уже не было. Тишь объедки от трапезы и осколки посуды, свидетельствовавшие о вчерашней попойке. Пар после возлияний вместе с табачным дымом стоял по всей комнате. Мурман открыл дверь и впустил в жилище ночной и чистый зимний воздух. Дышать стало легче. Он с отвращением переложил с пола на стол неизвестно как уцелевший стакан с водкой, и пошёл в туалет во дворе. Ярко светила луна, сверкали звёзды. Было морозно, но ему не было холодно. Голова была ясная как никогда. Без всякой причины на душе стало радостно...

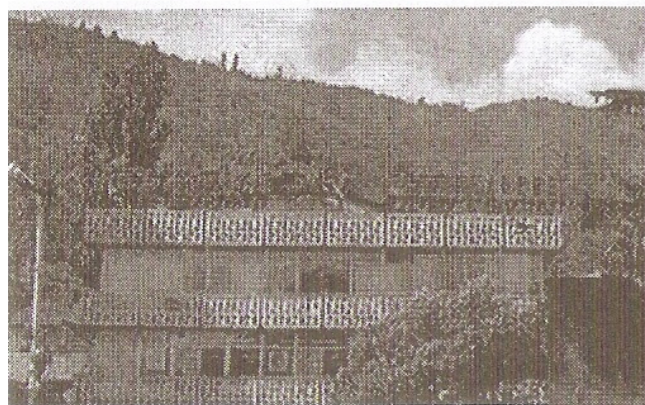
Мурман зашёл в дом, захватил скрипку в футляре затем, прикрыв двери, стал подниматься по лестнице на второй этаж. Там жил сосед, склочник и анонимщик, не раз угрожавший Мурману милицией и другими карательными органами. С лёгкостью для своего возраста, Мурман перелез на крышу, покатую и скользкую, и, не обращая внимания на грохот кровельного железа под ногами, стал взбираться дальше. Достигнув вершины, Мурман присел, достал инструмент, аккуратно уложил футляр под ноги. Всё это он проделал без спешки и опаски, как бы зная, что он в безопасности. Усевшись ещё поудобнее, стал водить смычком. Сначала по одной струне, затем по второй... Дойдя до последней, ударил по всем четырём сразу... Ноты прорезали ночь. Скрипка запела... Мелодия была знакомой до восторга. Хотя Мурман играл её впервые, он играл будто в последний раз... Где-то в нижней части города, на центральной и главной улице, гулял народ, а в толчее, дорвавшиеся до денег, вечно закомплексованные своей неполноценностью обыватели из сельской местности.

5

Вызванные утром милиция, пожарная команда и скорая помощь совместными усилиями снимали скрипача, примёрзшего задом к крыше. Когда с помощью спецприспособлений и верёвок спасательная операция, наконец, окончилась, будто спускали с вершины Казбега, за дело взялись врачи. Мурмана уложили плашмя на носилки и водворили в карету скорой помощи...

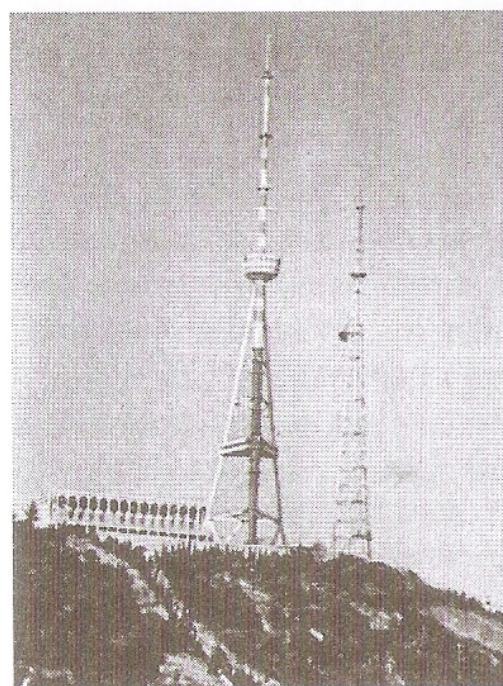
Такое уже случалось с ним. Много лет назад, когда Мурман был моложе, он отсидел десятилетний срок за свои политические убеждения. К тому же ещё и по статье ограбление, в колонии усиленного режима. Тогда он, обкуренный, забежал с мороза в барак, стремительно бросился к источнику тепла – огромной печке, уселся на неё задом и не почувствовал, что обгорел. Прожёл себе ватные брюки, шерстяные рейтузы, рейтузы спортивные и трусы семейные, получив ожог третьей степени. Тогда тоже попал в санчасть аж на две недели.

Всё, что происходило потом, на свободе, но опять-таки в больнице – это было как бы вне его сознания и ощущения. Например, он никак не мог понять, почему так переживает мама? Друзья подмигивают, и почему-то щёлкают себя под скулой двумя пальцами... затем оставляют под его подушкой что-то завернутое в бумагу. Он знает, что это такое. Но ему это уже не нужно. Тридцать пять лет было нужно, а теперь уже нет..

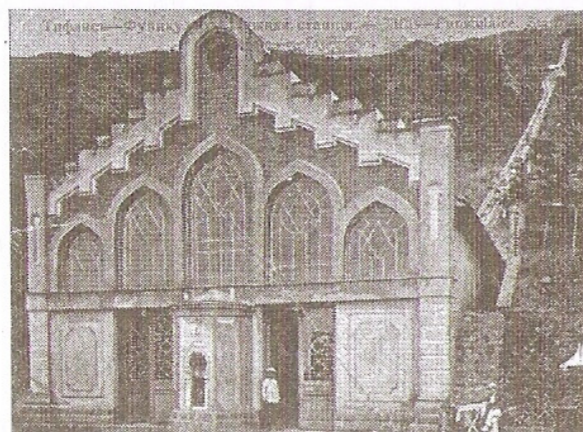
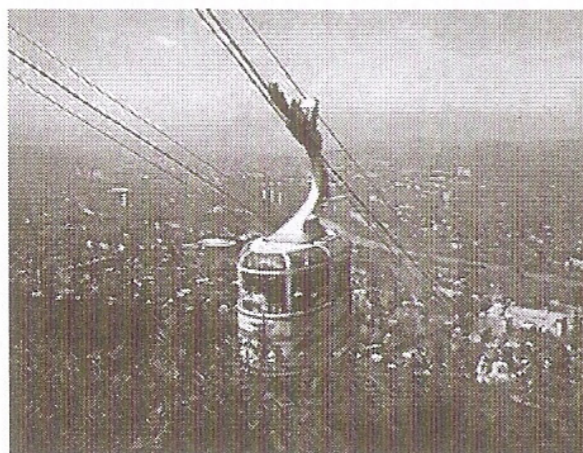

Кто помнит билетные кассы Аэрофлота возле метро «Руставели»?

Не правда ли, на месте этих касс «Макдональдс» смотрится иначе!

Три старых мотива на тему «фуникулер».

6

Выйдя на улицу, Мурман внезапно почувствовал, что должен вернуться обратно. Он так и сделал. Возвратившись домой, прикрыл дверь и, повернувшись, прямо перед собой увидел девушку. Она шла за ним, не зная, что идёт к нему. Девушка была милой и обаятельной. Одета со вкусом. Улыбалась застенчиво. В глазах сиял неземной свет. Ничего подобного Мурман раньше не встречал. Она интересовалась комнатой, которую он когда-то собирался сдавать, но потом передумал. И вот она пришла!.. Это была та самая девушка, которую он ждал всю жизнь!.. Он знал, что она есть, существует! Всегда искал, но находил совсем других. То есть не ту. Не тех. Потом совсем забыл, о чём это он. И все для его стали как одна – просто женщина! И их было не только семь. Это только официальных. И вот она здесь! Он теперь другой. Облысел. Зубы – как наполеоновская гвардия. Или давно погибли в бою, либо что осталось – переломано. Общие недомогания: зимой – грипп, летом – запой. Но не таков Мурман Орбели, чтоб отступить! Сможет ли устоять перед ним это чудо во плоти, сама пришедшая к нему, жаждущему настоящей любви, хотя бы под конец бесцельно, то есть без любви прожитой жизни?

7

Её звали Гармония. Не смейтесь и не удивляйтесь, господа. Она была из очень известной и интеллигентной семьи, и, ведя самостоятельный и целомудренный образ жизни, своими силами, не прибегая к помощи отнюдь не бездарных родителей, сама зарабатывала на жизнь.

После предложенного кофе и приятной беседы, по ходу которой девушка высказала девушка высказала неплохие познания не только в музыке, Мурман, наконец, признался, что давно передумал сдавать комнату. Но, дескать, сейчас заколебался. Потом он плавно перевёл разговор на историю своей жизни, нисколько не думая, интересно ли ей слушать. Закончил он своё горестное повествование весьма странно: достал скрипку и начал играть ту самую мелодию, которая звучала на крыше. Девушка была очарована. Затем объяснился конкретнее. Сказал, что любит её давно, и ждал этой встречи всю жизнь. И когда перестал ожидать, она наконец-то появилась. А до её появления тут, он радикально изменился. То есть стал другим человеком. А посему, ей незачем снимать квартиру; жить они будут вместе, на что он очень надеется. Как ни странно, она призналась, что ей уже 28, и если ему 48, то это не страшно. И если он чуть повременит, она ответит на его предложение так, как полагается. Спустя два месяца она и Гармония поженились. Счастье воцарилось в их маленьком доме. Любили они друг друга безмерно. В семье был уют и спокойствие. Иногда по вечерам она просила Мурману исполнить его любимую мелодию и он с удовольствием брал скрипку в руки. Это был гимн пробуждения от великого сна.

8

Проснувшись, Мурман долго не мог понять, где он находится. Вокруг как будто всё спокойно и обычно. И только лишь удушающий запах сигаретных окурков и вин-

но-водочного перегара. Вот, бутылка в углу... Из-под вина. Вот, жидкость какая-то разлита по клавишам пианино. Вино, наверное, или коньяк. Неприятно и дико. Противно стало... Стошнит сейчас. Нет, пронесло!

– Пойдите, а где моя жена? Как её... Да, Гармония!.. Гармония, где ты?!.. Какая ещё Га... Что за Гармония?!.. Нет никакой гармонии! Есть только хаос и неразбериха в голове!.. Так что же это, неужели всё мне померещилось? Да, я всё помню!!! Другим, вроде, был... Положительным таким... И не пил даже. Совсем. И на скрипке играл как Паганини! Может приснилось? Или... Ну, конечно же, приснилось!

Открыв дверь и запустив в комнату утренний, свежий морозный воздух, Мурман поёжился, крякнул и, накинув пальто на плечи, выскочил во двор, в туалет. Через минуту вылетев оттуда, трусцой добежал до двери и только было проскользнул в комнату, как его окликнули... Повернувшись в сторону голоса, увидел девушку. Она стояла на крыльце, была очень мила, одета со вкусом, но скромно. Улыбалась застенчиво и доброжелательно... Она спросила о квартире, которую кто-то сдавал во дворе. Догадка, быстрая как мысль, мелькнула в голове: «Это она!» В то же миг мысль исчезла. Кто – «она»? Ответа не было.

А продолжение диалога могла быть очень и очень обнадеживающим:

– Да, хотим сдать квартиру. Можете посмотреть. Раз уж вы тут, хоть я и раздумал... Но могу и передумать... Извините, что у меня не убрано. Не откажетесь от кофе?.. Да, это мой инструмент!.. Вы угадали, я скрипач... Холост, как видите... Жизнь моя... История падения и возрождения человека. Полюбить можно и за страдания, как полюбили Отелло... И вы, наконец, здесь! Я вас люблю! И всегда любил!

Хотите снять квартиру? Она – Ваша! Вместе со мной... У вас есть время всё обдумать... И если это судьба, то Вы вернётесь сюда, чтоб остаться тут навсегда!

Потом он достал своего старого друга – скрипку, и знакомая мелодия зазвучала из квартиры стареющего музыканта... Любовь ведёт смычком по струнам грёз... Ликует пламенная страсть, и жизни утверждая силу...

9

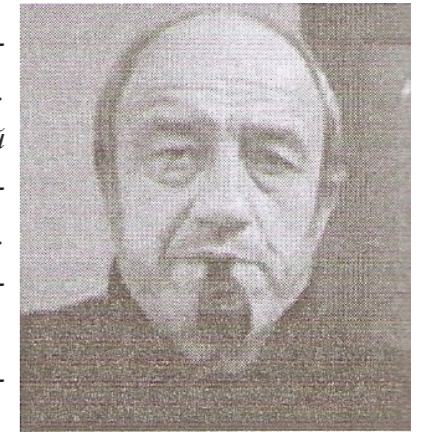
– Нет. Здесь никто комнату не сдаёт... И не продаёт... Что?.. В соседнем дворе? Нет, не слышал. Не знаю... Всего хорошего!

Закрыв дверь и сев на тахту, Мурман долго не мог согреться и унять дрожь... Похмельный синдром действовал заодно с холодом...

Следующим движением Мурман выхватил со стола стакан с той, уцелевшей водкой и залпом опустошил.

БААДУР ЧХАТАРАШВИЛИ

Родился в Тбилиси 1952, проживает на бывшей Караульской улице, (Затем Рижской, ныне О.Тактакишвили), архитектор-строитель. Член Всемирной ассоциации художников, объединённой под эгидой ЮНЕСКО, как пишет он о себе, живёт он в многострадальном Тбилиси, и по своему мироощущению является воинствующим жизнелюбом. Окружён большой дружной семьёй, при повышенном давлении кровяного столба и пристрастия к пиву.

Писать прозу начал не так давно, без каких-либо явных побудительных причин (небольшая подробность: будучи слегка нетрезвым). Публиковался в журналах «Зарубежные записки» (Германия), Русский литературный журнал в Атланте (США), дипломант международных литературных конкурсов «Вся королевская рать - 2007» и «Писатели без границ – 2008»

ВОЙНА

НОВЫЙ ГОД

Бутхуз отстрелял последнюю ленту и отложил пулемёт на спинку втиснутой в тело баррикады садовой скамейки. Вороватый порыв запоздалого декабрьского ветра, встрепав волосы убитого утром ополченца, умчался в сторону Эриваньской площади, перекатывая по пути пустые гильзы. От ступеней парламента ползком пробирался седой горожанин. Лавируя между скелетами сгоревших автомобилей, пластун забирал в сторону ближайшего переуллка.

– Бывший гимнаст, – решил Бутхуз, – вон как отжимается.

С противоположной стороны пошла длинная очередь. Стрелок палил наугад, и пули, срезав ветки с платана, под которым залёг Бутхуз, улетели в сторону старого арсенала – где, собственно, и положено быть пулям, – но на середине пути пули устали и, потеряв силу, упали в мутную воду Куры.

– Пойду я домой, ноги замёрзли.

– Чёрна! – заорал пулемётчик, махнув рукой в сторону командира. Командир постреливал из калашникова, пригнувшись за бетонным парапетом церковного двора. Заметив суету Бутхуза, вопросительно вывернул ладонь. Бутхуз указал в сторону проспекта, стукнул по наручным часам и задрал два пальца, Чёрна кивнул. Ввалив на плечо пулемёт, Бутхуз обогнул баррикаду и направился к дому.

У здания старого телеграфа проспект перегораживала толпа болельщиков. В эту сторону не стреляли – тут была зона наблюдения и обсуждения войны. Раздвигая прикладом спорщиков, Бутхуз пробрался к замызганному подъезду, поднялся на третий этаж и толкнул сохранившую остатки резных завитушек дверь.

В коридоре вкусно пахло. Бутхуз пристроил пулемёт за вешалкой и стянул грязный

бушлат. Из-за кухонной двери, отряхивая с ладоней муку, выплыла тётя Верико:

– Вахтанги, пришёл, сынок, – а что, этот кретин ещё в подвале сидит?

– Сидит, тётя Верико, сидит, куда он денется.

Следом из кухни вылетела недавно вселившаяся провинциальная шлюшка:

– Не смейте грязными своими языками пачкать имя святого человека... Прежде чем патриотка шмыгнула за свою дверь, Бутхуз успел поддать ботинком в обтянутый чёрной юбкой зад. После Бутхуз протопал в ванную, понаслаждался, намыливаясь, растёрся чьим-то полотенцем и пошёл к себе. Проходя мимо двери шлюшки, ткнул кулаком :

– Последний раз предупреждаю: будут к тебе звядисты шастать – всех перестреляю...

В комнате Бутхуз стащил ботинки и повалился на диван. Старый друг ласково прогнулся под хозяином, приспособив провалы набивки под Бутхузовы выпуклости. В комнате было тепло.

– Верико натопила... а вот и она, – дверь скрипнула, необъятная тётя Верико появилась с тарелкой в руках:

– Вахтанги, сынок, я хачапури испекла, тебе на войне голодно – поешь. Да, а Розыного Мишку сегодня ранили – час назад привезли, он возле телестудии воевал. Ты к нему пока не ходи – ему морфий сделали, он спит. В плечо и ногу ранили, там вся комната кровью залита. Сурен Вартанович смотрел, сказал, жить будет, главные органы не задеты – только рука не поправится, сустав разбит. Роза на кухне сидит, плачет, я к ней пойду, поесть отнесу.

– Будет плакать, тетя Верико: у неё, кроме Мишки, никого нет. А что Малхазовича не видно? Куда делся?

– А-а, этот старый дурак никогда ума не наберётся. С утра заладил: «Плевал я на войну: коммунистам не верю, звядистам не верю, демократы сволочи, один, говорит, у меня праздник – Новый год, буду встречать как человек». Завёл свой драндулет и уехал.

– Куда уехал?

– Куда он мог уехать, чтоб его ненасытный живот лопнул: вино, наверное, поехал добывать. Вахтанги, может, сегодня воевать больше не пойдёшь? Новый год встретим, а этот дегенерат пусть сидит пока в подвале: я маме твоей, покойнице, слово дала, беречь тебя обещала, оставайся сегодня дома...

– Тётя Верико, как войну закончим, я с моим пулемётом избирательную кампанию тебе устрою и президентом посажу...

– Чтоб ты пропал, болтун, – Верико двинулась из комнаты.

Не вставая с дивана, Бутхуз потянулся к оставленной на затёртом письменном столе тарелке, отломил ломоть, сглотнул, облизал пальцы и, удобнее пристроив голову на валике, поднял с полу томик Рильке:

*Господь! Большие города
Обречены небесным карам.
Куда бежать перед пожаром?
Разрушенный одним ударом
Исчезнет город навсегда...*

Проспект Ш.Руставели. Канун Нового 1992 года нынче вспоминается как страшный сон.

Отложив книгу, Бутхуз встал с дивана и вышел на балкон. Справа ухнуло – в окно старого «Интуриста» влетел снаряд, занялось рыжее пламя, толпа заволновалась, отхлынула. Из проулка выползла пожарная машина. По выдвинувшейся лестнице взобрался мальчуган в каске, открыл кран на конце брезентовой кишки и стал поливать огонь. Справа снова ухнуло — новый снаряд впечатал пожарника в горящее.

– А ведь говорят, дважды в одно место не попадает. – Бутхуз перегнулся через парапет. Внизу суетились, пытались отнять у машины искорёженную лестницу. Стрельба участилась, сквозь треск автоматов пощёлкивали одиночные выстрелы.

– Снайперы хреновы. Всё, хватит с меня этого бардака, уеду. Чингачгук в Таганрог зовёт, там наших полно, одними арбузами прокормлюсь. Тепло, море и никакой войны. В задницу их демократию – пусть без меня разбираются. Арам на книги глаз положил – баксов пятьсот сдеру с этого клопа за всё. Сегодня же отдам – и вперёд, на Азов, а там как Бог решит.

Бутхуз вернулся в комнату, выудил из-под стола цинку с боезапасом, откинул крышку и заглянул внутрь: патронов оставалось на две серьёзные очереди.

– Ну и тем более – воевать нечем, и хватит...

Натянув ботинки, Бутхуз двинулся в коридор, обдумывая на ходу вероятное место пребывания Арама. Приоткрылась входная дверь, в образовавшуюся щель протиснулся Малхазович:

– Ва, Вахтанг, ты куда? Я приехал, индюка привёз. – Малхазович воздел руку с

ощипанной птицей, вторая рука сжимала тесёмки туго набитой авоськи. – К такой матери вашу войну. Я вот в Кахетию смотался – ветчину добыл, сыр. Новый год не каждый день бывает. Ты далеко не ходи. Ребята придут – встретим праздник, как предки наказали.

– А кто будет? – заинтересовался Бутхуз.

– Все будут, – заверил Малхазович. – Арчил сказал: «Пешком приду».

– Не дойдёт, далеко.

– Кто не дойдет, Арчил не дойдёт? Арчил доползёт, коли идти не сможет. Вы, сопляки, нас вашей войной не пугайте. Город, сынок, есть город. Война войной, а традицию соблюдать надо, иначе города не станет.

Малхазович поволок трофеи в сторону кухни, приостановился и обернулся к Бутхузу:

– А что, эта новая, – и кивком указал на дверь, – совсем безнадёжная? Может, ей просто нормального мужика надо – забудет свой большой патриотизм, а?

– Вот ты её и полечи, – хмыкнул Бутхуз, после задумался и позвал:

Малхазович, а ты вино привёз?

– В машине, я же не сторукий – всё сразу тащить.

– А где вино брал?

– Карденахское.

– Поклянись...

– Ва, я что тебе, сопляк – врать, говорю: чистое Карденахи.

Бутхуз надел бушлат, вернулся в комнату, забрал цинку с патронами. Проходя мимо кухни, крикнул Малхазовичу:

– Я к девяти вернусь, без меня не садитесь.

Спускаясь по лестнице, приостановился поправить врезавшийся в плечо пулемёт: «Если экономно, растяну патроны часа на два, и бегом к Малхазовичу – Карденахи сегодня на улице не валяется...»

СОЛНЦЕ

«Солнце ночью опускается в море. Морем же плывёт оно на восток, а утром поднимается на небо. Вечером, опускаясь в море, солнце рассыпает вокруг золото...»¹

Бутхуз привалился спиной к стене кладбищенской молельни. Неподалеку лежали тела расстрелянных:

— Как тихо, даже птиц не слышно. Природа после стрельбы замирает – скорбит по убитым. А солнцу все равно. Катится себе к морю. Нет ему дела до нас.

Из-за окраинного дома появились люди. Впереди, со связанными руками, шли двое.

— Командир, этих живьём взяли.

— Сажайте их рядом, побеседуем...

Бутхуз повернулся к соседу:

— Ополченец?

— Да.

— Откуда?

— Из ущелья.

— Там две деревни.

— С ближней, что у реки...

— Ну и зачем ты здесь?

— Я свою землю защищаю...

— От кого? От них? – Бутхуз указал на мёртвых. – Что молчишь? Не отворачивайся. Их-то за что убивал?

— Я их не убивал: я солдат, я не убийца.

— Щенок ты, а не солдат. Там твои соседи лежат. Ты смотри, смотри, не отворачивайся. Покажи руки. – Бутхуз развернул сидящего. – Грязные, в копоты – стрелял, значит.

— Я в ваших солдат стрелял, я не палач...

Бутхуз поднялся с земли, встал против второго пленного:

— Ты когда шёл, носок тянул, как на параде. Кадровый? Что молчишь? Борода не поможет, по выправке вижу – офицер.

— Я ополченец, местный.

— Врёшь, у тебя говор гортанный, здесь так не говорят. Покажи руки. Чистые. Командовал, значит, приказывал, а твои люди расстреливали.

— Я офицер по связи...

— Не верю – у тебя глаза убийцы. – Бутхуз повернулся к солдатам. – Приведите мальчика. Ты допустил промашку, офицер по связи. Когда убиваешь, свидетелей оставлять не надо.

Из молельни вышел взводный с подростком. Мальчик обхватил руками Бутхуза и спрятал лицо у него на груди.

— Всё кончилось, малыш, не бойся ничего... Посмотри сюда: этот убивал?

— Нет. Он стоял вон там и плакал, потом кулак наверх поднял и смотрел на небо, что-то кричал. Я не слышал, что – выстрелы мешали.

— Ты его знаешь?

— Да, он из верхней деревни, дружил с моим братом.

— А этот?

— Этот командовал теми, которых вы убили, потом из пистолета стрелял в подранков.

— Ты сын Миндия?

— Да.

— Отец скоро придёт, мы по рации с ним связались. Там, – Бутхуз указал на убитых, – из твоей родни есть кто?

— Сестра...

— Не плачь, сынок, не плачь... Взводный, раненых где устроили?

¹Из грузинского фольклора

— В школе.

— Отведи мальчика туда, дайте ему таблеток каких – может, уснёт.

— А с этими что делать, расстрелять?

— Этому сопляку сломайте указательные пальцы и отпустите. Проведите его до реки – наши подстрелить могут. А этого привяжите к тому каштану. Пусть ждёт. Миндия скоро будет, с ним остальные мужчины идут.

Бутхуз повернулся в сторону моря. Солнце уже уходило – над водой оставалась половинка золотого диска.

Солнцу нет до нас дела. А у луны одна сторона чёрная – дабы не видеть, что мы тут творим. Луна смотрит на землю светлой стороной ночью, когда мы скрыты во тьме...

ВЕТЕР

Бутхуз проснулся от боли. Болела нога:

— Как это наши эскулапы называют, фантомные боли? Ветер поднимается – декабрь.

Перегнувшись с дивана, Бутхуз подобрал протез:

— С добрым утром, деревяшка, отдохнул?

На кухне бывшая патриотка варила кофе:

— Вахтанг, налить чашку?

— Да, выпью одну – замёрз ночью.

— Нога болит?

— Ноет: погода портится.

— Вахтанг, я твой бушлат почистила – грязный был... и медаль надраила – сверкает, как золотая.

— Спасибо, родная, пойду я на вахту.

В коридоре Бутхуз столкнулся с Малхазовичем:

— Как ты?

— Вот, Микел-Габриэла жду¹.

— Прекрати эти глупости.

— Почему же глупости? Пора уже, кому я здесь нужен?

— Мне нужен, ей вон, – Бутхуз кивнул в сторону кухни, – нужен.

— Ночью Верико приснилась. Говорит: «Засиделся ты там, старый дурак, давай к нам. От Розы привет передала...»

— Хватит хандрить. Сегодня пятница, хороший день: наскребу к вечеру на пару бутылок – зальём тоску.

Бутхуз надел бушлат, поднял свёрнутый в рулон коврик и вышел. По тротуару, разбрасывая окурки, прошелестел первый порыв ветра:

— Чёрт, холодно, мало прохожих будет...

Цепляясь за ступеньки протезом, Бутхуз спустился в проём перехода. Из-за витри-

ны парикмахерской выбежала девчушка с веником:

— Батоно Вахтанг, подождите, я замету – мусор набросали на ваше место.

Бутхуз расстелил коврик, опираясь о стену, уселся и пристроил рядом с протезом жестяную миску.

В форточке напротив появилась физиономия часовщика:

— Вахтанг, кофе горячий, только закипел.

— Спасибо, Рубик, я уже выпил.

— Как замёрзнешь, позови: я мигом сварю...

По лестнице спустилась девушка с футляром, отведя глаза, бросила в миску монетку.

— В консерваторию идёт, скрипачка-скрипичница, – а может, просто хорошая девочка.

Бутхуз натянул поглубже вязаную шапочку и вытащил из кармана потрёпанную книгу:

*...Живущие в ночлежках ради бога –
Не мельницы, а только жернова,
Но смелют и они муки немного.
Один лишь ты живёшь едва-едва...¹*

В торжественный день открытия памятника 26-ти бакинским комиссарам, возле авлабарского метро.

¹ Ангел смерти, который приходит за душами мертвых

¹ Р.М.Рильке, О бедности и смерти

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ РЕДАКТОРА

ПОКЛОНИМСЯ НАШЕМУ ТБИЛИСИ

Тбилиси – особый мир, со своей системой отношений. О каждом старом городе можно сказать это, но в Тбилиси свой стиль общения имеет каждый район. Районы возникали в разные эпохи, населялись людьми разных профессий, национальностей, концессий. Коренной тбилисец сразу определит, выходец из какого района перед ним. Немногие города могут похвастаться столь высокой духовностью, терпимостью, ощущением общей жизни на улицах, в переулках, во дворах, которые почему-то называли «итальянскими», а они истинно тбилисские. Увы, этот неповторимый мир безжалостно меняется с течением времени. Порой совсем иные лица, чуждые тбилисскому стилю, начинают навязывать свои правила старому городу. В этом сборнике присутствует частица того, настоящего облика Тбилиси. И \это очень отраднo, потому, что город нуждается в летописцах, художественных и научных, требует увековечения в стихах, в песнях, в музыке. Ведь мы должны передать «наш Тбилиси» детям, внукам.

Можно и обойтись без легенд старого города, но жизнь станет беднее и суше. Конечно, в одном сборнике не выразить всего многоголосья. Но как прекрасно, что он состоит из новелл, очерков, рассказов в разном регистре, в разных жанрах, что создан он с истинным национальным полифонизмом, присущим столице Грузии. Поэтому трудно переоценить ту миссию, которую взяли на себя инициаторы выпуска этого сборника и всех. Кто поддержали их в этом.

МАРИЯ ФИЛИНА

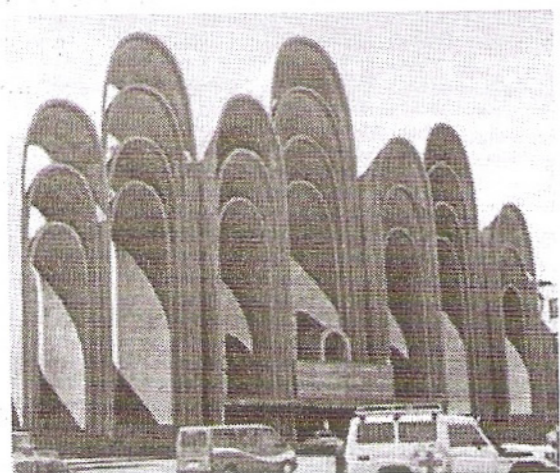
Доктор филологических наук, профессор ТГУ

Книга, рабочий вариант которой лежит сейчас передо мной, необычная. И дело не в художественных достоинствах рассказов, её составляющих, которыми они, безусловно обладают, не в философской или социальной и ещё какой-либо её насыщенности и направленности, нет. Дело в том, что все восемь авторов книги не русские, но пишут они на русском языке. Причём, не на каком его диалекте или сленге, – на литературном живом и выразительном русском языке. И лишь речь персонажей отмечена той печатью того «тбилисского» русского, который впитал в себя элементы иноязычной фразеологии, лексики, даже неправильной грамматики и орфоэпии, чем так грешила русская речь большей части населения Тбилиси – разноплеменного, разноязычного, но единого в своём «тбилисстве» – в приверженности его обычаям и нравам, скреплённого крепчайшими узами любви к своему вечно живому и вечно прекрасному городу. Ещё сравнительно недавно (в прошлом веке), дети тбилисских дворов знали чуть не четыре-пять языков, хотя бы и на обиходном уровне – грузинский и русский почти все, так что языковой барьер вроде и не ощущался. Образование и существование на протяжении более семидесяти лет большевистско-светского государства, конечно, повлияло на все сферы нашей жизни, и даже природу всего пространства СССР. Для гигантской мозаики наций, племён, языков и наречий единственным средством коммуникации стал русский язык. Хорошо это или плохо, нравится кому-то или нет, такое, по большому счёту, было оправдано для той реальности. Владение любыми языками, тем более таким богатым и сильным, на котором создано и создаётся, переведено и переводится необъятное количество ценнейшей литературы, как художественной, так и технической, медицинской, юридической, и ещё Бог весть какой – большое богатство для человека. Правда, тут были и свои минусы, но это – другая тема.

Вернёмся в наши пределы: русский язык для множества нерусских людей занял место родного или второго родного языка. Вот этот-то феномен и отличает эту книгу, и получается, что произведение, по своей сути, стоит на местной, грузинской, и именно тбилисской почве, но средство выражения, то есть языковая форма – русский язык. И всё это усложнено и украшено национальной спецификой авторов и их героев. В литературной практике национальная принадлежность авторов и язык, на котором он пишет, не всегда совпадают, но всегда это феномен. Вспомним Чингиза Айтматова, Юрия Рытхеу, Фазиля Искандера... А ещё был Джозеф Конрад, Владимир Набоков, Григорий Робакидзе... Вовсе не это совпадение или несовпадение определяют, как видно, ценность самого произведения. Такой феномен – данность, обусловленная факторами политического, исторического, порой личного характера. Со все этим связан и не менее интересный вопрос билингвы. Однако целью нашей статьи вовсе не является рассмотрение столь серьёзных вопросов.

В заключение нам хочется отметить безыскусность, простоту (в лучшем её понимании), живость и, пожалуй, живописность повествования, присущую произведениям этой книги, а так же выразительность и чёткость многочисленных персонажей. Позволим себе надеяться, что «Тифлиские» (а вернее – «тбилисские») новеллы вызовут интерес и симпатию читателей, не ограниченных географическими пределами.

Камилла-Мариам Коринтэли.

Эти арки – уже история, как и визави гостиница «Иверия»...

Вместо гостиницы «Иверия» – отель «Radisson».

Автор проекта и редактор-составитель книги – Артём Григоренц

Редактор – Камилла-Мариам Коринтэли.

Компьютерная вёрстка – Ирина Элиозова.

Технический редактор – Эрик Ахсахалян.

Корректор – Тамара Киракозова.

Автор проекта благодарит за поддержку в издании книги:

Посольство республики Армения в Грузии (в лице Чрезвычайного и полномочного посла Грача Силваняна), а так же, Карину Абгарову, Гиви Абовяна, Михаила Авакяна, Тенгиза Авалишвили, Илью Агдгомелашвили, Тамилу Айдинову, Беника Акопяна, Сурена и Сергея Акопянов, Эдо Акопяна, Норайра Арабаджяна, Вахтанга Арошидзе, Марину Арутюнову, Артема Арзуманова, Светлану Арутюнову, Вана Байбуртяна, Галину Бандуру, Нерсеса Барсегяна, Андрея Белявского, Карину Бирюкову-Мкртчян, Анаид Бостанджян, Рому Брегвадзе, Константина Вартанова, Александра Верещанина, Самсона Гелхвидзе, Феликса Глонти, Рому Гумахьяна, Сурена Галустова, Рафаэла Гевеняна, Романа Геворкяна, Гию и Михаила Гижимкрели, Виталия Гохадзе, Ирину Григорян, Жанну Давтян, Анатолия Данеляна, Владимира Данеляна, Ара Демирханова, Автандила Дигмелашвили, Зураба Дудаури, Карину Казарян, Лейлу Казарян, Александра Калантарова, Серго Камалова, Лолиту Кананян, Геворка Киракозова, Рубена Киракозова, Нану Кобаладзе, Михаила Коридзе, Светлану Кошут, Симона Крихели, Паату Кумсиашвили, Гранта Купалаяна, Арчила Купарадзе, Аллу Лаперашвили, Михаила Лейна, Елену Лобачёву, Юрия Лысоченко, Карину Манукян, Давида Манусаджева, Эмиля Матевосяна, Лиану Мегерян, Нану Мелик-Оганян, Юрия Мечитова, Сейрана Микоянца, Джульетту Микиртумян, Айкануш Мовсесян, Ольгу Мхеидзе, Карена Мхитаряна, Нуну Мхитарян, Рачью Мхчян, Игоря Нагорного, Георгия Надарейшвили, Эдуарда Назаретяна, Левона Нахиунова, Роберта и Яну Нерсесовых, Тину Никурадзе, Манану Одзелашвили, Инну Оганесян, Александра Осипова, Людмилу Орагвелидзе, Нодара Палиашвили, Валерия Петросяна, Сурена Петросяна, Эдуарда Петросяна, Валерия Пилтакяна, Александра Пирадова, Александра Русецкого, Мару Сантрусову, Мелика Сапонджяна, Шуру Саркисова, Николая Свентицкого, Ивана Скандарова, Джумбера Симонгулова, Светлану и Эдуарда Скандаровых, Жору Снхчяна, Беллу Соломко, Арнольда Степаняна, Аллу Схиртладзе, Михаила Татевосова, Марину Тер-Григорян, Рубена Тер-Саакяна, Петра Филина, Александра Фомина, Инессу Харэлл-Аракелян, Людвигу Харатова, Эльзу Хачатурян, Амирана Цкитишвили, Владимира Цоколокяна, Давида Чарелашвили, Левона Чидиляна, Гиоргия Шахназарова, Ирину Элиозову.